ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

4.1996

Финно-угроведение, 1996, № 4

Научный журнал.
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В. А. Балашов, В. Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

67775
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Л. Арсланов. Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районах Западного Закамья Республики Татарстан 3
В. Латышева. Сходство и различие жанров драматургии финно-угорских народов Поволжья и Приуралья 21
О. Данилов. Эволюция и устойчивость ранних этнических систем (на примере мари и мери) 31
Т. Молданова. Фольклор, сновидения, адаптация современных хантов 46

СООБЩЕНИЯ

А. Зенкин, В. Никитин. 40 лет Марийской археологической экспедиции (1956—1995 гг.) 55
В. Рогачев. Аксель Хейкель — исследователь мордовской культуры (к 145-летию со дня рождения) 64
Г. Корнашина. Женские обрядовые функции в мордовской общине (конец XIX — начало XX века) 72
Н. Зайцева. Проблемы культурно-языкового возрождения вепсской народности 78
А. Харитонова. Морфонологические процессы при образовании множественного числа в диалектных кустах, сохранивших прамордовский согласный н^{г} 84
Т. Койзуми. К развитию неочевидных наклонений в волжско-финских языках 90
А. Куклин. Топонимия в трудах В. М. Васильева 97
Н. Глухова. Исследование сложного ритма марийских заговоров 102
В. Малова. Лексические синонимы в горномарийском языке 109

ПУБЛИКАЦИИ

Письма Юрьё Вихманна к матери 144

ПЕРСОНАЛИИ

И. Автайкин. Виктору Андреевичу Балашову — 60 лет 124
Г. Айплатов, В. Никитин. Петру Николаевичу Старостину — 60 лет 130
И. Петербургский. 50 лет Виктору Ивановичу Вихляеву 134

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. Волков. Рец.: Л. А. Гильди. Расстрелы, ссылки, мученья. СПб., 1996. 312 с. .. 136
С. Кузьминых. Рец.: В. В. Никитин. Каменный век Марийского края /Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV. 179 с. . 139

ХРОНИКА

А. Зенкин, В. Никитин. Полевой семинар, посвященный 40-летию Марийской археологической экспедиции 147
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Финно-угроведение» за 1994—1996 годы 151
Сведения об авторах 159

«Финно-угроведение», 1996, №4.

СТАТЬИ

Леонид Арсланов
Елабуга

ТОПОНИМИЯ ФИННО-УГРО-САМОДИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РАЙОНАХ ЗАПАДНОГО ЗАКАМЬЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Топонимия финно-угро-самодийского (в дальнейшем — ФУСТ) происхождения в районах Западного Закамья остается малоизученной областью финно-угристики и общей топонимии. Отдельные фрагменты относительно ФУСТ имеются в работах Г. Ф. Саттарова, Ф. Г. Гариповой, Ф. И. Гордеева, В. Ф. Барашкова, С. Х. Алишева, Л. Ш. Арсланова и др. исследователей. В статье делается первая попытка систематизации и интерпретации ФУСТ Западного Закамья.

Топонимы Западного Закамья очень неоднородны по своей языковой основе. Это обусловлено лингвоэтнической историей региона; здесь мы находим разнообразные по происхождению географические названия: тюркские (татарские, чувашские), волжско-финские (марийские, мордовские), пермские, обско-угорские (венгерские, мансийские, хантыйские), самодийские, монгольские, иранские и балтийские.

Поскольку мордва, русские, татары, чуваши составляют большинство населения Западного Закамья и обитают здесь на протяжении нескольких веков, то естественно, основная часть топонимов региона связана с языками указанных народов.

В древности на территории Западного Закамья жили и финно-угро-самодийские племена, оставившие след о своем пребывании в топонимической системе Западного Закамья. Эти топонимы, на наш взгляд, более древние, чем топонимы русского и тюркского происхождения, которые, возможно, относятся еще к ананьинской эпохе. Отдельные топонимы, можно полагать, появились в эпоху Болгарского государства.

Следы пребывания финно-угро-самодийских племен обнаруживаются в основном в гидронимах, частично в ойконимах отгидронимического происхождения.

Как уже было отмечено, среди топонимов Западного Закамья преобладающими являются топонимы тюркского происхождения (татарские, чувашские), что обусловлено лингвоэтнической историей государства Волжско-Камской Болгарии. Считалось, что тюркское население обитает со времени появления Болгарского государства, а по последним данным М. З. Закиева, даже раньше этого времени. Часть топонимов этого периода зафиксирована в книге Ахмеда-ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 годах. В ней упоминается целый ряд топонимов и гид-

ронимов, в частности **Иргиз, Бочаг, Самур, Кинел, Сух, Кюндюжла, Джарамсан, Уран, Батыг** и др. В несколько измененной форме почти все перечисленные топонимы сохранились и бытуют до настоящего времени (15, с. 17—18; 24, с. 68—78).

Значительная часть топонимов тюркского происхождения формировалась намного позднее, в XVI — XVIII веках, в связи с колонизацией земель Западного Закамья русским правительством. Так, в 1658 году в освоении земель по рекам Малый и Большой Черемшан принимали участие татары-мишари из Арзамаса, Темникова и Саранска (48, с. 79). Именно в это время появляются населенные пункты **Камка (Камкино)***, **Узи** и др. Часть мишарского населения является переселенцами из Лямбирского и Сергачского уездов.

В освоении Закамских земель принимали участие и татары Лаишевского и Арского уездов Казанской губернии, о чем свидетельствует наличие одноименных топонимических названий (в основном ойконимы) в районах Западного Предкамья и Западного Закамья (64, с. 217—231).

Среди ФУСТ выделяются мордовские (мокшанские, эрзянские) элементы, которые появились в различные эпохи. Одни мордовские названия бытуют с XIII—XIV веков, другие — со времени освоения Закамских земель в XVII—XVIII веках (во время строительства защитных линий).

Принадлежность некоторых географических названий древним мордовским племенам, по мнению А. Х. Халикова, согласуется с археологическими материалами. «Непосредственное включение мордвы-мокши в состав населения центральных районов Болгарии в XIV в.,— пишет А. Х. Халиков,— подтверждается также рядом интересных сведений, полученных при изучении Болгарского городища» (59, с. 65).

Археологические материалы свидетельствуют также об участии древних марийских племен в формировании археологической культуры IX—XI вв. По мнению Е. П. Казакова, некоторые вещи Танкеевского могильника принадлежали предкам марийцев (33, с. 259).

В районах Западного Закамья представлена и топонимия пермского происхождения. Наши материалы не полностью подтверждают утверждение А. Х. Халикова об отсутствии «пермских топонимов в основных районах ананьинского расселения, т. е. на Нижней Каме и Средней Волге» (59, с. 290). Бытование топонимов пермского происхождения, на наш взгляд, можно отнести к двум временным срезам. Некоторые топонимы этого типа в рассматриваемом регионе оставлены, по всей вероятности, средневятским населением уже в IX—X вв. Это население «оказалось объектом экспансии волжских болгар, которые переселяли его в массе на свои земли» (25, с. 275).

Отдельные топонимы пермского типа следует, видимо, связывать с XVII—XVIII веками, когда шло интенсивное освоение земель бывшего

---

* Здесь и далее в скобках дается официальное название топонима.

Болгарского государства, в том числе и с территории Западного Предкамья, о чем свидетельствует наличие одноименных населенных пунктов на Левобережье и Правобережье Камы: **Селенгуши, Ошняк, Аты, Шәләнгер, Кыйырлы** и др. (64, с. 217—231).

Часть топонимов, не поддающихся этимологизации на волжско-финском (марийском, мордовском) и пермском материалах, связана, по всей вероятности, с наследием угорских, частично самодийских племен. По данным Е. П. Казакова, в «раннеболгарский период (вторая половина VIII — первая половина IX в.) практически все Закамье, т. е. будущую центральную часть Волжской Болгарии, занимали племена кочевых угров, проникших с Южного Урала» (34, с. 35).

Некоторые названия ФУСТ можно связать с (напр., **Шентала, Тигана**) наследием древних венгров VI—IX вв., оставивших в Западном Закамье Больше-Тиганский могильник VII — начала IX в. (9, с. 3).

Более детальное и системное изучение микротопонимии Западного Закамья в дальнейшем может дать дополнительный материал для определения роли финно-угро-самодийских племен в формировании топонимической системы Западного Закамья.

АТЫ ЙЫЛГАСЫ (АТАСЫ ЙЫЛГАСЫ) — гидроним, речка бассейна р. Малый Черемшан; протекает через д. Среднее Алькеево Алькеевского района (23, с. 25). Гидроним состоит, по-видимому, из топоосновы **ата** (мар. **ото**) 'маленький лес, роща' (41, с. 395). Топоним **Аты** участвует в образовании многих ойконимов и гидронимов Арского, Сабинского, Елабужского, Нижнекамского районов Республики Татарстан (4, с. 101). Что касается варианта названия **Атасы (Атаса)**, то второй его компонент мог обозначать также водный объект урало-алтайского происхождения **су** 'вода', ф/у. **си-се** 'вода, речка'.

БИЗНӘ (БЕЗДНА) — левый приток Волги, где находится д. Бизнә (Бездна) Спасского района. Аналогичный ойконим и гидроним Татар **Бизнәсе** (Татарская Бездна) имеется в Дрожжановском районе Республики Татарстан. Отметим также, что название **Бездна** носит правый приток Суры в Республике Мордовия. По мнению Ф. Г. Гариповой, топоним восходит к морд. **пезнака** 'болото', 'топь' (23, с. 32). В описании путешествия Ахмеда-ибн-Фадлана данная река носила название Бәнаснә (Хәйри 1996). На территорию Дрожжановского и Спасского районов данный топоним принесли, по всей вероятности, переселенцы — мишари или мордва в XVII веке во время освоения Закамских земель.

БУЖИ (ВОЖИ) — гидроним и ойконим — название русской деревни Спасского уезда (современного Спасского района). Дореволюционное название — **Вожи, Нееловка тож** (51, с. 204). **Божа елгасы** (река Вожа), **Бужинка** — приток реки **Кесмес (Кусьмес)** представлена в Арском районе; **Бужай (Возжайка)** — река, правый приток Тоймы в д. Камаево Менделеевского района от удм. **вож** 'устье реки'.

Ойконим и гидроним **Бужи** (Вожи), имеют, по-видимому, финно-угор-

ское происхождение: ср. мар. **вож, важ** 'родник', 'река'; луг. **вож,** горн. **важ** 'корень', 'жила' (21, с. 8; 22, с. 36); удм. **вож** 'устье реки, перекресток; перепутье' (10, с. 63); коми **вож** 'развилина реки' (23, с. 35).

В пользу финно-угорского происхождения топонима говорит тот факт, что д. Бужи (Вожи) расположена в устье реки Актай бассейна Камы.

БАЛЫМЕР (БАЛЫМЕРЫ) — название русского села Спасского района. Варианты **Болымери**, «Булымеръ при истоке» отмечены еще в XVIII веке (51, с. 193). Ойконим известен еще до «Казанского взятия». В 1676 году «построен был басурмановский город Балымеровский за Камой рекой, а в нем был царь Балым-Гозя» (62, с. 280—286). Близкие по звучанию ойконимы представлены в Мари-Турекском районе Марий Эл: **Мари Билямор,** (мар. **Марий Пыламарий**), **Ашлань-Билямор** (мар. **Ошлан**) и **Кушко-Билямор** (мар. **Кукшо Пыламарий**). Эти населенные пункты известны с 1686 года. Ойконим состоит из топоосновы **Пиль, Пель,** одинаковый по происхождению с сельк. **бель** 'река' + мар. этноним **мари**. Гидроосновa **пиль / пель** сохранилась в названиях рек **Пилинка (Пиля), Пеленгер (Пыленҷер)** на территории Марий Эл. Топооснова **пиль** выступает в названиях рек **Пильва** — приток Камы, **Пилью** — приток Прупты на территории Республики Коми (66, с. 38). Топооснова **байла** обнаруживается в названии татарского села Байланҷгыр Кукморского района Республики Татарстан, т. е. топооснова **байлы / пыле / байла + (лы)** + мар. **энгер** 'река'.

БӘРКӘТӘ (БЕРКЭТ КЛЮЧ) — название татарской деревни Черемшанского района. Близкие в фонетическом отношении топонимы представлены на территории Башкортостана: **Баргаты (Баргата)** — д. в Дюртюлинском, **Баргот** — в Абзялиловском, **Борготья (Бургаджино)** — в Мечетлинском, **Беркетоя (Беркутья)** — р., правый приток Малого Инзера в Белорецком районах Башкортостана. (52, с. 31, 37, 38). Авторы словаря гидроним **Беркетоя (Беркутья)** связывают с названием местности Беркэтоя (**беркет** 'орел', 'орлиное' + **оя** 'гнездо').

Ойконим, на наш взгляд, древний, связан, по-видимому, с угро-самодийским миром. Можно полагать, что название деревни существовало еще до появления здесь татар-мишарей из Лямбирского, Саранского, Темниковского и Сергачского уездов.

Рассмотрим некоторые предположения, косвенно касающиеся ойконима **Бәркәтә.** Заслуживает внимания мнение В. Ф. Генинга о происхождении племенного названия **Баргаты.** По этому поводу он пишет: «Баргаты — одно из племен, упоминаемое Рашид-аддином, где **Бар + гаты** + суффикс множественного числа монгольского языка по типу **теле – телен – гуты**. Один из крупных историков Сибири — Банзаров отождествляет Бургут или Бурут с бурятами. Можно сближать с именем одной из обско-угорских фратрий Пор» (25, с. 80).

Фонетически близок к ойкониму **Бәркәтә** ойконим **Борготья.** Возражая авторам «Словаря топонимов Башкирской АССР», считающим, что ойконим **Борготья** образован от гидронима **Беркетоя (беркет** 'орел', **оя**

'гнездо'), З. С. Шайхетдинов формант **бир / бор / бар** связывает с финно-угорскими языками и для доказательства своего предположения приводит примеры с формантами **бир – бар – бор – бур (Баргак, Баргаты, Баргот, Баргош, Баргызбаш)** на территории Башкортостана и за его пределами — **Биркот, Биранга, Бира, Баргана** (63, с. 76).

Ойконим **Бәркәтә** оставлен, на наш взгляд, угро-самодийским населением, принимавшим участие в формировании населения Волжской Болгарии. Проживание угро-самодийского населения подтверждают археологические материалы (Генинг, Халиков, Казаков, Старостин). Ойконим **Бәркәтә** состоит, по всей вероятности, из двух топооснов: **бар / бәр** в значении 'река' (возможно, этнонима **пор** обских угров) + **ката** (кәтә), который характерен для финно-угро-самодийских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и для диалектов татарского языка и др., даже носит ностратический характер, ср.: укр. **хата** 'дом', хант., манс. **хат**, фин. **kota** 'хижина', древнеинд. **кат / кот** 'крепость', монг. **хото** 'город', якут. **хотон** 'хлев', 'скотный двор', мар. **кудо** 'лачуга', 'шалаш', 'летняя кухня', тат. диал. **ихата / ей хата** 'изгородь', 'плетень', 'забор', 'двор'. Таким образом, большинство фактов свидетельствуют о финно-угорско-самодийском происхождении ойконима **Бәркәтә**.

Интересна, на наш взгляд, этимология, основанная на материале венгерского языка. Ср. венг. **berek~berket** 'кустарник', 'сырой луг' (ККЭС : 220); *ber:* [*ke,—ket*] 'прибрежные заросли', 'прибрежные кустарники' (17, с. 85).

ВАЛАВЫЗ — речка, приток Малого Черемшана в д. Кряш. Ялтан Чистопольского района. Это название можно сопоставить с гидронимом **Валамаз** — речка бассейна Кильмезь, а также названием реки **Валамаз** около города Малмыжа Кировской области.

Гидроним состоит, по-видимому, из топоосновы — **ва** 'вода', аффикса **ла** и топоформанта **выз/мыз/мыс/мос** 'водный источник' (10, с. 60).

Об этимологии гидронима **Вала** в финно-угристике существует несколько точек зрения. Ф. И. Гордеев полагает, что **Вала** восходит к финно-угорскому апеллятиву **välä* 'долина' (26, с. 190; 27, с. 32). С. К. Бушмакин название р. **Вала** возводит к общепермскому пласту и связывает со словом **вал** 'лошадь' + *а* (суффикс обладания, наличия), одновременно он допускает другую интерпретацию от общеперм. **ва** 'вода', 'река' + **ла** — суффикс направительного падежа + **маз** < коми **мос** в топонимии 'источник', 'родник', 'ключ' (16, с. 26). По мнению М. Г. Атаманова (10, с. 59), Р. И. Яшиной (65, с. 47), Л. Е. Кирилловой (36, с. 109), название реки Вала состоит из апеллятива **ва** 'вода', 'река' и аффикса — **ла**.

ВАШУРКА — гидроним, речка бассейна Большого Черемшана (д. Чулпан Октябрьского района). Аналогичные ойконимы **Башур, Пашур** отмечены в Шарканском и Завьяловском районах Удмуртской Республики (12, с. 30) в Чистянском районе Пермской области в названии д. Пашур. Данная этимология прозрачна: **ва** 'вода' + удм. **шур** 'река' + **ка** —

суффикс русского языка. Гидроформант **ва / ба / па** общепермского происхождения. Представляет собой самую распространенную группу гидронимов коми-пермяцкого происхождения в Верхнем Прикамье: **Сыльва, Нытва, Кожва, Ульва, Нердва, Ирва, Лудзва** и др. (10, с. 59).

Гидроформант **-ва** восходит к уральскому языку-основе. На территории Удмуртской Республики формант **-ва** выступает в гидронимах **Сива, Вавож, Ува, Кыва, Порва** и др. (36, с. 87—88). Что касается гидроформанта **шур**, то он получил широкое распространение на территории Удмуртской Республики, Марий Эл и Республики Татарстан и Кировской области. Восходит к удм. **шур** 'река': **Сишур, Лудошур, Шурняк** и др. В коми языках он имеет соответствие в форме **шор** 'ручей', раньше и 'источник' (36, с. 86).

КАМКА (КАМКИНО) — ойконим: **Яңа Камка (Новое Камкино)** — название русской деревни, **Иске Камка (Старое Камкино)** — название татарской деревни Алькеевского района Республики Татарстан. Л. Л. Трубе ойконим **Камка** считает мордовским личным именем. Название Камка (Камкино) принесли с собой татары-мишари из д. Камкино Сергачского уезда Нижегородской губернии во второй половине XVII века (55, с. 260—261).

КЫЙЫРЛЫ (КИЕРЛЫ) — ойконим, название татарской деревни Утяшкинского района, Новошешминского района. Аналогичный ойконим бытует и в Мамадышском районе: **Югары Кыерлы (Верхний Берсут), Түбән Кыерлы (Еникей — Чишма)**. Ойконим, по мнению Г. Ф. Саттарова, восходит к мар. **куэрла** 'березняк' (**куэ** 'береза' + **-эр** — словообразовательный суффикс + **-ла** — суффикс собирательной множественности) (41, с. 255; 47, с. 549). Первыми основателями д. Кыйырлы Новошешминского района, как мы полагаем, были татары-переселенцы из одноименных деревень Мамадышского района в период строительства Закамской засечной черты во второй половине XVII века.

КИРӘМӘТ ЙЫЛГАСЫ — речка Кереметь, правый приток Сульчи бассейна Малый Черемшан (Аксубаевский район). Данный гидроним имеет весьма широкое распространение, главным образом в Западном Предкамье. Аналогичные гидронимы отмечены в Лениногорском, Чистопольском районах Западного Закамья (23, с. 69). В этом же ряду следует рассматривать названия населенных пунктов **Яңа Карәмәт** (Новая Кирметь), **Рус Кармәте** (Русская Кирметь), **Иске Карәмәт** (Старая Кирметь). В бывшем Чистопольском уезде существовали деревни: «Старая Татарская Киреметь, населенная крещеными татарами, Верхняя Киреметь (живут служилые татары), Старая Киреметь (живут помещичьи крестьяне), Новая Киреметь (служилые татары) при речке Киреметь» (51, с. 222—223).

Ойконим и гидроним связаны, несомненно, с древним финно-угорским словом **керемет, кереметь**. Ср. удм. **кереметь,** миф. этн. **кереметь** 'дух зла и священная роща' (56, с. 194). В марийском языке слово **керемет** имеет значение: кереметь уст. (в суеверных представлениях «злой дух» (у луго-

вых и горных марийцев); родовой дух-хранитель (у восточных марийцев) (41, с. 193).

Данное слово характерно и для тюркских языков. Оно встречается в чувашском **(киреметь)**, татарском **(кирәмәт)**, башкирском, казахском языках. По мнению Р. Г. Ахметьянова, слово **кирәмәт** арабского происхождения (13, с. 151—152; 14, с. 31—33).

КҮТӘМӘ — гидроним, обозначающий левый приток речки **Олы Ташлык** (Верхняя Каменка) Черемшанского района; правый приток речки Сульча (д. Күтәмә Черемшанского района). Топоним финно-угорского происхождения: ср. мар. **котама** 'форель' (41, с. 225). Гидроним **Күтәмәле** бытует в Лаишевском, Пестречинском районах Республики Татарстан. Ойконим **Күтәмәле** — название татарской деревни Сармановского района. В Мензелинском говоре татарского языка **күтәмә** обозначает 'пескарь'.

ЛИКАНУР — приток реки бассейна Шушмы у д. Чумач Черемшанского района (23, с. 83). Гидроним состоит, по всей вероятности, из двух компонентов: **Лика** (этимология не ясна) + мар. **нур** 'поле'. Первый компонент, возможно, представляет собой антропоним Лика, отсюда гидроним означает поле, принадлежащее Лику. Не исключена возможность связи с названием деревни Ликеево времен Казанского ханства (62, с. 277). Его можно сопоставить с ойконимом **Лэке/Ляки** Сармановского района.

МИШӘ (МЕША) — название деревни Чистопольского уезда: «Меша, Кублицкое тож на речке Меша» (51, с. 225). Ойконим явно отгидронимического происхождения. Можно сопоставить с названием д. Меша Зюрейской дороги (62, с. 287). Что касается происхождения ойконима, то в литературе существует несколько версий. Топооснову **мишә/меша** Ф. Г. Гарипова возводит к древнетюркскому слову *bišä* 'лес', 'кустарник' (23, с. 35).

М. З. Закиев гидроним **Мишә** также связывает со словом **мешә/мишә** 'лес'. Автор допускает возможность проникновения его из персидского языка и одновременно подчеркивает, что слово **меше** характерно и для финно-угорских языков, поэтому оно древнее слово, которое употреблялось на ностратическом уровне (31, с. 170). Г. Ф. Саттаров склонен объяснить его исходя из материалов финно-угорских языков, в частности из мансийского языка, в котором слово **меше** обозначает 'извилистую реку' (47, с. 214). М. Г. Атаманов отмечает, что слово *metsä~mets* «лес» употребляется в прибалтийско-финских языках и считается заимствованием из балтийских языков (11, с. 68). Мы придерживаемся этимологии Г. Ф. Саттарова. Таким образом, ойконимы **Мишә/Меша** отгидронимического происхождения.

МОРАСА (МАРАСА): гидроним — левый приток Малого Черемшана и ойконимы: дд. Рус Морасасы (Мараса) Алексеевского и с. **Күлбай-Мораса** (Кульбаево-Мараса), **Кече Күлбай - Мораса** (Сельцо Кульбаево-Мараса) Октябрьского района Республики Татарстан (2, с. 161). По данным Д. А. Корсакова, дд. Мораса / Мараса существовали еще в XVIII

веке: «д. Новопоселенная Мараса, Кульбаева тож, помещичьи крестьяне 47 душ, д. Кульбаева Мараса, крещеных татар 37, служилых татар 202, д. Вершины речки Мураса». Д. Мараса Ногайской дороги существовала еще в эпоху Казанского ханства (62, с. 287). Ойконимы **Мураса, Мараса, Мораса** отгидронимического происхождения.

По поводу происхождения топонимов **Мораса, Мараса, Мураса** есть несколько точек зрения. А. Х. Халиков гидроним **Мораса** связывает с наследием именьковских племен и считает его балтизмом (57, с. 62). Г. Ф. Саттаров гидроним и ойконим **Мораса** возводит к монгольскому источнику: **мор мур** < монг. **мурэн** 'река' + гидроформант **са/су** 'река' и полагает, что гидроним состоит из монгольского **мурэн > мора** 'река' + гунского **са/су** 'вода', 'река' (47, с. 7). С. Х. Алишев считает, что ойконим **Кульбаево-Мараса** является одним из древнейших населенных пунктов в Западном Закамье. По предположению С. Х. Алишева, топоним **Мораса** состоит из двух компонентов: **мор/морт/мар** 'человек', 'мужчина' + **ас** — название одного из тюркских племен, живших в VIII—XII веках на Северном Кавказе и Нижнем Дону в составе государства алан, а в XIII веке на Средней Волге (С. Х. Алишев. Колбай-Мораса//газ. «Ватаным Татарстан» от 28 июля 1995 года).

Топоним **Мараса/Мораса/Мураса** состоит, на наш взгляд, из трех компонентов: финно-угорск. **мур** 'глубокий' + **а** — суффикс + топоформант **-са** с водным значением, некогда восходящий к самостоятельному слову урало-алтайской эпохи, обозначающему водный объект.

И. С. Галкин суффикс **са/ша** рассматривает в одном ряду с суффиксами **-ша, -за, -жа**, возникшими из одного источника, «когда-то представлявшего знаменательное слово со значением «проточная вода, река, ручей», и являются лишь диалектными фонетическими вариантами древнего финно-угорского праязыка» (66, с. 13).

Что касается топоосновы **Кульбай**, то ее можно, по-видимому, сопоставить с самодийским этнонимом **Колбай**, названия населения, проживавшего в верховьях Енисея (25, с. 71), и топонимом **Кульба** на территории Нижегородской области (50, с. 250).

СӘЛӘНГЕШ (СЕЛЕНГУШ) — гидроним, правый приток Большой Сульчи у д. Селенгуш (русское село) Октябрьского района. Речка Селенгуш представлена на территории Пестречинского района (23, с. 108).

Речка Селенгушка отмечена и на территории Ульяновской области (15, с. 17). Документы XVIII века сообщают о существовании д. «Деяшева — Шеленгуш (Даïшево — Селенгуши) при речке Шеленгуш, в которой жили служилые татары. Деревня относилась к Чистопольскому уезду» (51, с222). Топонимические параллели представлены также на территории бывшего Лаишевского уезда: «село Ивановское Селенгуши, где живут помещичьи крестьяне; деревня Шеленгуш. Селенгуш в натуре нет, жители в ней Ермаковой сотни Алмякова служилые татары живут по разным деревням и подати платят от сотни» (51, с. 183). Село Селенгуши (тат. Селәнгеш) с

русским населением сохранилось в Пестречинском районе, остальные две в настоящее время не существуют.

В. Ф. Барашков гидроним **Селенгушка** связывает с монгольским материалом (15, с. 17).

Близкий по фонетическому облику ойконим **Шалангуш** — название марийской деревни — представлен в Звениговском районе Марий Эл. Что касается этимологии **Селенгуш**, то ойконим состоит, по нашему мнению, из мар. **шолан** 'с вязами', 'вязовый' + финно-угорск. **гуш/куш** 'поляна', 'луговина', т. е. поляна, луговина с вязами (20, с. 11—12).

Деревня Селенгуши отмечена еще в эпоху Казанского ханства на территории современного Пестречинского района (62, с. 278).

ТИГӘНӘ (ТИГАНЫ): **Зур Тигэнэле** (Большие Тиганы) Алексеевского и **Тиган-Булак** Чистопольского районов — названия татарских населенных пунктов и гидроним **Тиган-Булак** — название речки бассейна Шентала. Ф. Г. Гарипова топоним **Тиган-Булак** считает возможным связать с тюркским заимствованием в венгерском языке: *teknö* 'корыто' (23, с. 115). Примечательно, что Большетиганский могильник, по утверждению А. Х. Халикова и Е. А. Халиковой, оставлен древними венграми (60, с. 74; 61).

ЧИРМЕШӘН (ЧЕРЕМШАН) — гидронимы Большой Черемшан, Малый Черемшан и ойконим — название районного центра Черемшаны. Населенные пункты Чирмешэн (Черемшаны) представлены в Рыбно-Слободском и Апастовском районах Республики Татарстан. Гидроним очень древний, он отмечен Ахмедом-ибн-Фазланом в 921—922 годах (23, с. 131; 15, с. 18). Близкие по звучанию деревни «Черемша дер. Ногайской дороги на рч. Ошняке, Черемша, дер. Зорейской дороги на рч. Нурма» существовали в эпоху Казанского ханства (62, с. 289).

Деревни Чирмешэн Апастовского и Рыбно-Слободского районов, на наш взгляд, являются вторичными по отношению к гидрониму и ойкониму **Чирмешэн** Западного Закамья. Первоначальным мы считаем татарский вариант **Чирмешэн**. Что касается этимологии топонима **Чирмешэн**, то в научной литературе бытует несколько гипотез и предложений. Г. Ф. Саттаров гидроним **Чирмешэн** считает марийским по происхождению и связывает его с этнонимом марийцев **чирмеш** (черемис): **чирмеш** + **ан**/эн 'река черемисов' (46, с. 12). М. З. Закиев полагает, что слово **чирмешэн** обозначает 'масляная река, река хвойных лесов' (31, с. 179). По мнению Ф. И. Гордеева, гидроним **Чирмешэн (Черемшан)** восходит к иранскому источнику **джарамсан** (30, с. 86). Мы считаем, что гидроним **Чирмешэн** (Черемшан) является древним этнонимом марийцев **чирмеш** 'черемис', живших в эпоху Болгарского государства вместе с древними болгарскими племенами. Археологические и исторические материалы позволяют утверждать, что территория Западного Закамья до появления болгарских племен была занята финно-угорскими племенами, об этом свидетельствуют ряд топонимов и гидронимов, которые этимологизируются на мате-

риале финно-угорских народов, напр.: **Шия, Селешгуши, Шәләнгер, Измери** и др. Заслуживает внимания и тот факт, что до появления болгарских племен на данной территории проживали древнетюркские и финно-угро-самодийские племена.

Н. А. Андреев топоним **çарăмсан / черемшан** связывает с названием рéки **Зеравшан**, полагая, что предки-переселенцы (болгары, чуваши) принесли с собой это название из Средней Азии (3, с. 108).

В связи с этим представляют интерес сведения, приведенные Г. А. Сепеевым о существовании в Западном Закамье земель, принадлежащих марийцам. «В XVIII веке марийцы поволжских волостей имели бортные угодья за Камою рекою по речке по Черемшане» (49, с. 26). Что касается этимологии **чирмешэн/черемшан**, то Ф. И. Гордеев возводит его к этнониму сармат, т. е. **ӟдӟарамасӈ**, «сармат > булг. сьармысь «мариец», рус. черемис; **дзьӟарамасӈан**, джарамсан (X в. Ибн-Фадлан) «сарматский», рус. Черемисан» (30, с. 87). И. Г. Иванов этноним черемис, наоборот, считает финно-угорским, состоящим из компонентов **чере** 'человек' (ср. ненец. **чера** 'человек') + **мис** 'человек' (32, с. 44—48).

Гидроним **Чермасан /Сәрмәсән**, название левого притока р. Белой авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» связывают с антропонимом Сэрмэсэн (52, с. 134).

Мы придерживаемся финно-угорского происхождения топонима **Чирмешэн**, который появился, по-видимому, в ананьинскую эпоху, по крайней мере, до появления болгарских племен в Западном Закамье. Интересно отметить, что в X веке река Большой Черемшан носила название **Кәремсан**, а Малый Черемшан — Җаушин (Җаушир).

ШӘЛӘНГЕР СУЫ — речка бассейна Шербень в д. Шербень Аксубаевского района. Аналогичный гидроним **Шәләнгер** представлен в Арском районе (23, с. 141). Фонетический вариант **Челәнгер** (название речки бассейна Шушмы) имеется в Балтасинском районе. Деревня **Шеленгеръ (Селенгеръ)**, выселок из д. Елвединой, существовала еще в XVIII веке (51, с. 183).

Топоним состоит из компонентов: мар. **шоло** 'вяз' + суфф. **-ан**: **шолан** 'с вязами', 'вязовый' + мар. **эҥер** 'река' (20, с. 11, 18). Возможна и другая этимология, связанная с ойконимом **Шүләнгер (Шандер)** — названия татарских сел Мамадышского района, которые восходят к слову мар. **шӱн** 'глина', т. е. **шӱнан** 'глинистая' + **эҥер** 'река' (7, с. 42—44; 8, с. 45—47).

ШЕПКӘ/ШӘПКӘ — гидроним, левый приток реки Ата и ойконим: **Татар Шәпкәсе** (Татарские Шипки) Алькеевского района. Гидроним **Шәпкә: Шепкә елгасы** бассейна реки Аксарка и **Югары Шепкә** (Верхние Шипки) представлены в Заинском районе (23, с. 130). Топоним **Шепкә**, по нашему мнению, марийского происхождения: мар. шопке 'осина', 'осиновый' (41, с. 719). В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что фонетический вариант **Шаплак/Шопкила** имеется в Медведевском районе Марий Эл, причем как ойконим и гидроним **Шепкә** Заинского райо-

на, ойконим **Шопкила** находится рядом с деревней Аксаркино (38, с. 154; 6, с. 79).

Поэтому можно предположить, что дд. Шепкэ и Аксар Заинского района могли основать переселенцы из деревень Шопкила и Аксарка Медведевского района Марий Эл в период строительства Закамской засечной черты во второй половине XVII века.

ШИЙӘ (ШИЯ) — гидроним, правый приток Малого Черемшана. Аналогичные географические названия (ойконимы и гидронимы) широко распространены в Мамадышском, Кукморском, Пестречинском районах Республики Татарстан. В эпоху Казанского ханства существовали деревни **Сия (Шия)** по реке Нокса, Нурме, Сия (62, с. 278).

Ойконим **Шия (Сия)** отгидронимического происхождения, состоит из двух топооснов: **си/ши** — топоформант с водным значением + **йа** — топоформант в значении 'река' также финно-угорского происхождения. В. И. Вершинин считает, что гидронимы **Сия** и **Шия** одного происхождения. Первоначальной формой, по его мнению, является вариант Сия. Переход согласного **с** в **ш** произошел под влиянием особенностей марийского языка (18, с. 46). И. С. Галкин связывает формант **си/ши** с ненецким **сё, си** 'протока, река, вытекающая из озера' (66, с. 134). А. Н. Куклин считает его древним и возводит к уральской гидролексеме (39, с. 44—54).

Шонтала/Шынтала/Шентала: **Шынтала йылгасы**, левый приток Камы; ойконимы-названия дд. **Чирүле Шонталы** (Служилая Шентала) Чистопольского, **Урман асты Шонталасы** (Подлесная Шентала), **Кыр Шонталасы** (Степная Шентала) Алексеевского районов Республики Татарстан; станция Шентала и одноименный районный центр Самарской области. Ойконим **Шонала/Шынтала** является отгидронимическим и восходит, по-видимому, к угро-самодийскому источнику, ср. сельк. **шынт/шынт'/шунд'** 'ручей болотный' + **ла** — речной суффикс. С этим гидронимом связывает М. Г. Атаманов названия рек и речек: **Шундошур** бассейна Кильмезь, **Сундошур** бассейна Чепцы, **Сунды** бассейна Валы (12, с. 86; 10, с. 94—95). Гидроним **Шанда** (ручей) отмечен на территории Тукаевского района Республики Татарстан.

ШУША — речка бассейна Малого Черемшана в д. Чув. Брод Чистопольского района (23, с. 140). Гидроним состоит, по всей вероятности, из двух топооснов, обозначающих водные объекты: ср. манс. **шош/шуш** 'ручей' + **а** — суффикс (21, с. 9; 10, с. 95; 36, с. 175). Р. А. Агеева интерпретирует его как мар. **шошо** 'весна', 'весенний' (1, с. 227), что маловероятно.

ШУШМА — река, левый приток Камы. **Шушма** — левый приток Вятки. Гидроним состоит из топооснов: хант. манс. **шош, шуш** 'ручей', 'речка' + **ма/ва** — гидроформант, обозначающий «вода» (66, с. 133). Ср. р. **Шош**, р. **Чеш**, к. **сеська**, рус. **шошка**, удм. **Шушмы** (36, с. 175).

К финно-угорскому источнику возводит Г. Ф. Саттаров такие географические названия как **Сосна** — название татарской деревни Балтасинского района от гидрографического номенклатурного термина **сос/шош**

'река', 'речушка'; река **Шошма** — левый приток Вятки, **Шешеңэр** (Шишинер) и др. (47, с. 214).

Название **Шушма/Шошма** дали, возможно, переселенцы-татары с реки **Шошмы (Шушма)** Вятской губернии во время освоения Закамских земель в период строительства Закамской защитной линии во второй половине XVII века (6, с. 80).

ШӘПШЕ (ШАПШИ) — гидроним, речка бассейна реки Бурнай (д. Среднее Алькеево Алькеевского района). Аналогичный ойконим представлен в Высокогорском районе (р. п. **Шапши**). Гидроним состоит, по-видимому, из топооснов: хант. **шап/сап** 'ручей', 'речка' (66, с. 131) + **ши/се**: ненец. **сё/ си** 'протока', 'река, вытекающая из озера' (66, с. 136). Гидрооснова **си**, как полагает М. Г. Атаманов, деэтимологизированное слово, довольно часто встречающееся в топонимии Удмуртской Республики, напр.: **Сива, Какси, Нюрси** и др. (10, с. 59). По мнению В. И. Вершинина, в топонимах **си/ши/су** скрывается корень какого-то древнего угорского слова (18, с. 159).

Таким образом, можно заключить, что формант **си/ши** является древним гидрографическим номенклатурным термином уральской эпохи.

ӘМЗӘ (АМЗЯ) — ойконим: **Яңа Әмзә** (Новая Амзя), **Рус Әмзәсе** (Старая Русская Амзя), **Иске Әмзә** (Старая Татарская Амзя) Октябрьского района (2, с. 159).

В XVIII веке известно существование деревень Новая Амзя при речке Амзя и Старая Амзя при речке Амзя (51, с. 223). Аналогичные гидронимы и ойконимы известны в Башкортостане: Әмзебаш (Амзибаш) — д. в Калтасинском районе. **Әмзә** (Амзя) — речка, левый приток Буя, **Әмзә** (Амзя) — д. в Аургазинском районе, станция в Янаульском районе. Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» допускают возможность отнесения к значению 'дикий лук' (52, с. 117). В. А. Никонов полагает, что в слове **Амзя**, как и в топонимах **Пенза, Инза, Промза, Крымза** выделяется топоаффикс **-за**, в котором носовой согласный сочетается со звуком **з**. Это позволяет связать данный топоаффикс с мордовскими языками (44, с. 286). Предположение В. А. Никонова подтверждается, по-видимому, тем, что гидронимы **Инза, Имза** — название левого притока реки Урги Нижегородской области; Инза — притока реки Суры в Республике Мордовия (**ин** — топооснова и **за** — топоформант) (28, с. 85).

ӘНҖЕРӘ СУЫ — речка бассейна Малый Черемшан (д. Борискино Алькеевского района), **Коры Әнҗерә елгасы** — речка бассейна Малый Черемшан (д. Старая Камка Алексеевскоо района), ***Әнҗерә күле*** — озеро Анзира (Старая Камка Алексеевского района) (23, с. 73, 105, 195). Его можно сопоставить с гидронимом и ойконимом **Анзирка** Елабужского района (5, с. 104). Этимология не ясна. В Вятской губернии существовала Энзеринская волость, где проживало в основном русское, удмуртское и марийское население. Топоним, как мы полагаем, финно-угорского происхождения.

ӘШНӘК (ОШНЯК) — ойконим, название татарской деревни Алексеевского района. Деревня основана татарами из д. Большой Ошняк Рыбно-Слободского района в 1677 году (45).

В Рыбно-Слободском районе есть ряд населенных пунктов под названием **Әшнәк** (Ошняк): **Рус Әшнәге** (Русский Ошняк), **Олы Әшнәк** (Большой Ошняк), **Югары Әшнәк** (Верхний Ошняк), **Кече Әшнәк** (Малый Ошняк), **Әшнәк-Качкалак** (Ошняк-Качкалак). Эти населенные пункты существовали еще в эпоху Казанского ханства (62, с. 277). Деревня Ашнак известна и в Моркинском районе Марий Эл (26, с. 17). Что касается этимологии **Ошняк**, то в литературе есть несколько версий. Г. Ф. Саттаров полагает, что в основе названия **Әшнәк** лежит персидское заимствование **ашна/әшнәк** + ласкательный суффикс — **әк** (45). Аналогичного мнения придерживается Ф. И. Гордеев (26, с. 117). Название **Ошняк (Әшнәк)**, по нашему мнению, удмуртского происхождения. Оно состоит из удм. **ош** 'бык' + удм. **нюк** 'овраг', т. е. «бычий овраг». Наше предположение подтверждается и тем, что в этом регионе выявлен ряд топонимов, относящихся к пермским (удмуртским) элементам: **Шали, Кони, Ирга** и др.

ӘҖМӘР (ИЗМЕРИ) — ойконим, название татарской деревни Спасского района. Существует несколько предположений относительно этимологии ойконима Измери. Г. Ф. Саттаров связывает данный топоним с татарским антропонимом Хаҗимәрдән. Изменение первоначального личного имени происходило, по мнению Г. Ф. Саттарова, следующим образом: Хаҗимәрдән > Хаҗимәр > Аҗимәр > Әҗмәр. Этимологию Г. Ф. Саттарова мы считаем неубедительной. Ойконим **Измери**, на наш взгляд, можно сопоставить с ойконимом **Визимйыр** — неофициальное название д. Визимбирь в Куженерском районе Марий Эл (21, с. 14; 66, с. 41). Следовательно, топооснова **әҗм /изм** восходит к гидрониму Визим, вторая часть относится к финно-угорскому **йир**, ср. коми **йир** 'омут', **йыр** 'река с омутами' (66. с. 41). Что касается основы **виз (м)**, то она, по всей вероятности, имела значение 'вода', 'источник', ср. венг. **viz,** фин. **vesi,** мар. **вӱд**, коми **ва,** манс. **виит** 'вода'; **вис/висим** 'низина с мягким травяным покровом и источником' (21, с. 36—39). Возможна другая этимология, основанная на материале мордовских языков. Слово **мар** в мордовских языках обозначает 'куча', 'груда', 'курган'. Так, на территории Рязанской, Тамбовской и других областей встречаются населенные пункты **Кочемарь** (Рязанская), **Измарь, Кульмар, Важмарь** в Тамбовской области. Среди них очень близким к ойкониму **Измери** Спасского района является ойконим **Измарь**. По мнению Б. А. Серебренникова, создателями этих топонимов могли быть мурома, меря, мещера и древняя мордва (50, с. 249—250). Проживание мордовского населения в составе Болгарского государства подтверждается и археологическими материалами (34, с. 35—36).

ҮЗИ (УЗЕЕВО) — ойконим: **Яңа Үзи** (Новое Узеево), **Иске Үзи** (Старое Узеево) — татарские деревни Аксубаевского района. Отметим также село Узеево (оно же Старая Амзя), заселенное крещеными чувашами, в

Чистопольском уезде Казанской губернии (51, с. 221). Отсюда можно полагать, что д. Яңа Үзи (Новое Узеево) появилась после XVIII века. Близкие фонетические варианты — гидроним **Узы/Уза**, названия левого притока Демы и д. Узыбаш представлены в Благоварском районе Башкортостана. По мнению составителей «Словаря топонимов Башкирской АССР», гидроним **Узы** связан со словом **Уяз/уязы** 'долина', 'низменность' (52, с. 152—153). Гидроним **Уза** зафиксирован и в Елдятской волости Уфимской губернии (42, с. 77).

Населенные пункты **Усть-Уза** (тат. Оз) имеются и за пределами Республики Татарстан: Усть-Уза Шемышейского района Пензенской и Петровского района Саратовской областей (54, с. 307—33; 43, с. 268).

Гидроним **Уза** распространен в основном на территории былого пребывания и современного расселения финно-угорских племен: а) мордвы: р. Узола — левый приток Волги в Нижегородской области; б) мари: р. Узола в бассейне Ветлуги, речка Узолка (Шенжа) в Юледурском приходе Ирмучашской волости Уржумского уезда; в) мери: р. Узокса в Костромском уезде; г) веси: р. Уза — приток Шелони в ста верстах от Новгорода к юго-западу; д) карел: р. Узола; е) гидроним Узал (Оло Узала, Кесе Узала) — правые притоки Зилаира в Хайбуллинском районе Башкортостана (30, с. 83—84).

Что касается этнической принадлежности гидронима и ойконима **Уза** (тат. **Оз**), то существует несколько предположений. Башкирский топонимист А. А. Камалов склонен признать в нем следы иранского наследия, ср. осет. **Уазал** 'холодный' (35, с. 289).

Исходя из встречаемости гидронима на территории современного расселения и былого пребывания финно-угорских племен, Ф. И. Гордеев полагает, что географическое название **Уза** может быть объяснено на финно-угорском материале (30, с. 83). Э. Р. Тенишев топоним **Уза/Оз** не считает тюркским и склонен рассматривать его в одном ряду с такими топонимическими названиями как **Пенза, Инза** (54, с. 307). В. А. Никонов гидронимы с топоаффиксом **-за** считает характерными для мордовских языков (44, с. 286).

Относительно бытования дд. Старое Узеево (тат. Иске Үзи), Новое Узеево (тат. Яңа Үзи) Аксубаевского района можно утверждать, что эти ойконимы принесли с собой татары-мишари из с. Усть-Уза Пензенской губернии примерно в XVII веке, когда появились служилые татары-мишари в бассейнах рек Большой и Малый Черемшан из Арзамаса, Темникова, Саранска и др. (48, с. 64—79).

Из всего этого следует, что в Западном Закамье топонимия финно-угро-самодийского происхождения представлена значительно меньше, чем в Восточном Закамье. Относительно небольшое число топонимов финно-угро-самодийского происхождения обусловлено, по нашему мнению, разгромом Болгарского государства монголами и перемещением части населения в районы Заказанья и Предкамья. Примечательно и то, что со-

хранившаяся субстратная топонимия в основном располагается на той территории, где обнаружены археологические памятники ананьинской, именьковской и других археологических культур. Среди топонимии Западного Закамья, как показывают материалы, выделяются топонимы пермского, волжско-финского, обско-угорского (в том числе венгерского) и частично самодийского, монгольского, балтийского происхождения. Топонимия финно-угро-самодийского происхождения сосредоточена, главным образом, в бассейнах рек Шушмы (Шешмы), Большого и Малого Черемшана, Сульчи, Ахтая, Шенталы и их притоков. Хронологически они относятся к различным временным срезам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., «Наука», 1989.

2. Административно-территориальное деление Республики Татарстан. Казань, 1992.

3. *Андреев Н. А.* Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Чувашский язык и литература. Труды. Вып. 59. Чебоксары, 1975.

4. *Арсланов Л. Ш.* Топонимия финно-угорского происхождения в районах Западного и Восточного Закамья Татарской АССР // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1987.

5. *Арсланов Л. Ш.* Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР // Советское финно-угроведение. 1987, № 12.

6. *Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И.* Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. — XIV в. н. э.). Елабуга, 1993.

7. *Арсланов Л. Ш.* О происхождении топонима Шулэнгер (Шандер) Мамадышского района Республики Татарстан // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции. Глазов, 1995.

8. *Арсланов Л. Ш.* К этимологии топонима Шунь/Шен/Вятско-Полянского района Кировской области и Кукморского района Республики Татарстан // Ономастика Поволжья. Материалы VII конференции. Волгоград, 1995.

9. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.

10. *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.

11. *Атаманов М. Г.* Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом // Пермистика. Ижевск, 1987.

12. *Атаманов М. Г.* Исторические пласты в топонимии Удмуртии // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989.

13. *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (Фонетика и лексика). М. «Наука», 1978.

14. *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., «Наука», 1981.

15. *Барашков В. Ф.* Речная гидронимия Ульяновско-Самарского Поволжья // Ономастика Поволжья. Ч. II. М., 1992.

16. *Бушмакин С. К.* Структурный анализ топонимов Удмуртии // Ономастика Поволжья. Ч. 2. М., 1992.

17. Венгерско-русский словарь. Москва—Будапешт, 1974.

18. *Вершинин В. И.* О некоторых марийских ойконимах Прикамья // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990.

67775

МАРИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ БИБЛИОТЕКА

19. *Востриков О. В.* К вопросу об удмуртской топонимии Пермской и Свердловской областей // Пермистика. Ижевск, 1987.

20. *Галкин И. С.* Топонимические заметки // Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1982.

21. *Галкин И. С.* Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985.

22. *Галкин И. С.* Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989.

23. *Гарипова Ф. Г.* Татарстан гидронимнары сузлеге. Казань, 1984.

24. *Гарипова Ф.* Топонимические названия Среднего Поволжья, восходящие к булгарскому периоду // Советская тюркология. № 3, Баку, 1989.

25. *Генинг В. Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

26. *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I., А-Б. Йошкар-Ола, 1979.

27. *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. В-Д. Йошкар-Ола, 1983.

28. *Гордеев Ф. И.* Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985.

29. *Гордеев Ф. И.* О былых связях древнемарийских племен со своими соседями по данным ономастики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.

30. *Гордеев Ф. И.* О контактах позднесарматских племен с волжско-пермскими этническими группами (границы распространения волжско-пермских и обско-угорских племен) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990.

31. *Зэкиев М. З.* Татар халкы теленен, барлыкка килуе. Казань, 1977.

32. *Иванов И. Г.* Еще раз об этнониме «черемис» // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978.

33. *Казаков Е. П.* О характере связей поволжских финно-угров с населением ранней Волжской Болгарии // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970.

34. *Казаков Е. П.* Взаимодействие волжских болгар с уграми и финнами. Культурно-хронологическая специфика этапов // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.

35. *Камалов А. А.* Некоторые вопросы изучения топонимии Башкирии // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973.

36. *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Валы. Ижевск, 1992.

37. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: «Русский язык», 1985.

38. *Куклин А. Н.* Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.

39. *Куклин А. Н.* Уральская гидролексема в топонимии Волго-Камья // Вопросы марийской ономастики. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1993.

40. *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

41. Марийско-русский словарь. М., 1956.

42. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.-Л., 1949.

43. *Махмутова Л. Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М.: «Наука», 1978.

44. *Никонов В. А.* Этногенез мордовского народа и топонимика // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.

45. *Саттаров Г. Ф.* Эшнэк авылары исеме // газ. «Октябрь юлы» Рыбно-Слободского района от 24 августа 1972 г.

46. *Саттаров Г. Ф.* Татарстан АССР нын антропотопонимнары. Казань, 1973.

47. *Саттаров Г. Ф.* Атамалар деньясыня сэяхэт. Казань, 1992.

48. *Сафаргалиев М. Г.* К истории татарского населения Мордовской АССР (О мишарях) // Труды. Вып. XXIV. Саранск, 1963.

49. *Сепеев Г. А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975.
50. *Серебренников Б. А.* История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
51. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке, изданный под редакцией Д. А. Корсакова // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVIII. Вып. 4—6. Казань, 1908.
52. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
53. Татар теленен, ан,латмалы сузлеге. Т. II. Казань, 1979.
54. *Тепшев Э. Р.* Язык татар села Усть-Уза // TATARICA, vammala, 1987.
55. *Трубе Л. Л.* Личные мордовские имена в топонимии Горьковской области и некоторые вопросы формирования ее населения // Ономастика Поволжья. Т. 3. Уфа, 1973.
56. Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
57. *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
58. *Халиков А. Х.* Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
59. *Халиков А. Х.* Этническая принадлежность племен ананьинской общности // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола., 1970.
60. *Халиков А. Х.* Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
61. *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976, № 2.
62. *Чернышев Е. И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
63. *Шайхетдинов З. Ш.* О топонимии бассейна рек Караидель-Ай // Вопросы топонимии Башкирии. Уфа, 1981.
64. *Юсупов Г. В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
65. *Яшина Р. И.* Удмурт кылья внеклассной ужьес. Ижевск, 1979.
66. *Галкин И. С.* Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

Leonid Arslanov

TOPONYMY OF FINNO-UGRO-SAMOYEDIC ORIGIN IN WEST ZAKAMJE REGION OF THE REPUBLIC TATARSTAN

Toponymy of Finno-Ugro-Samoyedic origin is considerably less represented in West Zakamje than in East Zakamje. Relatively not great number of toponyms of Finno-Ugro-Samojedic origin is conditioned by crushing of Bulgar's state by the Mongols and also by shift of a part of the population to Zakamje and Predkamje regions. Preserved substrate toponymy disposes basically on the territory where archaeological monuments of the Ananjinskaja and Imenskovskaja cultures were found. According to some materials toponyms of Permic, Volgo-Finnic, Obsko-Ugric (Hungarian among them) and, partially, of Samoyedic, Mongolian and Baltic origin are notable among toponymy of West Zakamje. Toponymy of Finno-Ugro-Samoyedic origin is chiefly cocentrated in basins of the Shushma (Sheshma), the Great Cheremshan and the Little Cheremshan, the Shusha, the Akhtai, the Shentala and their tributary streams.Chronologically they are related to different temporal sections.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Вера Латышева
Сыктывкар

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ЖАНРОВ ДРАМАТУРГИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Литературы «малых народов»: коми, мари, мордвы, удмуртов — зарождались в основном в советскую эпоху. До революции эти народы не имели распространенной письменности на родном языке (1, с. 25),— считал К. Зелинский. Но сегодня мы знаем, что и письменность, и даже первые произведения литературы у этих финно-угорских народов возникли до революции.

Общность этих литератур, лингвистически родственных, к сожалению, мало исследуется в современном литературоведении и литературной критике. Особенно это касается сферы индивидуальных стилей писателей и характера различий в их жанровом воплощении, хотя здесь возможны плодотворные наблюдения и выводы. «Сравнительное изучение стилей литературных языков способствовало бы оттачиванию и обогащению изобразительно-экспрессивных средств и возможностей художественного слова» (2, с. 47).

Среди финно-угорских писателей Поволжья и Приуралья нет таких, которые владели бы двумя финно-угорскими языками. Если и есть такие люди, то они не пишут, а в лучшем случае переводят с языка на русский (и наоборот) или же вообще не участвуют в литературном процессе. Это чаще всего ученые-лингвисты.

В деле взаимного прямого «обогащения изобразительных лексических средств, совершенствования синтаксических структур, повышения мобильности слова, смысловых функциональных его нагрузок, его экспрессивных возможностей, придания образу емкости» литературы этих односемейных народов доходят сегодня друг к другу только через русский язык. То есть «неизмеримо возросшие возможности по ознакомлению с литературами народов СССР» еще не означают «широкого развития» прямых переводов финно-угорских литератур на братские языки (3, с. 355).

Историко-лингвистическая общность угро-финских литератур не поддержана территориальной близостью. Степень и границы общности выявляются не везде. Территориально, например, республика Коми соседствует лишь с Коми-Пермяцким округом. Таким образом рассматриваемые литературы исторически малоконтактные, если иметь в виду их прямые связи и отношения.

Но даже поверхностное рассмотрение литературного процесса дает

возможность увидеть общие идейно-художественные позиции, выявить путем сравнения национальные особенности писателей, показать разнообразие их творческих индивидуальностей. Такого рода зональное изучение национальных литератур способствует дальнейшему развитию. В литературу страны вовлекается опыт крупных национальных мастеров, намечаются критерии оценок сложных явлений, выявляются вершинные достижения многонациональной литературы (2, с. 46).

Возможны другие способы сопоставления и исследования братских национальных литератур: в жанровом, стилевом и других аспектах.

При изучении драматургии родственных, этнически близких народов полезно иметь в виду общность их исторических судеб. При изначальном своеобразии национальная драматургия впоследствии была подчинена общим типологическим закономерностям движения литературы, в целом драматургии всей многонациональной страны. Внелитературные факторы — общественно-политическое, социально-экономическое, государственное единство — сыграли не только положительную роль в становлении национальной драматургии. Противостоянием этим факторам вызван был, например, особый и постоянный интерес драматургов к национально-освободительным трагедийным сюжетам народных преданий, к фольклору.

Сходные, аналогичные закономерности развития драматургии восточно-европейских финно-угорских народов объясняются еще и известным отставанием во времени по сравнению с литературами, определяющими эволюционную направленность литературного процесса (4, с. 255—256).

На конкретных исторических этапах наиболее общие черты, близость демонстрируют драматургии коми и марийская. Закономерности развития драматургии каждого из народов частично исследованы в республиках, однако обобщающая же работа есть лишь у марийцев (5, с. 274).

Публикации финно-угорских произведений всех литературных родов на русском языке в типографиях Вологды, Петербурга, Казани, Благовещенска появлялись благодаря стараниям отдельных национальных авторов или просто случайных энтузиастов культурного сближения народов. В этих произведениях ощущались те литературные веяния, которые царили в России: критический реализм (поэта коми Ивана Куратова), национальный романтизм (драма удмурта Кедра Митрея), модернистские мотивы (в фольклорных стилизациях коми Каллистрата Жакова). Но и эти выходы в русскую литературу, эти единичные точки, сближения — дороги для нас, для наших народов так же, как дороги путевые записки — свидетельства русских землепроходцев XVIII—XIX веков о быте, нравах, обычаях, верованиях, психологии, национальном характере уральских и волжских финно-угорских инородцев, написанные доброжелательной рукой.

Новое эмоциональное состояние, новые идеи движут первыми национальными литераторами. В те сложные годы происходит активное стремление приобщиться к мастерству и силе русской драматургической классики, учиться у нее, в ее идеях и образах выразить состояние возрождения

своего народа или при переводе найти в ней то, что привлекало бы симпатии зрителя, напоминало ему о собственной жизни.

Социальный протест в ранних национальных пьесах непременно сплетался с бунтом против традиционных семейных отношений, давивших на личность. Первые реалистические национальные пьесы, порой слитые с романтическим воспеванием зари новой жизни, наиболее удаются в сфере бытовой мелодрамы.

У коми расцвет трагедийных и комедийных традиций связан с именем В. Савина.

В конце 20-х годов некоторые произведения удмуртской литературы переводились на коми, венгерский язык — пишет ее исследователь А. Шкляев (6, с. 34).

Известно, что в 30-е годы новая творческая интеллигенция финно-угорских народов регулярно общалась между собой в землячествах Москвы и Ленинграда.

Прорыв на русскую (московскую) сцену случился и в 30-е годы пьесами мордвина А. Завалишина «Стройфронт» и «Партбилет», которые сопрягались темами Магнитостроя и рождения нового человека с общим литературным процессом страны. Жестокая критика, репрессии, физическое уничтожение новых авторов затем надолго остановили развитие драматургии и литературы в целом. Искусственные конфликты, малозначимое, нежизненное «предметно-аналитическое» изображение быта, любви и ревности, «сваренных» с классовой борьбой, с проблемами общественными — пришли, например, у коми на место савинской вольной фантазии, искренней лирики, выдумки, сатиры, оптимизма, близких мироощущению народа...

Общая социальная система, казалось бы, создает условия для естественного взаимодействия и взаимообмена особенно братских литератур, но действенного взаимодействия драматургии финно-угорских народов Поволжья и Приуралья в 30-е годы не было. Лишь в 50-х годах было начато какое-то общение культур.

В период Великой Отечественной войны ни у одного из угро-финских народов Поволжья и Приуралья не появилось сколько-нибудь значащей пьесы о современности. Но драматурги работали.

В 1945 году драма «Черный Волк» марийца Н. Арбана выходит на московскую сцену, возрождением национальных чувств и памятью о бунтарском прошлом своего народа, выражая радость победы над фашизмом.

Затем — триумфальное шествие по сценам России и славянских стран комедии «Свадьба с приданым» (1949—1951) коми Н. Дьяконова. Вслед за ней шли по стране пьесы этого нового для коми жанра «лирическая комедия»: «Сельские вечера» (1954) В. Леканова и «Свидания у черемухи» (1959) А. Ларева.

В 1955 году марийский театр поставил комедию коми В. Леканова, назвав ее «Летние вечера». В начале 50-х годов, когда комедии «Свадьба с приданым» коми Н. Дьяконова и «Ксения» марийца А. Волкова шли в

московских театрах им. Ермоловой и сатиры, взаимный интерес национальных театров в самих республиках к этим пьесам также не угас. В январе 1964 года марийский национальный театр ставил спектакль по комедии Н. Дьяконова «Квартет Николая Курочкина».

В комедиях этих — радость мирной жизни, мечты и — очень избирательно — проблемы послевоенного крестьянства. Внимание русских переводчиков и русской критики к этим лирическим пьесам малых народов означало стремление дать общесоюзному зрителю сведения о колхозной «бесконфликтной» жизни, а также картину развития жанра комедии в национальной провинции.

«Сколько статей, сколько книжек и пухлых томов о «слиянии», «сближении» и «стирании» национальных граней издано за последнее десятилетие. Именно к этому сводилась главным образом вся диалектика национальных процессов... Между тем формировать советский патриотизм легче всего на основе русского, казахского, эстонского патриотизма и национального достоинства»,— говорит Б. Бгажноков (7, с. 87).

Как фактор дружбы народов до последнего времени проводились в республиках парадные взаимообмены декадами литературы с тем или другим народом в столицах братских автономных республик, сопровождавшиеся публикацией немногочисленных переводов произведений гостей для журналов и газет. Чаще всего это были жанры лирические и рассказ.

Примерно 2—3 последних Всесоюзных научных, как и Международных конгресса финно-угроведов (в прошлом лингвистических), которые проходят раз в пять лет, стали включать в свою программу и выступления литературоведов. Всероссийское общение народов проходит на русском языке.

Белорус Нил Гилевич, возмущенный новым национальным нигилизмом, также пишет о проблеме, общей для всех народов: «Хлопали-хлопали мы в ладоши, приветствуя расцвет национальных культур, да и прохлопали кое-что. Если не опомнимся, не задумаемся, не устыдимся — прохлопаем еще больше. Не только язык эвенков...» (8, с. 25).

Общность финно-угорских волжско-пермских литератур была аналогом общности литератур всей многонациональной страны, в основе ее лежали социально-политические факторы.

Идейно-тематические задания свыше нивелировали прежде всего национальную специфику творчества писателей. Если в 20-х — начале 30-х годов драматургия этих народов благодаря живым традициям фольклора еще национально-неповторима, то впоследствии пути ее однотипны именно потому, что не было животворной свободы мышления,— все было так сбалансировано, что оппонировать было нечему (9, с. 14). Во главу угла поставлен был «социальный заказ» — сомнительная с самого начала формула (10, с. 15). Диктатно-политические формы движения литературы по-прежнему рождали декларативность и поверхностность. Своеобразию, неповторимой национальной и индивидуальной специфике содержания и формы не было места.

В зависимости от момента преобладали 1—2 драматургических жанра. «Выживал» наиболее подходящий для конъюнктурных целей. Агитка, прославлявшая коммуну, должна была немедленно привлечь к этой идее массы неграмотного народа. Поэтому декларация и призыв оставались главным средством ее воздействия на массы. Агитка существовала рядом с мелодрамой, сострадавшей и сочувствовавшей униженным и оскорбленным.

Нравственно-этические вопросы в пьесах часто разрешались с помощью героя-резонера. Комедия у коми теперь сошла на нет: «живет» внутри драмы легковесным фарсом. Наоборот, всерьез высмеиваемый персонаж в пьесе коми порой страшен и опасен своей бездуховностью и безнаказанностью,— ничуть не смешон.

А современная драматургия — это, преимущественно, серьезные проблемы уже в серьезном жанре «собственно драмы».

Сходство у разных народов жанров, бытующих «преимущественно», прослеживается, конечно, в общих чертах. Рамки периодов их бытования у каждого народа обозначены обстоятельствами все-таки его жизни и «мировоззрением» и степенью осторожности авторов, вынужденных замалчивать горячие проблемы действительности.

На пути развития национальной драматургии внимательный взгляд заметит такую закономерность. У всех рассматриваемых народов, казалось бы, привычные «пьеса», комедия, «просто» драма всегда были «главными» жанрами: именно на них «падала» вся слава и критика национальной драматургии. Но, оказывается, у всех финно-угорских волжско-пермских народов до революции и после с постоянной периодичностью, как феникс из пепла, вновь возрождалась, возникала серьезная народная, часто фольклорная трагедия на темы преданий или о революциях и войнах, крестьянских и религиозных, воспевавшая героическое прошлое, национальные традиции и достоинство: «Идна» (1924) у удмуртов, «Изкар» (1926) у коми, «Усть-Куломский бунт» (1928) у коми, «Акпатыр» (1930) у мари, «Холодный ключ» (1933) и «Мултан» (1934) у удмуртов, «Литова» (1940) у мордвы, «Черный Волк» (1944) у мари, «Грозовые годы» (1947) у коми, «Это было на Иньве» (1951) у коми-пермяков, «Акпарс» (1955) и «Алдиар» (начало 50-х гг.), «Грозовая заря» (50-е гг.) и «Большая волна» (1960) у мари, «Это было в Сыктывкаре» (1965) у коми.

Трагедия — это борьба против обреченных, но смертельно опасных сил, в ней отражены решающие противоречия: это борьба героя, когда зло сильнее его, но чувство долга превышает инстинкт самосохранения и герой встает против непреодолимой силы, против зла, за справедливость, честь, свободу, за угнетенных. Трагедия — когда герой ответствен за выбор своего пути. Смерть героя вселяет надежду в людей, усиливает их сопротивляемость, воспитывает ненависть к врагу, закаляет волю и мужество, поощряет готовность к смерти во имя идеалов. Трагедия — форма проявления прекрасного, возвышенного, форма жизнеутверждения, восхищения разумом и чувством.

Долгое время во всем советском обществе трагедия как жанр не поощрялась, особенно на темы современные. Не замечались и не служили воспитанию человека сила ее воздействия, ее катарсис. Трагедия творилась в жизни, а массы были введены в заблуждение. Человек, трагический герой, сталкивался с силами государства. Он нес в себе противоречия общества. Его страдания и гибель имели общечеловеческое значение.

Но литература не могла и не смела изображать современные события и действия, тем более — анализировать их мотивы, обстоятельства. Поэтому авторы,— в данном случае национальные драматурги,— обращались к наитрагедийнейшим моментам своей национальной истории, порой интернациональным (Пугачевское, Разинское восстания) или мировым по своим масштабам и смыслу событиям (революция 1917 года).

В этих произведениях проступало как бы общественное значение художественного творчества: зритель проецировал художественный мир трагедии на свою жизнь и имел «возможность разрядить внутреннее напряжение и волнение, порожденные реальной жизнью» (11, с. 169).

Историческая правда и художественный вымысел в этих произведениях переплетались, вымысел обогащал характеры и чувства героев давно прошедших времен. Произведения глубоко человечные, но горькие своим трагизмом, помогали зрителю осознать несовершенство жизни и уверовать, что гибель национальных героев прошлого — лишь один из этапов борьбы народа за достойное людей общественное развитие.

Но трагедия как жанр почти каждый раз замалчивалась, запрещалась, сходила со сцены.

Жанры влияли друг на друга. Переплетались принципы изображения героев и событий в агитпьесе и мелодраме, влияя, в свою очередь, в течение многих лет на героическую трагедию, комедию и бытовую драму.

Через все жанры драматургии финно-угорских народов активно, заинтересованно, как в фольклоре, проходит тема женской судьбы. Раскрепощающаяся женщина через драматизм быта, через лирику своих переживаний пробивается к свету, свободе, защищая и по-разному утверждая свое человеческое достоинство. Фольклорность этой темы окрашивает драматургию в лирические и драматические тона.

Своеобразие, например, марийской драматургии в том, что она с первых же своих произведений до наших дней ревностно продолжает «женские» музыкально-песенные традиции фольклора. В ней они в значительной степени постоянны — более, чем в драматургии других братских народов,— и неповторимо выражают особую эмоциональную, поэтичную сторону национального характера. Музыка и песни здесь часто даже — вместо диалога, они связаны во всем произведении органичным единством.

Основы исторической драмы и трагедии у марийцев также заложены в 20—30-е годы. У марийского народа они часто неразделимы с песней, стихотворной формой. Как и в драматургии коми, в основе этих сюжетов лежат или действительно имевшие место в истории герои и события,

или полностью вымышленные персонажи, действующие в событиях, исторически более или менее конкретных. (К историческим пьесам мы сегодня уже относим произведения и о революции, и о гражданской и Отечественной войнах). С самого начала зарождения драматургии финно-угорских народов присутствуют этнографически-фольклорные и исторические сюжеты.

Велико их патриотическое значение, подкрепленное изображением освободительной борьбы народов. Любуясь эстетикой народной патриархальной жизни, талант автора здесь расцветает. Показывая прежние времена, драматург органичнее передает нравственно-этические нормы народной жизни, идеалы трудового народа, обычаи.

Новое в драме более явственно также в марийской драматургии, которая органично использует систему реалистических символов, переходы из реального плана в условный, ассоциативный. Драматургия, проникая в интеллектуальный мир современника, в качестве средств художественного обогащения предлагает аналогии.

Новые прогрессивные традиции вырабатываются в борьбе со штампами и схемами.

Послевоенное время, как уже сказано, было занято бытовой «лирической комедией», представляющей собой нонсенс, «жанр-противоречие» на службе теории бесконфликтности в условиях запрета на показ подлинной жизненной правды.

Парадоксально, что взлет комедийного жанра «в лице» лирической комедии приходится именно на трудные послевоенные годы. Единые задачи восстановления страны, колхозов вновь вызвали во всех литературах сходные темы, конфликты, характеры. Но одновременно с неожиданными «достижениями» комедиографии (коми и мари) возникали сходные беды: заданность характеров, похожесть финалов, облегченный конфликт. У авторов разных народов появились похожие пьесы. Сам национальный язык, кроме как в речи персонажей-стариков, терял изобразительность, индивидуальность. Лирика в такой комедии, по существу, соединена не с сатирой, как считают некоторые критики, а с иными формами комического — с насмешкой, иронией, юмором. Но это ничего не меняло.

Новые темы драматургии с 60-х годов — это проблемы колхозно-совхозной экономики и управления, деревенского строительства, личного хозяйства, поведения человека (12, с. 103).

В современной марийской драматургии — лейтмотив простодушия и великодушия дедов, нравственной коррозии характеров сегодняшних отцов, переселившихся из деревни в город, и незначительное внимание к молодежи. Конфликты эти трагикомичны, но типичны, пожалуй, для жизни всех финно-угорских народов России. Но, например, в драматургии коми они отсутствуют.

Искусство стало отражать обновленную жизнь. Каждое поколение драматургов имело перед собой новую действительность (и с нею, конеч-

но, узнаваемые пережитки прошлого). Но где же осталось место национальному? В сфере этих пережитков? В сфере фольклора? Или только в характерах стариков?

Художник, ориентирующийся в своем творчестве только на фольклорные формы, рискует быть «не понятым» своими современниками, а национальное искусство, не вышедшее из фольклорных «пеленок», не может рассчитывать на интернациональную общечеловеческую значимость (13, с. 39, 157, 168). В то же время искусство, лишенное народной основы, не имеющее связи с национальным характером, традициями, мироощущениями, едва ли имеет свой облик и общечеловеческую ценность.

«Представление об Отечестве соответствует представлению о нравах и обычаях, об играх, песнях, плясках, о приметах и суевериях, о пословицах, поговорках, притчах и сказках» (14, с. 23—24),— считал М. Е. Салтыков-Щедрин.

«Какая простота, какая живопись! Какая музыка! Тряхнув ученостью, я мог бы доказать, что в зырянской поэзии соединяются и восточная антифония, и классический ритм, и романтическая рифма... В песнях... есть жизнь, есть волшебная очаровательная прелесть. Такова всегда и везде поэзия народная»,— широко известны эти слова, сказанные в 1839 году сосланным в Усть-Сысольск Н. И. Надеждиным в его статье «Народная поэзия у зырян» (15, с. 567).

Национальные приемы и средства изображения — суть отражения многовекового народного опыта. Национальное не сводится к внешнему. Оно полностью пронизывает художественное произведение. Национальное содержание обозначает стремления, идеалы народа. И чем глубже художник отражает в произведении жизнь своего народа, тем оно национальнее.

Но мы знаем также, что «поэт может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир» (Н. Гоголь).

Исторически сложившиеся традиционные народные способы образного отражения жизни мы угадываем прежде всего в оценке природы края. Через свои национальные аллегории, метафоры и прочие приемы иносказания в результате широкого обобщения, типизации, чуткий драматург причащает нас к национальному. Он выражает национальный характер своего народа как сын этого народа, благодаря своему собственному видению мира, своему хорошему владению изобразительными средствами, выработанными языком народа. Он передает в своем произведении специфику жизни народа, его мировосприятие.

В нашем государстве национальные традиции «настолько глубоко и неоднократно были прерваны, что в конечном счете исследуемые литературы несут в себе качество «молодости», но думается, прав тот, кто считает, что «...диктатно-политические формы движения способны лишь на время повернуть русло естественного развития, которое никогда не пересыхает, пока жив народ — носитель культуры» (16, с. 17—18).

Не случайно литературное зарубежье поражено нашим собственным оригинальным взглядом, взлелеянным на отечественных традициях, конденсацией образа и экспрессии, здоровым и плодотворным элементом примитива, выработанного многовековой культурной традицией, образцами лапидарной афористической образности, умением возвеличить национальный характер (16, с. 17—18).

Если присмотреться, в очертаниях национальной культуры и литературы действительно всегда проступает некая сложная и противоречивая целостность общечеловеческих интересов, гуманистического содержания (17, с. 33), в какой бы наивной и простой форме она ни выступала.

И прямо или косвенно наиболее глубокие литературоведы и критики финно-угорских народов (марийцы М. Георгина, А. Иванов, мордвин А. Алешкин) увидели это и показали.— Их интересовали, в первую очередь, в наиболее сильных пьесах, сложность интеллектуально-нравственного мира героев, индивидуальное своеобразие человека. Они исследовали специфику драмы, ее поэтическую атмосферу, истоки чувств героев. Они находили причины театральной динамики спектаклей, поставленных по талантливым пьесам, в умении авторов вызвать у зрителя ассоциации глубоко человечное сопереживание. Все это, понятно,— средствами национального языка во всей его изобразительной и выразительной силе, в авторской индивидуальной манере и — в театре — с помощью его верности этническим традициям народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Зелинский К.* Литература народов СССР. М., 1957.
2. *Гусейнов Ч. Г.* Формы общности советской многонациональной литературы. М., 1978. С. 47.
3. История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 1.
4. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.
5. *Иванов А. Е.* Марийская драматургия. Основные этапы развития. Йошкар-Ола, 1969.
6. *Шкляев А.* На подступах к реализму. Ижевск, 1972.
7. *Бгажноков Б.* При свете гласности // Журнал «Родина», 1989, №2.
8. *Гилевич Н.* Источник радости моей // Журнал «Родина», 1989, №2.
9. *Марцинкявичус Ю.* Литература в новой ситуации // Вопросы литературы, 1988, №11.
10. *Белая Г.* Угрожающая реальность // Вопросы литературы, 1990, №4.
11. *Бореев Ю.* Эстетика. М., 1975.
12. *Латышева В.* Конфликт и характер. Сыктывкар, 1973.
13. *Гизатов К. Т.* Национальное и интернациональное в советском искусстве. Казань, 1982.
14. *Салтыков-Щедрин М. Е.* ПСС, т. 5.
15. Альманах «Утренняя заря», СПб, 1839.
16. *Казбекова З.* Пути интеграции и самосохранения национальных культур. Вопросы литературы, 1990, №3, с. 17—18.
17. *Ковский В.* Вопросы литературы, 1987, №9, с. 33.

Vera Latysheva

SIMILARITY AND DIFFERENCE OF THE DRAMA GENRE OF FINNO-UGRIC PEOPLES IN POVOLZHJE AND PRIURALJE

Literatures of "small nations": Komi, Mari, Mordvinian, Udmurt were born chiefly in the Soviet epoch. The common character of these literatures, linguistically related, is not enough investigated in present History of literature and in Literary criticism. Historic and linguistic common character of Finno-Ugric literatures is not supported by territorial closeness. The common character of historic fortunes reveals in the drama of related, ethnically close peole. Similar, analogous regularity in development of the drama of West-European and Finno-Ugric peoples can be explained by the known timelag in comparison with literatures which define evolutional direction of literary process.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Олег Данилов
Йошкар-Ола

ЭВОЛЮЦИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ РАННИХ ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ МАРИ И МЕРИ)

В современной науке существует достаточно утвердившаяся теория развития и соотношения этнических и социальных систем в первобытном обществе, а также их эволюции при переходе к раннеклассовым обществам.

Процесс складывания этнических общностей более высокого таксономического уровня происходил под влиянием различных факторов, к основным среди которых можно отнести тип хозяйства и способы его ведения, рост численности населения, изменение места этнической общности в экологической нише, контакты между этносами и их активность, форму (тип) мышления и идеологию или религиозные представления в ранних обществах.

В данной работе предпринимается попытка определить основные причины, влиявшие на развитие двух поволжских этносов — мари и мери, поскольку исследователями различных направлений неоднократно высказывалось предположение о близости двух этих народов. Главной областью сравнения является мировоззрение мари и мери, то есть попытка интерпретации и сравнения источников, говорящих о язычестве как системе, влиявшей на стабильность этнических образований.

Проблема, возникающая в сравнениях такого рода, заключается еще и в том, что меря как этнос прекращает свое существование довольно рано, что связывается с процессами славянской колонизации и ассимиляционными процессами, тогда как мари сохранили свою этническую и культурную самобытность до настоящего времени. Кроме того, весьма интересен и факт влияния друг на друга разноэтничных обществ, в данном случае — отношения со славянским населением.

По-видимому, не вызывает сомнений, что одним из факторов устойчивости этнических систем была своеобразно оформленная идеология древних обществ, которая способствовала их сохранению при изменениях в сфере материального производства. В свою очередь надстроечные явления также влияли на материальную сферу, однако степень этого влияния достаточно трудно определить, прежде всего, из-за особенностей источников. Источники, характеризующие духовную культуру, сохранили и отразили главным образом влияние базисных явлений на надстроечные.

Значительная часть Верхнего и Среднего Поволжья являлась с древности контактной зоной между этническими группами как родственно-

го, так и весьма далекого по своим генетическим корням населения. Это обусловило близость в языческих представлениях местного населения как финского, так и славянского, хотя на нее влияли и другие факторы. Б. А. Рыбаков пишет, что «славянское язычество — часть огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубины тысячелетий и послуживших основой всех позднейших мировых религий» (15, с. 3). Но это определение можно отнести ко всем языческим религиозным системам. Обращаясь к проблеме эволюции язычества финно-угров, следует отметить проблему датировки фактологического материала, содержащегося в различных источниках. Можно выделить по крайней мере три периода развития язычества, отразившихся в источниках: 1) развитой родовой общины; 2) разложения родовых отношений; 3) формирования соседской общины. Последний имеет определенное своеобразие, вызванное особенностями социально-экономического и политического развития. Особенностью складывания язычества финских народов Поволжья, начало собственной этнической истории которых относится ко 2-ой трети I тыс. н. э., является то, что оно включало в себя уже целостно оформившиеся основные культовые представления, выработанные в предыдущие периоды, носителями которых были те этнические компоненты, на основе которых происходил этногенез этих народов, в том числе мари и мери. Именно они определяют сходство и зачастую прямое тождество марийских языческих представлений с язычеством других финнов Поволжья и Прикамья.

Считается, что первой формой этнического образования являлось племя, возникновение которого ряд исследователей относит к эпохе мезолита. Однако, известно, что человеческий коллектив, как устойчивая социальная организация, складывается в верхнем палеолите (ок. 40 тыс. лет до н. э.). Уже для этого периода можно говорить о родовой общине со строго организованной структурой. Этногенез народов Поволжья по своей датировке несопоставим с этим временем. Но структурно и функционально указанные этнические единицы вряд ли отличались в древности и раннем средневековье для народов, находившихся на одной ступени социально-экономического развития и близких по хозяйственной деятельности.

Стабильность этих систем при охотничье-рыболовческом хозяйстве определялась сравнительной малочисленностью населения, особенностями контактов между отдельными обществами, устойчивостью традиционных форм хозяйства, жестким регулированием системы взаимоотношений между коллективом людей и природой. Вероятно, при начальных стадиях перехода к производящим формам хозяйства указанные факторы продолжали действовать с прежним значением (8, с. 431—432).

Как правило, поздняя община охотников и рыболовов и ранняя земледельцев отличалась небольшой численностью. Определялось это прежде всего возможностями природных ресурсов, которые к тому же использовались далеко не полностью из-за необходимости сохранять определенные

резервы на чрезвычайные случаи. Вероятно, небольшие общины мы имеем и для ранних мари и мери, о чем может свидетельствовать крайне скудный материал о характере их поселений. Что касается могильников, то они могут характеризоваться как крайне небольшим количеством погребений, так и сравнительно значительным, доходящим до нескольких десятков. Во втором случае мы, возможно, имеем родовые центры или фратриальные, если таковые имелись. Говорить о племенных центрах, вероятно, не позволяет все-таки небольшое число погребений. Кроме того, родовая община могла быть делокализованной. В то же время родовые отношения несомненно являлись формообразующим элементом в развитии язычества. С одной стороны, они консервировали комплекс представлений, социальных и религиозных, характерных для того или иного этноса. В этнической истории марийцев существует «темное пятно», датируемое временем около XIII—XV вв., когда на территории Марийского края практически отсутствуют собственно марийские памятники. В какой-то мере основываясь на археологических источниках, а в большей степени a priori, исследователи исходят из положения о непрерывности развития марийской культуры до XIII и после XV вв. В данном случае можно было бы высказать следующее, достаточно гипотетическое пока, предположение. Известно, что родовой коллектив, совместно осуществляющий хозяйственную деятельность, мог распадаться на отдельные небольшие, обычно семейные группы и покидать свою исконную территорию, включаясь в родственные коллективы на других хозяйственных территориях. Причиной этого явления обычно было критическое состояние (экономическое, либо другого порядка) на собственной территории. Возможно, из-за такой ситуации исчезают марийские памятники в XIII в. Результатом этого процесса было появление «илемов», т.е. крайне небольших поселений, о которых говорят источники и которые создавались возвращающимся на свои прежние территории марийским населением. Однако, это требовало сохранения кровно-родственных отношений в раннем средневековье в форме общинной организации и, по-видимому, ее распада на семейные общины или патронимические группы после XV в. О наличии патронимических групп у марийцев говорит К. И. Козлова (11, с. 66 и сл.). При этом религиозные представления сохраняют свою прежнюю форму.

Общинная организация выполняет еще одну функцию, а именно — выступает как «этносохранная» единица. Речь идет о том, что можно выделить два типа общин по их внешней активности. Первая характерна для раннеклассовых обществ с прочной оседлостью населения: она «имела свою совершенно самостоятельную организацию и представляла собой замкнутый мирок» (12, с. 166). Вторая характеризуется активными хозяйственными (а также брачными и культурными) связями с другими общинами и относится к доклассовому периоду (14, с. 197 и сл.).

Еще одна особенность раннеклассовых обществ (оседлых земледельцев) заключается в том, что этнический признак даже при войнах редко

выступает как заметный фактор — отрицательное отношение к племени или целому этносу явление крайне редкое, и солидарность целых этносов, как правило, не ощущалась ни в положительном, ни в отрицательном смысле (9, с. 265).

Марийская община, по крайней мере, до XII в., по-видимому, являлась кровно-родственной, осуществляла «внешние» связи с другими общинами, причем они должны были быть достаточно широкими.

По-видимому, о наличии такой же структуры у мери и частичном ее распаде в форме образования семейных общин свидетельствуют некоторые археологические памятники Костромского Поволжья, например курганы с несколькими костяками. Исследователи отмечают возможность погребения двух взрослых людей, а также взрослых и детей. На пустоши Суховаровке Нерехтского уезда в одном из погребений левая рука, видимо, мужского костяка располагалась под правой рукой другого погребенного (женщины ?), лица их были повернуты друг к другу; на пустоши Алабуга правая рука меньшего скелета (женского ?) лежала на левой руке большего. На пустоши Сидельница были раскопаны три костяка, лежавшие рядом: средний — ростом 184 см, судя по сопровождавшим его вещам (топор, огниво, кремень), был мужским; справа от него, видимо, была погребена женщина (ее рост составлял 159 см), правая рука располагалась на груди, левая на лице; слева от мужского находился «костяк молодой особи (лет 10—12), ростом в 145 см». Иногда детский костяк «оказывался в верхней части кургана, на 0,5—1,0 м выше взрослого (по-видимому — женского) скелета» (1, с. 240). В последнем случае можно говорить о том, что вместе с родителями впоследствии был захоронен их ребенок. Но большинство курганов содержит одно погребение.

В то же время необходимо иметь в виду и то, что древние общества вовсе не были замкнутыми системами, когда дело касалось формирования идеологии. С одной стороны, сохраняя в незыблемости сложившиеся традиции, с другой — древняя община включала в себя то, что могло способствовать ее жизнедеятельности. Одним из основных моментов в древних религиозных представлениях была задача, состоявшая в привлечении на «свою сторону» всех сил природы, использовании благоприятных и нейтрализации или охране от неблагоприятных факторов. Именно эту задачу выполняла магия (21, с. 19 и сл.). Многочисленность языческих божеств марийцев, сходство их функций, предельная градация в плане «ответственности» за ту или иную сферу жизнедеятельности общества, вероятно, была вызвана тем, что отдельные функции одних и тех же божеств стали персонифицироваться в самостоятельных божествах именно в силу того, что все сферы должны были получить своих покровителей. Известно также, что древние общества, особенно в эпоху общинной организации, включали в состав своих божеств богов других общин или под их прежними именами, или отождествляли их со своими. Таким образом, в определенном смысле родовая община вовсе не являлась такой уж замкнутой системой, как это

представляется из-за ее строгой структуры. В области идеологии она была «открытой», но открытой только для понятий, соответствующих уровню развития данной общины. Это являлось одной из причин неприятия христианства многими финно-угорскими народами на протяжении долгого времени. Монотеистические религии не соответствовали идеологии язычества с его равенством членов общины и самих общин, т. е. они не соответствовали структуре этих обществ.

Второй этап в формировании финно-угорского язычества связан с развитием общинно-родовых отношений и датируется рубежом I—II тыс. н. э., или скорее 1-ой четвертью II тысячелетия. В Костромском Поволжье это находит отражение в том, что некоторые из одиночных погребений отличались богатством погребального инвентаря. Курганы с такими погребениями располагались поодаль от своей курганной группы (1, с. 242). По-видимому, они принадлежали родовым старейшинам или воинам. Можно говорить о том, что на рубеже I—II тыс. н. э. в среде этого населения происходит формирование определенного слоя людей, занимающих особое положение в общине. Возможно, происходит и оформление культа предков и защитников рода. Именно отражением этого процесса являются предания о родоплеменных богатырях, защитниках своего народа, сохранившиеся в фольклоре финских народов Поволжья и, видимо, в русском фольклоре, хотя в последнем имеется ряд черт, характеризующих и более ранний период складывания государственности.

Для мери этот процесс, по-видимому, остался незавершенным. Марийцы характеризуются большей степенью развития социальных отношений.

Г. А. Архипов считает, что средневолжские финно-угорские народы в I тыс. находились на стадии интенсивного разложения родового строя и к концу I и началу II тыс. н. э. у марийцев возникают территориальные, или соседские общины, а в дальнейшем развитии общественных отношений большую роль играли вовлечение марийцев в сферу влияния и общественной жизни северо-восточных княжеств Руси, а также связи, хотя и слабые, с Волжской Булгарией (2, с. 154). Возможно, в этот период складываются и территориальные центры. Н. А. Рычков пишет о захвате новгородцами в конце XII в. черемисского «города» Кокшарова на Вятке (18, с. 36—37). Возможно, не всегда подобные данные отражают реальные факты, но в целом ход исторического процесса в них отражен достаточно верно. Еще больше сведений подобного характера относится к более позднему периоду, в частности, упоминания о Малмыжском пригородке, как «черемисском городе», в котором жил князь Болтуш, владевший древними черемисами (18, с. 18), а также о марийских князьях (17, с. 153—154).

О складывании новых сословных отношений свидетельствует и упоминание о «черемисских воеводах, лучших земских людях, сотниках и старейшинах» (5, с. 19, 24). Возможно, в это время изменяется характер «совокупности вооруженного народа». Судя по источникам, марийские пешие лучники включались в состав татарских военных сил, могли играть

самостоятельную роль и вести военные действия против регулярных войск, в том числе и конницы (4, с. 145, 146, 153 и сл.; 16, с. 100—102). Исследователи говорят о «представителях знати, господствующей верхушке марийского населения» (2, с. 154).

Однако, здесь вряд ли уместно говорить о формировании феодальных отношений, на что указывала еще К. И. Козлова (11, с. 67 и сл.).

Интересно сравнить процесс развития финно-угорских народов с образованием государственности у восточных славян.

Как пишет А. Н. Сахаров, в I тыс. древнерусское государство переживает те же стадии перехода от военной демократии к раннефеодальному государству, как и некоторые другие народы, включаясь постепенно в общую систему международных отношений (19, с. 90).

В период перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу на этапе «военной демократии», отмечал Ф. Энгельс, родовой строй превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы власти становятся орудиями господства и угнетения, направленными против собственного народа. Образование на основе складывания классового общества военно-демократических союзов племен, появление военных вождей, дружин приводит к тому, что война становится в повестку дня общественного развития. Эти союзы, писал Ф. Энгельс, «можно было удержать как организованное целое только путем постоянных войн и разбойничьих набегов. Грабеж стал целью». И саму «военную демократию» Ф. Энгельс называл военной потому, что войны «становятся теперь регулярными функциями народной жизни» (19, с. 9; 12, с. 166).

Именно в этом русле следует понимать те значительные походы славян, которые они совершали в IX— X вв. на Византию. Но, по-видимому, к этому же относятся и походы новгородцев на земли финнов по Вятке. Такая же ситуация складывается и в финно-угорском мире, о чем свидетельствуют данные о постоянных конфликтах между мари и удмуртами, причем речь, как правило, идет не о защите друг от друга, а именно о вторжениях на чужие территории.

Это может свидетельствовать о их примерно одинаковом уровне экономического и социального развития, поскольку в других случаях, когда речь идет о врагах более мощных, на первый план выступают марийские богатыри как защитники своих соплеменников, что хорошо видно на примере Пашкана или Чумбылата.

Историческое сходство развития финского (народов Поволжья) и славянского язычества заключается и в том, что «на примере тех народов, мифология которых известна нам во многих... подробностях..., мы явно ощущаем наличие двух социально обусловленных комплексов представлений: во-первых, это верхушечная жреческая система, нередко искусственно сплетенная из разных культов и сравнительно быстро эволюционирующая, а во-вторых, народная, глубинная религия, более архаичная, традиционная, в известной мере инертная и более аморфная» (15, с. 357).

Таким образом, здесь мы наблюдаем сходство, обусловленное и сходством стадиального развития этих народов.

Но и 1-й, и 2-й этапы характеризуются устойчивостью идеологических представлений. Новые явления не сразу начинают разрушать саму общину, что было связано и с особенностями мышления или «теории познания» в первобытности.

Любому обществу на разных этапах развития свойственен определенный способ мышления. Общинная идеология родового общества требовала единства представлений для всех членов общества, единого отношения к обществу, природе, миру в целом. Язычество финно-угорских народов представляло такое единство, как цельная развившаяся идеологическая система. В ней существовал божественный пантеон, отражающий природные явления и призванный защищать общество, т. е. общину. В этом пантеоне не существовало деления на «злые» и «добрые» божества, т. к. не существовало этического учения о свободе воли, возможности выбора, т.е. индивидуальности как проявления личностных качеств человека. Данный процесс начинается как отражение новых явлений в социально-экономической области — развития имущественной дифференциации (21, с. 444). Результатом стало деление языческих пантеонов финских народов на божества «добрые» и «злые», образующие свои иерархические системы, причем у поволжских народов во главе второго встал керемет — древнее божество земли, демиург, уступивший первенство божествам неба. Это было отражением развития явлений, характерных для второго этапа, т.е. появления божеств дружинных и сохранения старого пантеона.

Результатом межэтнических контактов финно-угров и славян явился синкретизм в языческих представлениях, начавшийся довольно рано. Есть свидетельства, что ростовская меря поклонялась славянскому «скотью богу» Велесу уже во второй половине XI в. По житию епископа Леонтия, «все ростовские язычники упорно боролись против христианских проповедников, т.е. вместе с чудью принимала участие в этой борьбе и ростовская Русь» (10, с. 43—44).

Показательно, что в процессе вытеснения языческих верований христианским вероучением не делалось особых различий между племенными богами разных этносов. В. О. Ключевский пишет: «...русская летопись XI в. (имеется в виду рассказ об «избиении жен» в Ярославле под 1071 г.), говоря о волхвах, о поверьях или обычаях, очевидно финских, не делает и намека на то, что ведет речь о чужом племени, о чуди: язычество, поганство русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимает племенное происхождение или этнографическое различие языческих верований» (10, с. 61).

Этой проблеме, в частности, была посвящена работа Т. А. Золотовой и О. В. Данилова — о славяно-финском синкретизме и Велесе и Керемете

(6, с. 20 и сл.). Примером такого синкретизма является отождествление Велеса и Керемета, а также попытка христианской церкви приспособить древние языческие представления к новым условиям, выразившееся в отождествлении Велеса и св. Власия, христианского покровителя скота. В. В. Иванов и В. Н. Топоров анализируют уникальный в своем роде восточнославянский текст — знаменитое «Сказание о построении града Ярославля», опубликованное в 1877 г. Концовка произведения, по мнению исследователей, «в ясной форме выражает связь новой церкви св. Власия и старого места поклонения Волосу» (7, с. 57—58): «Но по некоем времени егда восприя сии человици христианскую веру, ненавистник всякого добра диавал, не хотя зрети веры сия в людех, чини им мнозии страхования на месте, идеже некогда стояще Волос: ту и сопели и гусли и пение многажды раздавашеся и плясание некое видимо бываше, скотии же, егда на месте сем хождаху, необычно худобе и недугу предавашеся. И о сем человецы сие велие скорбя, поведа пресвитеру бывающая, и молвиша яко вся сия напасть, бысть гнев Волоса, яко сей претворися в злаго духа, да он сокрушит людии, скотие их, како сокрушиша его и кереметь. Пресвитер же уразуме ту прелесть диавола, яко сим злокозненным омрачением и страхом и недугом скотия сей исконный враг токмо хощет погубити людии Христовы. И пресвитер не мало поучи народ, а последи совет сотвори, да просят сии человецы, князя да епископа на месте, идеже стоя кереметь, построить тут храм во имя святого Власия, епископа Севастийского, яко сей угодник Божий вельми силен своим ходатайством к Богу, разорити наветы диавола и сохранити скотие людей христианских. И тако людии сии моли Князя, да повелит построити Храм; а Князь моли епископа дати благословение построить церковь древяну, во имя священномученика Власия. И, о велие чудо! Егда освяти храм, бес преста страхования творити и скотие на пажити сокрушати, и за сие зримое чудо людии восхвалиша Бога, тако благодеющего, и благодариша его угодника св. Власия чудотворца». В . В. Иванов и В. Н. Топоров замечают, что данный отрывок «предстваляет собой единственный восточнославянский текст (начиная с самых ранних памятников), где прямо говорится об отождествлении Волоса со святым Власием и с диаволом-бесом» (7, с. 56—57). Для нас чрезвычайно важно и то обстоятельство, что в «Сказании...» отождествлены Велес и Керемет («... яко вся сия напасть, бысть гнев Волоса, яко сей претворися в злаго духа, да он сокрушит людии, скотие их, како сокрушиша его и кереметь») и вместе уподоблены «исконному врагу людей христовых» — бесу (6, с. 22—23).

Рубеж тысячелетий (I—II тыс. н. э.), по-видимому, характеризовался оформлением, а точнее последним этапом формирования различных финно-угорских народностей. В их духовной культуре, в религиозных представлениях наблюдается смешение самых разных черт, свойственных тем этническим компонентам, из которых эти народности складывались. Скорее всего, можно говорить и о разновременности этих представлений.

Об этом можно судить, например, исходя из результатов раскопок могильников мери Ф. Д. Нефедовым, обобщенных Д. Н. Анучиным. В них встречается трупоположение и кремация, сожжение умершего в лодке или в санях, расположение костяков головою на запад, ногами на восток (в большинстве случаев), в редких случаях в сидячем положении. Погребения часто сопровождаются вещами — оружием, украшениями и, по-видимому, пищей (1, с. 238—240).

Таким образом, мы можем предполагать наличие в язычестве славянского и финского этносов сходных по функциям божеств. С течением времени происходит их вытеснение христианскими святыми, однако, опять же имеющими сходство с вытесняемыми божествами, или же специально интерпретируемыми в этом духе церковью. Заимствование божеств происходит лишь в том случае, если они стадиально близки. Древние религиозные системы отражали и социальную стабильность в обществе. Управление в родовом обществе базировалось на авторитете людей, которые стояли во главе той или иной социальной структуры. Христианство отражало совершенно иные отношения, как многие другие монотеистические религии. Его «авторитарность» была чужда «авторитетности» первобытности. Вторая причина его неприятия, вероятно, заключалась в том, что монотеистические системы выходили за рамки коллективного опыта людей и не вписывались в систему «коллективного мышления».

Стадиальное сходство религиозных представлений ускоряло и этническое смешение, например, происходившее на финно-угорских землях в период русской колонизации. Здесь, конечно, определяющими были количественные показатели. Известно, что русская колонизация носила характер медленного проникновения на земли финно-угров небольших групп славянского населения. Меря раньше оказалась под влиянием славян, и, по-видимому, на более ренней ступени формирования своих социальных и этнических институтов. Марийские земли подверглись колонизации позже, когда процессы формирования этноса уже завершились, а идеологическая надстройка, т.е. религиозная система проникающего на эти территории русского населения в значительной степени изменилась. Марийское язычество во многом сохраняло ранние черты.

Можно предположить, что в дохристианской религии мари произошло слияние религиозных представлений родового периода и новых, вызванных складыванием предгосударственных отношений. Но вследствие неразвитости последних они не смогли вытеснить предшествующие взгляды, которые и сохранились в значительной степени, слившись с поздними. Этот процесс слияния происходил, вероятно, до XV—XVI вв., когда изменяется характер священных рощ (прежде всего их расположение), происходит оформление языческого пантеона с главным богом, антропоморфизация божеств, отход на задний план прежних богов, олицетворявших в большей мере природные явления. Начальный этап этого процесса все-таки представляется достаточно неясным. О существенных изменениях в

марийском язычестве свидетельствуют некоторые данные о секте «Кугу Сорта».

В. М. Васильев, написавший, несмотря на большую литературу, посвященную секте, пожалуй, единственную по полноте работу, включающую анализ религиозных установок «Кугу Сорта», отмечает ряд характерных черт, свойственных секте. Возникновение ее относится к 70-м гг. XVIII в. Секта имеет три толка: 1-й отличается суровым аскетизмом, не признает кровавых жертв и молений низшим духам; 2-й — аскетизм в повседневной жизни отсутствует; 3-й — кровавые жертвы существуют, не признаются низшие духи. Сам В. М. Васильев трактовал эти черты «по содержанию как некоторый «прогресс», опрощение язычества» (3, с. 67). Можно полностью согласиться с таким объяснением. Прежде всего, религиозные обряды секты стали намного дешевле из-за отказа приносить в жертву животных. К тому же вело и сокращение божеств, которым молились и приносили жертвы верующие. В данном случае мы видим логическое завершение того процесса, который начался в середине II тыс. Вначале разделение «пантеона» на высших и низших богов, а затем и отказ от последних, а также удешевление культа вследствие обнищания населения, которое отмечали многие дореволюционные исследователи, начиная с И. Г. Георги.

Для обоснования отказа от кровавых жертвоприношений сектанты прибегали к очень интересному логическому построению: кровавой жертвы даже физически нельзя выполнить без того, чтобы кровь жертвенного животного не проникала в землю. Следовательно, жертва, назначенная богу, будет оскверняться в этом случае духом земли. Чтобы сохранить жертвенное животное от всякой скверны, потребовался бы для него совершенно исключительный уход: самый лучший корм, ограждение его от сорных примесей и сохранение даже всего поколения данного животного от продажи посторонним лицам, так как продажа могла бы повлечь к дурному обращению с ним, к использованию животного совершенно противоположному, например, принесению в жертву низшим духам и т. д. Самый акт приношения кровавых жертв, как прекращение жизни живого существа, есть насилие, зло, и это явление в глазах сектантов представляет целый парадокс: просить у бога прощения за содеянные злодеяния и для этого прибегать к тому же злу, именно, творить новое насилие, новый грех, который вновь придется замаливать этим же способом и т. д. до бесконечности (3, с. 26—27). Как нам кажется, в этих положениях отражается общий процесс распада (кризиса) язычества, а первая часть свидетельствует уже о резкой границе между двумя «пантеонами». В. М. Васильев отмечал, что «причина в распространении секты заключалась в простоте учения и скромной жертве, ограничивавшейся приношением воска, хлеба и некоторых приготовлений из меда».

Таким образом, можно говорить о сохранении в позднем марийском пантеоне древних родовых божеств со сложением новой иерархии, отражающей процесс разложения родового строя. Складывание новых отноше-

ний, выделение верхушки общества привело к оформлению иерархической системы с главным божеством. Складывается и особый слой служителей культа, оформленный в строгую систему, во главе которой стоял пожизненно избираемый (?) главный карт (13, с. 152). Однако включение территории края в состав централизованного Русского государства, накал «черемисских войн» привели к тому, что выделяющаяся верхушка населения была нейтрализована и исключена из процесса политического и экономического развития края. Наблюдается и экономический упадок, судя по письменным источникам более позднего времени (XVIII — начала XIX вв.). Последнее позволяет объяснить «реформационную» деятельность секты «Кугу Сорта», направленную на удешевление жертвоприношений. Однако, деятельность секты охватывала лишь часть населения. Большинство же марийцев продолжало молиться традиционным божествам, в пантеоне которых смешались и божества родового периода и новые. Они, вследствие неразвитости новых отношений, не смогли вытеснить первых.

Таким образом, язычество финских народов представляет результат длительного развития, в ходе которого оно превратилось в сложную религиозно-идеологическую систему. В ней сохранились многие черты матриархата и охотничьего хозяйства (культовые представления), прежде всего, зоолатрия; антропоморфные божества, некогда составлявшие единый пантеон; произошло смешение ранних представлений с культами земледельческими и дальнейшее развитие язычества, приведшее его к такому уровню, когда оно начинает терять свою древнюю основу, исходившую из единства общества и общественных представлений, что приводит к формированию сложной структуры языческих пантеонов.

Жесткое регулирование взаимоотношений между человеком или коллективом людей и природой, о чем упоминалось выше, проявляется и в религиозной системе первобытности, в язычестве. Оно определяло единообразие, структурное и функциональное, язычества и основные закономерности его развития.

Религиозные представления финноязычных народов Поволжья формировались в течение длительного времени. В них нашли отражение смешение различных этнических групп, новые формы хозяйства, развитие социальных отношений. Археологические материалы свидетельствуют о том, что по крайней мере с эпохи энеолита здесь существуют культы медведя, лося, оленя, птиц, змеи, рыбы, солнца, огня, воды и др. В эпоху бронзы появляется культ коня. Их развитие прежде всего было связано с изменениями в хозяйственной деятельности. Многие животные связывались с почитанием солнца и идеей плодородия, свойственным еще охотничье-рыболовческим общностям и выражавшимся в обрядах репродуцирующего характера, призванных обеспечить воспроизводство животного мира, а также в обрядах, связанных с идеей размножения. В связи с этим женские божества сохраняются до поздних периодов, имея зооморфное, а позже антропоморфное, воплощение.

По-видимому, появление новых божеств отразилось в делении позднего марийского языческого пантеона финно-угров на старшие божества (хозяева) и младшие (20, с. 262 и сл.). Можно предположить, что медведь, лось и олень, некоторые виды водоплавающих (лебедь, утка) выступают как божества высшего порядка, имеющие всеобщее значение и отношение ко всей природе и к миру в целом, как земному (среднему), так и «потустороннему» (верхнему и нижнему). Если они и были тотемными животными, то в очень раннее время. Вероятно, уже в энеолите они утрачивают подобное значение, превращаясь в верховные божества. Позднее (II тыс. н. э.) происходит деление на верхние божества и нижние, положительные по своему значению для человека и отрицательные. К первым относились юмо, ко вторым — керемети. Связано это было с делением общества по классовому признаку, поляризацией понятия добра и зла, в связи с чем однородные по своему существу божества делятся на добрых и злых и происходит резкое противопоставление верхнего и среднего миров нижнему, а их божеств друг другу. Космогоническая модель мира приобретает этическую осмысленность и значение, отражая общественные отношения. Однако, прежнее единство этих божеств в одной системе продолжает сохраняться, выражаясь в их единообразном пантеоне, одинаковых жертвенниках и жертвоприношениях.

Древние культы проявляются в ряде форм, фиксируемых археологически: в кремневой и глиняной пластике, деревянной скульптуре, графике; в амулетах из костей и клыков животных; в погребальной обрядности; в конструкции культовых комплексов и в жертвоприношениях. Большинство культов, по-видимому, возникло вследствие промыслового значения ряда животных, птиц и рыб, а также того влияния, которое оказывали природные явления на хозяйственную деятельность человека. Иной принцип лежал в основе возникновения культа змеи, некоторых видов птиц и т. д., не имевших хозяйственного значения. Эти причины заключались в необходимости для древнего человека обожествить всю природу в целях своей безопасности с тем, чтобы различные природные явления не препятствовали ему в его деятельности. Третья причина обусловила возникновение антропоморфных культов. Вероятно, достаточно рано человек понял свое отличие от мира животных и природы в целом и выразил его в появлении антропоморфных божеств, которое впоследствии было дополнено антропоморфизацией зооморфных существ.

Уже с эпохи бронзы, по-видимому, начинается процесс синкретизации культовых представлений, смешения и перенесения черт одних культов на другие. Оно проявляется в соединении различных животных на одном предмете, в придании одним животным видовых признаков других, соединении отдельных частей животных и птиц на украшениях, в появлении божеств получеловеческого, полузвериного облика. Целью в данном случае являлось стремление придать вещи больший «ритуальный вес» — охранительное значение, обеспечиваемое несколькими божествами.

Стремление усилить охранительные функции изображений, амулетов проявилось в их неоднократном дублировании, помещении их на одежду в целях защиты наиболее важных с точки зрения человека центров жизнедеятельности. Изображения животных и птиц, астральные символы помещались на бытовые предметы в целях защиты процесса производства, а также на жилищах. Основой этих представлений являлась вера в мощь верховных существ. Культы животных, птиц и т. д. сливаются с культами природных явлений и стихий (солнца, воды, огня), с антропоморфными культами, с представлениями о смерти и возрождении, что повышает значение этих божеств, как покровителей и охранителей. Осуществляется такое покровительство через перевоплощение человека в эти существа или через «сопричастие» его к божеству путем ношения амулетов из костей животного, различных изображений и приобщением к нему через исполнение культовых обрядов и ритуальную пищу.

Рано появляются специфические ритуалы, связанные с древними культами, о чем свидетельствуют различные жертвенные комплексы с костями животных и человека, специальные помещения, вероятно, нежилого характера, особые ритуальные сосуды. Уже в эпоху бронзы они наблюдаются на территории Марийского Поволжья и, по-видимому, чаще связаны именно с главными божествами. Они восходят к волосовской культуре. Впоследствии они сохраняются, доходя до позднего времени в виде марийских жертвенников и священных рощ. Вероятно, древнюю основу имела и языческая обрядность, хотя по мере развития она включала и новые элементы.

Сохранение древних представлений было обусловлено функциональным сходством божеств на разных этапах развития, а также особенностями сложения этих представлений. Ф. Энгельс писал: «Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе; племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. ...Люди этой эпохи... неотличимы друг от друга». Неприкосновенность родо-племенных институтов, в том числе и религиозных представлений, вела к тому, что они изменялись крайне медленно и, вероятно, под воздействием каких-либо серьезных изменений в обществе. Таковыми были изменения в экономике, ведущие к смене общественных отношений, всей надстройки, в том числе и религиозных взглядов. Наличие представителей культа также не способствовало быстрой смене религиозных представлений, так как функцией этих людей была не выработка новых взглядов, а сохранение старых. Они выступали хранителями традиций, «священных и неприкосновенных».

Таким образом, формирование новых этнических систем в ранних обществах определялось факторами общего порядка — ростом численности населения, контактами между отдельными коллективами и превращением

их в устойчивые формы связей, «открытостью» родовых коллективов для внешнего влияния со стороны сообществ, соответствующих по уровню развития.

Устойчивость этнических систем определялась более сложным комплексом причин, при этом действие их было неоднозначным. К ним относятся стабильность родового коллектива в своей численности; приверженность к традиционным формам хозяйства, отразившаяся и в религиозных представлениях, пронизывающих всю деятельность человека и нивелирующих возможность проявления его индивидуальности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Анучин Д. Н.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. Т. III. М., 1899.
2. *Архипов Г. А.* Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976.
3. *Васильев В. М.* Марийская религиозная секта «Кугу Сорта». Краснококшайск: Маробиздат, 1927.
4. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб, 1908.
5. *Гришкина М. В., Владыкин В. В.* Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Сборник статей. Ижевск, 1982.
6. *Золотова Т. А., Данилов О. В.* Очерки традиционной культуры народов Поволжья. Йошкар-Ола, 1996.
7. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1972.
8. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
9. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М.: Наука, 1983.
10. *Ключевский В. О.* Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья // Исторические портреты. М.: Правда, 1990.
11. *Козлова К. И.* Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.
13. *Петров В. Н.* Иерархия марийских культовых объединений // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1981.
14. *Роуз Ф.* Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.
15. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. Изд. 2-е. М.: Наука, 1994.
16. *Рычков П.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб, 1767.
17. *Рычков Н.* Журнал или Дневные записки путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб, 1770.
18. *Рычков Н.* Продолжение журнала или Дневных записок путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб, 1772.
19. *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX— первая половина X в. М., 1980.
20. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. №28. М., 1952.
21. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. 2-е изд. М., 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМК — Археология и этнография Марийского края.
МАВГР — Материалы по археологии Восточных губерний России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

Oleg Danilov

EVOLUTION AND STEADINESS OF EARLY ETHNIC SYSTEMS (ON THE EXAMPLE OF MARI AND MERI)

Investigators of different trends express an opinion about proximity of Mari and Meri. The problem, appearing in the process of such comparison, consists in the fact, that the Meri as ethnos ceased their existence very early what was connected with the process of Slav colonization and assimilative processes, while the Mari reserved their ethnic and cultural originality till present. An interesting fact is the influence of different ethnic societies, in this case it is the relation with Slav population. Paganism was of great importance for the process of ethnic development, especially, in early stages. On the one hand it reflected new social and economic relations, on the other hand it preserved complex of social and religious views, typical for this ethnos or the other one, carrying them from one period to another. It could be said that communal and tribal system took the part of ethnos reserving unit.

Stableness of tribal relations among the Mari people reveals itself, probably, in the fact that for the lack of archaeological monuments on the Mari proper territory in XIV-XV centuries we can speak about unbroken cultural tradition, preserved complex of pagan views even by possible continuous delocalization of the kin.

Steadiness of paganism as a whole system expresses itself in preservation of one of the ancient gods — Keremet — both by the Mari and the Meri. Besides, the unity of pagan views was not broken by the Mari even by devision of pantheon into "high" and "low" gods, what was, probably, the consequence of new social relations and appearance of "high priestly system" with preservation of "folk, deep religion, more archaic and graceful". Analog to the last one is presented by the development of Slav paganism and appearance of Vladimir's pantheon. It may be supposed that monotheism, being not corresponding to the ideology of paganism with its equality of communities, was one of the reasons, that the Mari didn't accept Christianity. The elements of folk, more democratic religion have more chances for borrowing. The example of this is the identification of Keremet and Veles by Russian annals.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Татьяна Молданова
Ханты-Мансийск

ФОЛЬКЛОР, СНОВИДЕНИЯ, АДАПТАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ХАНТОВ

Промышленное освоение Западной Сибири приводит к тому, что образ жизни коренных народов Севера, независимо от их воли и желания, все более и более меняется. Исчезают многие элементы материальной культуры, однако все еще сохраняется язык, внутренний мир этих людей. Сохранность языка означает и достаточно полную сохранность фольклора.

В Ханты-Мансийском автономном округе созданы фольклорные архивы обско-угорских народов: окружной (г. Ханты-Мансийск) и районные — Березовский, Белоярский, Сургутский, Варьеганский. Они в различной мере, с различной степенью профессиональной подготовки ведут работу по сбору и обработке фольклора.

Фольклор — живой пласт современной культуры народа ханты, он продолжает развиваться. Кроме тех фольклорных произведений, которые содержат в себе исторические реалии «стародавней» жизни, кроме тех, которые по-прежнему воспроизводят культурные ценности и нравственные нормы далекого прошлого, появляются иные, отражающие новшества сегодняшней жизни.

Из анализа фольклорных текстов хантов, передающих новые явления действительности, можно выявить некоторые направления в развитии коллективного сознания этноса. Рассмотрим 8 песен разного жанра, собранных автором совместно с Тимофеем Молдановым в 1991—1996 годах у хантов р. Казым и хантов верховий р. Тромаган. Кроме того, частично использованы фольклорные эпитеты и персонажи, взятые из других текстов, собранных в это же время на данной территории. Материалы хранятся в окружном фольклорном фонде при Научно-исследовательском институте обско-угорских народов в г. Ханты-Мансийске.

Прежде всего отметим тот факт, что каждый новый предмет, каждое новое явление, входящие в хантыйскую жизнь и эмоционально значимые для его членов, вводятся в существующую картину мира этноса, т. е. им дается хантыйское название или фольклорный эпитет, определяется место в бытующей системе представлений, строятся отношения. Что касается материальных объектов, то отношение к ним чаще всего устанавливается через характеристику того традиционного предмета или явления, с которым он сравнивается.

Например, **Щангра-хонгра ай вертолет** «Стрекоза — маленький вертолет» — это вертолет Ми-2, который в свое время часто залетал на стойбище и на нем можно было легко добраться до поселка. Сам факт сравнения вертолета и стрекозы, безусловно, вызван их внешним сходством. Однако для нас важен тот факт, что это внешнее сравнение имеет и глубинное значение для членов этноса, т. к. качественное отношение человека к стрекозе переходит на вертолет, т. е. выстраивается оценочное отношение к данному предмету, определяется его место в структуре мироздания. У казымских хантов, из фольклора которых взято данное выражение, стрекоза есть священный облик одного из духов-охранителей, который способен «крючку подобной, крючковатой рукой» выхватить человека из его болезни, т. е. помочь ему. Благодаря сравнению со стрекозой, вертолет Ми-2 перенимает и это отношение к себе, т. е. в системе ценностей он находится в той же нише, что и живые существа, в частности, духи, способные помочь человеку.

В качестве следующего примера возьмем выражение, в котором народ «осваивает» вновь созданную организацию, так называемый, Северный фонд при администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Фольклорный эпитет данного фонда следующий: **Ханты ёхлув вухи щап, ханты ёхлув вэны щап,** т. е. «Хантыйских людей денежный карман, хантыйских людей большой карман». Здесь под выражением «хантыйские люди» подразумеваются все коренные народы округа: ханты, манси, лесные ненцы. Итак, Северный фонд — это карман. А карман — это то, где что-то хранится, если это «мой карман», то он принадлежит мне, если это «хантыйских людей карман», то он принадлежит каждому «хантыйскому человеку» и мне в том числе тоже, значит это «мой карман». Таким образом, через фольклорный эпитет народ определил функцию Северного фонда. Это «мой карман», из которого я имею полное право брать деньги, тогда когда это мне необходимо или просто когда захочется. Вот этим и объясняется, так называемый, иждивенческий подход к средствам Северного фонда. Из данного фольклорного определения вытекает еще один аспект отношения, который заключается в том, что если Северный фонд является «хантыйских людей карманом», то никто кроме этих людей не имеет права им пользоваться.

Другим направлением в развитии современного фольклора является появление песен про сегодняшних лидеров общественного движения и административных работников из числа народов Севера. Благодаря радио, телевидению, деятельности ассоциации коренных народов «Спасение Югры», жизнь и деяния работников отделов Севера и лидеров обско-угорских народов стали доступны народу и находят отклик в песнях, зачастую исполняемых в юмористическом жанре подражания героическому эпосу. Реальная личность в фольклорных произведениях получает эпитеты, которые отражают те или иные его поступки, внешние или внутренние человеческие качества. Например, **Асыен вутат вутанг вон най,**

лориен вутат вутанг вон най «Шириной с Обь широкая великая **най**, шириной с озеро широкая великая **най**» (най — в хантыйском фольклоре божество женского рода); **Яснгал вотшум, вотшум ай хон, нялмал вотшум, вошшум ай хон** «Свой язык (как средство общения) потерявший, потерявший маленький царь, свой язык (как орган речи) потерявший, потерявший маленький царь» или же **Ешл кослы, кослы ай хон, курл кослы, кослы ай хон** «С руками бессильными, бессильный маленький царь, с ногами бессильными, бессильный маленький царь». Относительно фольклорных имен, которые даются исторически существующим личностям, отметим тот факт, что эпитет или несколько эпитетов, если даже они даются человеку по случайному, нехарактерному для него поступку, прикрепляются к нему и несут ценностное отношение к личности, в то время как сюжет песни не столь важен и герой способен совершать самые различные поступки.

В тех эпитетах, которые нами зафиксированы, просматривается одна закономерность. Если представители обских угров занимают посты в аппаратах администраций, например, в Комитетах по делам малочисленных народов Севера, то они обязательно «маленькие цари», а работники образования, культуры, общественные деятели чаще всего *наи-вэрты* «богини-боги». Из собранного материала, пока небольшого, можно сделать предварительный вывод о том, что в народной среде у отдельных творцов появилась некая необходимость более четкого определения понятия «мы» и навести там порядок, т.е. создать иерархию внутри данной структуры. Ранее было ясно, что «мы» — это те, кто разговаривает на хантыйском языке и живет так же как «я». «Мы» отличались друг от друга только лишь местом проживания: «обские», «казымские» и т. д. Теперь образ жизни, знание языка, одежда и даже внешность более не являются идентифицирующими факторами и понятие «мы» оказалось размытым.

В современных песнях о «выдающихся людях» вышучивается бессмысленная, с точки зрения народа, деятельность городских, поселковых представителей коренных народов, бедность их хантыйского языка, бесконечные заграничные поездки, нежелание жить или просто ездить по отдаленным деревням, стойбищам и т. д.

Основной мотивацией творцов нового «героического эпоса» является желание посмеяться, развеселить слушателей. Например, вот чем в их песнях занимаются работники культуры:

Вон культура, вон мунтал,
Нух щи алмииялтел.
Вон культура, вон мунтал,
Еллы аллииялтел.

«Большой культуры большой тюк
Вверх они поднимают.
Большой культуры большой тюк
Дальше они несут».

Деятельность работников комитетов по делам малочисленных народов Севера, по мнению исполнителей фольклора, заключается в том, что:

Нуви сэм йингк ар щарка	«Светлой слезе, подобные многие рюмки,
Арал янщииялтел.	Много они выпивают.
Хоныен пасан ар лэтыут	Царского стола многие кушанья
Арал лавантыялтел.	Много они едят».

А вся национальная интеллигенция:

Па хон пелак ям мува	«В другого царя хорошие земли
Кос мал кашты щи янгхлат,	Силу искать они ездят.
Па хон пелак ям мува	В другого царя хорошие земли
Щом мал кашты щи янгхлат.	Крепость искать они ездят».

Здесь однако следует отметить и то, что при всей специфичности песен о современных лидерах и административных работниках в них проскальзывают и позитивные оценки некоторых поступков, отдельных черт характера. Например, положительным в настоящее время считается то, что:

Сотые нувпи ар ханши	«С сотнями ветвей, многие узоры(т.е. буквы, слова)
Лув щи йишииялтал.	Он пишет.»

Отметим, что согласно традиционным фольклорным произведениям этим занимаются хантыйские божества высокого статуса.

Нами зафиксированы две небольшие песни в духе героического эпоса, т. е. с фольклорными эпитетами героев, где дается только положительная оценка деятельности, прославляется умение противостоять «начальникам», отзывчивость на конкретные нужды людей, жизненная стойкость, некоторый аскетизм жизни и т. д.

Ар хон омасты хонанг хот	«Где много царей сидит, царский дом тот
Лув хон паллииялтал,	Она не боится,
Ар хон омасты ари ов	Где много царей сидит, царские двери те
Лув щи пуншииялтал.	Она открывает».

Мотивация создания песен с положительной характеристикой героев — это желание сделать приятное понравившемуся человеку.

Отметим, что хотя побудительные мотивы создания песен об исторических личностях разные, общим является то, что все современные герои, как и герои средневекового эпоса, имеют фольклорные эпитеты, чего нет в простых личных песнях. Таким образом, можно констатировать тот факт, что восстанавливается некая духовная связь с прошлым и на арену жизни обско-угорских народов вновь выходят «косатые богатыри».

В современном фольклоре хантов мы фиксируем еще одно направление — это переосмысление прежних сказочных персонажей и рождение новых. Одним из переосмысленных образов является «с тонкими пальцами **лонги**» — персонаж по своим качественным характеристикам близкий лесным духам. Так же как они **лонги** живут в лесу, так же как они боятся

главного борца с нечистой силой — духа **Ем вож ики**, при виде которого духи «с визгом разбегаются». Вообще говоря, **лонги,** по данным некоторых информаторов, это фольклорное название собаки, то же самое по данным С. Патканова, **лоӈа** — название собаки у южных групп хантов (1, с. 36). Однако сегодняшние информаторы-певцы объясняют нам, что «с тонкими пальцами **лонги**» — это те, кто рубит просеку. Тонкая длинная просека — это якобы и есть тот длинный палец, который вошел в эпитет фольклорного персонажа.

Сегодняшнее смысловое поле слова «лонги» — это сверхъестественное, чуждое людям, однако нейтральное по отношению к ним существо, идентичное лесным духам. От последних они отличаются образом жизни, так как не охотятся, не рыбачат, вообще не производят никаких действий, характерных для человеческого или иного существа, живущего в лесу. Таким образом, лесные духи более близки и понятны людям, чем **лонги**, способ жизнеобеспечения да и вообще весь смысл деятельности которых совершенно не ясен.

В хантыйской картине мира **лонги**, отождествившись с лесными духами, заняли с ними одну и ту же ячейку в иерархии бытия, т.е. традиционное мышление сумело их полностью адаптировать.

Сегодня в районе верховьев Казыма и Тромагана все чаще и чаще в фольклоре появляются два новых персонажа-врага, это «С железной головой, с железным животом большой русский мужчина» и «В красном сарафане большая русская женщина», которые абсолютно все на своем пути пожирают. Это образы железной вышки и горящего факела, в котором сжигается попутный газ при нефтедобыче. Отметим тот факт, что ханты издавна проживали рядом с русскими, однако слово «русский» в характеристику эпитета врага вошел впервые. Даже когда в лесах появились **лонги** «рубители просек», в сознании этноса они не отождествлялись с русским населением, просто это было нечто чуждое и непонятное.

Итак, появились новые гигантские враги, по своей чудовищной разрушительной силе несопоставимые с прежними опасностями, на которые этнос выработал способы защиты. Дело в том, что в традиционной картине мира железо и огонь были сакральны, священны, они являлись самыми основными защитниками человека. Их высокий статус, естественно, объясняется тем, что ранее, при прежних «природных» опасностях, в конкретных ситуациях они действительно могли спасти человека, поэтому и вошли в содержание так называемого образа личного защитника (2, с. 27). Теперь, при любой реальной или мнимой опасности, идущей как от природы, так и от общества, само присутствие железа и огня (спичек, зажигалки) стало являться психологическим фактором, снижающим ощущение этой опасности.

С началом промышленного освоения округа эти священные, надежные защитники, оберегавшие многие поколения хантыйских людей, трансформируются во врагов, в образе «огромного железного мужчины» и «ог-

ромной огненной женщины», которые стали уничтожать землю и сложившийся образ жизни народов Севера. Человек остался один на один с надвигающейся опасностью, не готовый ни психологически, ни фактически противостоять ему. На наш взгляд, именно в этой внутренней растерянности кроется причина тяжелого, депрессивного состояния многих членов этноса, что находит отражение в пьянстве, преступности, самоубийствах. Набор защитных механизмов, переданных предками, оказался явно недостаточным для спасения от опасностей, связанных с новой ситуацией, с новой реальностью жизни.

Адаптируется ли этнос к изменившимся условиям жизни, обретет ли нового защитника, который будет способен уберечь народ от разрушения? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к тем слоям психики, которые Карл Юнг (3, с. 97) называет коллективным бессознательным, из глубин которого поднимаются архетипические идеи и рождаются определенные фольклорные образы. Как известно, бессознательное проявляет себя в сновидениях, поэтому мы обратились к этому источнику. Автор в течение более десяти лет ведет запись сновидений как своих собственных, так и близких людей. Из анализа 57 сновидений, записанных в течение 1990—1995 годов у носителей традиционной культуры, т. е. у тех людей, которые знают язык и по крайней мере в детстве жили традиционной жизнью, можно сделать вывод о том, что в недрах подсознания членов этноса идет работа по интенсивному поиску способов адаптации, формируется новый образ защитника.

При этом в различных половозрастных группах поиск идет по разным направлениям. К первой группе можно отнести людей старше 50 лет, живущих в традиционной среде. В сновидениях они воспроизводят прежних защитников, поэтому из поиска исключаются. Вторая группа — это девушки, молодые женщины, подсознание которых наиболее активизировалось, что проявляется в ярких, навязчивых, повторяющихся образах сновидений. Эта группа хантыйского этноса свою защиту ощущает в консолидации, хотя в достаточно большой степени все еще продолжает воспроизводить традиционный образ защитника. Характерным сновидением данной группы является сон 19-летней И. М. с р. Казым, в то время, когда она, в связи с самоубийством подруги, находилась в тяжелом депрессивном состоянии. Чтобы помочь девушке, толкователь сновидений, в частности автор статьи, исходя из существующей традиции дал ей установку увидеть во сне причину заболевания. И вот ей снится сон: «Я шла одна по своей деревне, навстречу мне бежал мальчик. Он держал ниточку, куда было привязано много мышей. Они были без шерсти, мне стало их жалко, я заплакала». Как известно, сновидение становится осмысленным психическим феноменом при применении определенных научных методов расшифровки. Однако и в традиционной хантыйской культуре существовали толкователи сновидений, которые имея некоторые знания о материале и источниках сновидений определенной группы людей, мог-

ли расшифровывать их символы и исходя из установившихся обычаев, традиций помочь конкретным людям. На языке казымских толкователей сновидений, сон, приснившийся молодой девушке, означает следующее: «Дух **Ем вож ики**, защищающий людей от всевозможных злых сущностей и один из священных обликов которого мышь, страдает, так как не одет. Он просит, чтобы ему пошили одежду, причем не один ритуальный халат, а сразу несколько (по числу мышей в сновидении) и разными женщинами. Тогда он уничтожит **«вулуп»**, ту злую силу, то проклятье, что преследует девушку». Таким образом, из сновидения вытекает необходимость определенных коллективных действий, необходимость некоего коллективного ритуала.

Возможно, что это внутреннее ощущение, эта внутренняя потребность молодых женщин в коллективных действиях заставила их в свое время объединиться и направить свои силы и энергию на создание общественной организации коренных народов округа ассоциации «Спасение Югры» в 1989 году.

Третья группа хантыйского этноса, молодые мужчины, ведут поиск защитника совершенно в ином направлении: они проецируют комплекс спасителя на молодую женщину. Вероятно, в первую очередь, это связано с тем, что большинство молодых мужчин, оставшихся в свое время в традиционной жизни, затрудняются найти себе жену и вынуждены жить одни. В этом случае молодая женщина могла быть проекцией сексуальных потребностей. Например, в сновидениях молодых мужчин с реки Казым часто появляется молодая сильная женщина, которую в настоящее время трактуют как дочь духа-охранителя казымских ханты — **Касум ими.**

Вторая причина подобной проекции у мужчин, на наш взгляд, кроется в том, что женщина по своему психическому складу более гибка и быстрее адаптируется к изменяющимся условиям жизни, т.е. в конкретных жизненных ситуациях она оказывается сильнее мужчины и действительно способна помочь ему.

Интерес представляет и тот факт, что некоторые молодые мужчины проецируют образ защитника на молодую женщину, конкретную историческую личность. Например, сон 37-летнего Т. М.: «Едем с женой зимой по озеру на оленях. Впереди полынья. Нарты уходят под воду, я выскакиваю, хватаю жену, отбрасываю ее на берег. Полынья увеличивается и я вместе с оленями стал тонуть. Хватаюсь за края льдины, все бесполезно. В это время вдруг откуда-то появляется необычно большая Т. С.* и протягивает мне длинную жердь».

Итак, из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время идет процесс духовной коллективной работы этноса, новые явления жизни активно осваиваются, вводятся в существующую картину мира.

---

* Т. С. — Татьяна Степановна Гоголева, президент ассоциации «Спасение Югры».

2. Создание общественной организации — ассоциации «Спасение Югры», комитетов по делам малочисленных народов Севера и иных представительных институтов этих народов способствуют восстановлению утраченных социальных связей коренных этносов округа, что, в свою очередь, показывает их жизнеспособность. В качестве целостного организма, в который воссоединяются разрозненные, сохранившиеся элементы этнических структур, просматривается общность всех коренных народов округа: ханты, манси, лесных ненцев.

3. Народы Севера беззащитны перед угрозой, идущей от технически оснащенной цивилизации. Однако в недрах сознания этносов идет поиск форм психологической адаптации. Носители традиционной культуры защиту видят: в прежнем образе жизни; в коллективных действиях; в женской магической личности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Патканов С.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.

2. *Лурье С. В.* От магии пения к магии порядка (Об этническом сознании финнов-тавестов) // Человек. 1991, №5.

3. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991.

Tatjana Moldanova

FOLK-LORE, DREAMS, ADOPTION OF PRESENT KHANTI

Reflection of present social and economic phenomena in folk-lore of Khanti is examined in the article.

Directions in the development of collective consciousness of ethnos and adaptation actions in a new period are marked out.

The search of protector in various age groups in present conditions proceed in different directions.

«Финно-угроведение», 1996, № 4.

СООБЩЕНИЯ

Анатолий Зенкин, Валерий Никитин
Йошкар-Ола

40 ЛЕТ МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1956—1995 гг.)

В 1956 году распоряжением Совета Министров Марийской АССР была создана Марийская археологическая экспедиция на базе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Возглавил экспедицию тогда еще кандидат исторических наук (позже доктор, профессор, член-корреспондент АН Татарстана) Халиков Альфред Хасанович. Активно подключились к работе экспедиции Марийский республиканский научно-краеведческий музей, Горномарийский районный и Горьковский областной краеведческий музеи. В составе экспедиции работали студенты Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, Казанского и Горьковского государственных университетов, являя пример тесного научного сотрудничества специалистов разных учреждений. Марийская экспедиция с первых лет работы осуществляла координацию научных исследований в области археологии в республике. К началу работ нашей экспедиции уже работали и Удмуртская, Куйбышевская археологическая экспедиция АН СССР, археологические работы велись и в других районах, заселенных финно-угорскими народами. Дальнейшее изучение древностей Среднего Поволжья и Прикамья настоятельно требовало проведения археологических работ в Марийском Поволжье, которое на археологической карте Волго-Уральского региона было белым пятном. Основной целью Марийской археологической экспедиции явилось выявление и первичное изучение археологических памятников на территории Марийской АССР и в сопредельных районах для составления археологической карты и сбора материала по древней и средневековой истории края. Одновременно была поставлена задача подготовки специалистов-археологов для республики.

Работа экспедиции в первые три года была организована таким образом, чтобы обследовать путем разведок определенную территорию. В 1956 году изучались восточные и южные районы Марийской АССР и правобережье реки Вятки в пределах южных районов Кировской области. По выявлению памятников работало 5 разведочных отрядов (руководители Г. А. Архипов, Б. В. Бабушкин, Р. Х. Сахаутдинов, Н. А. Аксенова и В. Е. Стоянов).

В 1957 году экспедиционные работы были развернуты в центральных, северных и восточных районах Марийской АССР. Разведочными рабо-

тами экспедиции (под руководством Г. А. Архипова, Б. В. Бабушкина, П. Н. Старостина, Ф. П. Павлова) за полевой сезон выявлено 96 археологических памятников, из которых более 70 обнаружено впервые. Стационарными отрядами проведены раскопки под руководством А. Х. Халикова, Т. А. Хлебниковой, В. Ф. Генинга на 18 памятниках.

В 1958 году основное внимание было обращено на изучение юго-западных районов Марийской АССР и бассейна реки Ветлуги. Разведочными отрядами (руководители Г. А. Архипов, В. Е. Стоянов, Б. В. Бабушкин, Е. А. Безухова, П. Н. Старостин, Г. Н. Айплатов) открыто и обследовано около 130 памятников. Продолжены и стационарные раскопки.

В 1959 году основной состав Марийской археологической экспедиции входил в Горьковскую археологическую экспедицию. Однако работы проводились и в Марийской АССР. Были проведены раскопки Юнга-Кушергинской стоянки, в которых участвовали в качестве консультантов специалист в области палеолита ленинградский археолог А. Н. Рогачев и казанский геолог К. С. Андрианов. Раскапывались поселения эпохи бронзы и раннего средневековья.

Таким образом, за первые три сезона проведена большая работа по выявлению археологических памятников, успех которой был обеспечен четкой организацией экспедиции, энтузиазмом ее руководителя А. Х. Халикова и всех сотрудников, в основном молодых не только по опыту работы, но и по возрасту. Все эти три года коллектив экспедиции работал слаженно, четко, с большим подъемом и сознанием необходимости изучения древностей края.

Большую поддержку в организации и в материальном обеспечении экспедиции оказывали Марийский обком КПСС и Совет Министров Марийской АССР, администрация МарНИИ.

Результатом трехлетних разведок экспедиции явилось издание в 1960 году обобщающей работы Г. А. Архипова и А. Х. Халикова «Материалы к археологической карте Марийской АССР». На археологическую карту было нанесено 390 пунктов, из них 320 вновь открытых памятников. Они явились основой работы экспедиции в последующие годы, хотя, разумеется, поиски новых памятников продолжались. Так, в 1960 году под руководством П. Н. Старостина и в 1964 году под руководством В. С. Патрушева дообследована зона будущего Чебоксарского водохранилища в пределах Марийской АССР. В результате выявлено около 30 новых археологических памятников.

Исследования 1960—1965 годов проводились двумя отрядами: один из них, возглавляемый А. Х. Халиковым, изучал в основном памятники эпохи неолита, бронзы и раннего железа, второй, руководимый Г. А. Архиповым, проводил раскопки древнемарийских памятников I тыс. н. э.

В последующие, 1966—1968 годы, основные экспедиционные исследования были продолжены на археологических памятниках по левому берегу р. Волги. В раскопках этих лет принимали участие Г. А. Архипов, В. С. Патрушев (г. Йошкар-Ола), А. Х. Халиков и Е. А. Халикова (г. Ка-

зань), студенты историко-филологического факультета Марийского пединститута, проходившие в составе экспедиции полевую практику, и сотрудники Марийского республиканского и Горномарийского краеведческого музеев. В 1966 году в экспедиции работали научные сотрудники Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В. П. Третьяков и Г. П. Григорьев. В 1968 году на раскопках Ахмыловского археологического комплекса принимала участие научный сотрудник Института археологии АН СССР Н. Л. Членова.

В 1969 году Марийская археологическая экспедиция вошла в качестве самостоятельного Марийского отряда в состав Чебоксарской экспедиции Института археологии АН СССР, организованной для изучения археологических памятников в зоне затопления Чебоксарского водохранилища. Начальником Чебоксарской экспедиции являлся научный сотрудник Института археологии кандидат исторических наук Ю. А. Краснов. Начальником Марийского отряда в 1969 году был А. Х. Халиков, его заместителем — Г. А. Архипов.

В 1970—1972 годы I Марийский отряд работал под руководством Г. А. Архипова, II Марийский отряд — под руководством В. С. Патрушева. С 1973 года Чебоксарская экспедиция в пределах Марийской АССР работы не проводила, а Марийская археологическая экспедиция стала работать самостоятельно (начальник Г. А. Архипов).

В 1974—1976 годах в разведочных работах Марийской археологической экспедиции принимало участие Марийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Были обследованы прибрежные районы рек Большой и Малой Кокшаги, Илети, Рутки и левобережной поймы р. Волги в пределах Юринского и Килемарского районов. На карту республики было нанесено более 200 вновь открытых памятников (В. В. Никитин). В период с 1976 по 1980 годы в составе экспедиции начинают самостоятельные поиски археологических памятников Т. Б. Шикаева, которая возглавила отряд, обследовавший побережье рек Большого и Малого Кундыша, Б. С. Соловьев вел поиски памятников по реке Дорогуче и Рутке, С. В. Большов по р. Волге. Они значительно пополнили круг древних памятников различных эпох, было выявлено 100 новых археологических пунктов.

В раскопках 1974 года в качестве рабочих участвовали учащиеся Параньгинской школы-интерната во главе с учителем В. Н. Мухаметзяновым, в 1975 — учащиеся школы № 11 г. Йошкар-Олы во главе с учительницей Л. В. Никитиной.

Творческое сотрудничество Марийской археологической экспедиции с вузами и школами республики продолжается и в последующее время. Неоднократно в экспедиции работали школьники Дворца пионеров г. Йошкар-Олы (руководители О. В. Орлова, С. Ю. Смирнова, П. Г. Инягин, Т. Л. Ефремова), г. Козьмодемьянска (руководитель В. Л. Шерстнев), г. Волжска (руководитель А. Казаков), школьники д. Пуял (руководитель В. П. Константинов), п. Медведево (руководитель И. И. Панов), школы

№7 (руководитель Н. Богомолова) и №9 (руководитель Л. Сучкова) г. Йошкар-Олы. Ежегодно десятки студентов-историков Марийского педагогического института проходят полевую практику в составе Марийской археологической экспедиции.

Анализ большого археологического материала позволяет проследить историю Марийского края с эпохи верхнего палеолита вплоть до средневековья. Большим успехом следует считать открытие Юнга-Кушергинской стоянки на р. Большая Юнга Горномарийского района, относящейся к 20—30 тысячелетней древности. Изучение мезолитических и неолитических памятников дало возможность характеризовать наиболее продолжительный период в истории человечества — каменный век. Археологические памятники каменного века впервые открыты и изучены именно Марийской экспедицией. До работ экспедиции можно было лишь по отдельным и очень слабо изученным памятникам полагать, что древнейшее население края относится к эпохе бронзы (II тыс. до н. э.).

Целенаправленные поисковые и стационарные работы по выявлению и изучению памятников каменного века (В. В. Никитин) позволили нанести на археологическую карту республики сотни вновь открытых стоянок и поселений эпохи мезолита и неолита VI—III тыс. до н. э. Десятки раскопанных поселений этого периода дали ценнейший материал для решения вопросов хозяйственной и духовной жизни древнейшего населения и его социальной организации. Появилась возможность ставить и решать вопросы происхождения, датировки и дальнейшего развития древнейших коллективов на территории нашего края.

Многие стороны древнейшей истории края стали открыты нам благодаря интенсивному изучению памятников эпохи бронзы, характеризующейся бурными событиями, сыгравшими важную роль в этнической истории племен края. Такие археологические культуры, как балановская, абашевская, приказанская и чирковская изучены на большом фактическом материале. Они позволили сделать научные выводы о взаимоотношениях местных энеолитических и пришлых скотоводческих племен эпохи бронзы. Особо следует выделить успешное изучение Марийской экспедицией такой важной для истории края культуры, как волосовская. В 1970—1980 годы под руководством Г. А. Архипова и В. В. Никитина подвергались широким раскопкам такие поселения этой культуры, как Руткинское, Уржумкинское, Ахмыловское II, Майданские I—IV, Баркужерское III, Мазарское I и другие.

Нельзя не отметить важные результаты, полученные при изучении памятников ананьинской культуры раннего железного века. Уникальным для всего Среднего Поволжья является Старший Ахмыловский могильник, в котором изучено более 900 захоронений (А. Х. Халиков, В. С. Патрушев). Это памятник, раскрывающий сложные этнические процессы в крае в эпоху раннего железа.

С первых же лет работы экспедиции особое внимание уделялось изучению памятников древних марийцев. Исключительно важное значение

для изучения этногенеза марийского народа имеют материалы раннесредневековых могильников, полученные в разные годы: Мари-Луговской, Младший Ахмыловский, Уржумкинский, Шорунжинский, Ясачный, Климкинский, Лушморский (А. Х. Халиков, Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина, А. И. Шадрин), погребальный обряд и вещевые комплексы которых вместе с поселенческими материалами городищ и селищ позволили создать концепцию этнической истории марийцев.

На этих материалах были поставлены и в определенной мере решены вопросы хозяйственной жизни, связях и взаимоотношениях с соседями, материальной и духовной культуры на первоначальном этапе формирования марийского народа.

Стационарные работы на древнемарийских некрополях IX—XIII вв.: Веселовский, Дубовский, Руткинский, Выжумский, Починковский (Г. А. Архипов), дали уникальные коллекции по материальной культуре марийцев. В конце 1980-х годов был открыт и изучен еще один памятник IX—XI вв.— могильник Нижняя Стрелка (Т. Б. Никитина). Богатые и разнообразные погребальные комплексы значительно расширяют круг источников по древней истории мари.

Большое значение для воссоздания истории марийского народа имеют материалы, полученные в результате исследований могильников XVI—XVIII вв. (Т. Б. Никитина), позволившие заполнить тот пробел в марийской истории, который образовался после изучения материалов I и начала II тысячелетий. Археологи получили фактический материал по истории мари с VII по XIX век включительно и на его основе сумели воссоздать процесс этно-и культурогенеза марийского народа.

Коллектив экспедиции за период своего существования стремился широко освещать результаты полевой исследовательской работы. Большой интерес к работам экспедиции проявляла общественность республики. Результаты исследований докладывались на ежегодных сессиях отделения истории АН СССР, в докладах и сообщениях на союзных и региональных конференциях по археологии, публиковались обзорные статьи в местной периодической печати, в научных журналах и сборниках.

В 1960—1970 годы издано три тома «Трудов» экспедиции, монографии Г. А. Архипова «Марийцы IX—XI вв.», «Марийский край в памятниках археологии». Материал Марийской экспедиции по эпохе камня и бронзы вошел в монографию А. Х. Халикова «Древняя история Среднего Поволжья», представляющую собой публикацию его докторской диссертации. Результаты Марийской археологической экспедиции широко использованы при написании «Истории Марийской АССР» в 2-х томах.

Крупным событием в научной жизни республики явилось проведение сессии по этногенезу марийского народа в 1965 году в г. Йошкар-Оле. На сессии с научными докладами выступили А. Х. Халиков, Г. А. Архипов, В. Ф. Генинг, Е. И. Горюнова, Н. В. Трубникова, Т. А. Хлебникова. В работе конференции приняли участие антропологи, историки и этнографы, фольклористы и языковеды.

Предложенная археологами схема формирования древних основ финно-угорских народов (А. Х. Халиков), этногенеза и ранней этнической истории марийцев (Г. А. Архипов) была в основном принята участниками сессии. Более того, она получила поддержку и со стороны ученых других специальностей, в частности, языковедов (Б. А. Серебренников, И. С. Галкин и др.). Конечно, не все моменты этой проблемы решены, что-то нуждается в уточнении или дополнении, и археологи продолжают энергично работать в этом направлении.

Археологические доклады по марийским материалам были представлены на Международных конгрессах финно-угроведов в гг. Таллинне, Будапеште, Сыктывкаре, Ювяскюле, на Международном конгрессе «История финноугрика» в г. Оулу.

Марийской археологической экспедиции принадлежит первенство в организации и проведении полевых симпозиумов, первый состоялся у п. Юрино в 1977 году по проблемам энеолита лесной полосы Восточной Европы. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время» (1978); второй симпозиум состоялся там же в 1989 году по проблемам ранней бронзы, материалы симпозиума собраны в сборнике «Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР» (1991); третий полевой симпозиум состоялся у п. Васильсурск в 1992 году, где рассматривались проблемы средневековой археологии волжских финнов. Материалы опубликованы в сборнике «Проблемы средневековой археологии волжских финнов» (1994).

В работе этих конференций приняли участие ученые различных научных центров из городов: Москвы, Петербурга, Ижевска, Казани, Уфы, Иваново, Нижнего Новгорода, Саранска, Екатеринбурга, Симферополя, Перми, Петрозаводска, Сыктывкара, Йошкар-Олы, Самары.

Нельзя не отметить еще одну сторону экспедиции — подготовку научных кадров. Научную школу в составе экспедиции еще будучи студентами прошли кандидат исторических наук П. Н. Старостин, ныне заведующий Национальным центром археологических исследований ИЯЛИ Академии наук Татарстана, преподаватели Марийского государственного университета доктор исторических наук, профессор В. С. Патрушев, кандидат исторических наук Г. Н. Айплатов, доцент, кандидат исторических наук О. В. Данилов; научный сотрудник Национального музея, кандидат исторических наук С. В. Большов, старший научный сотрудник Института археологии РАН кандидат исторических наук С. В. Кузьминых.

Большую школу в составе Марийской экспедиции прошли заведующий отделом археологии МарНИИ кандидат исторических наук В. В. Никитин и кандидат исторических наук Б. С. Соловьев, исполнительный директор Научного центра финно-угроведения кандидат исторических наук Т. Б. Никитина, заведующий отделом реставрации археологического материала и экспериментальных исследований МарНИИ А. И. Шадрин.

С первых дней организации МарАЭ и до конца своей жизни в рядах археологов был доктор исторических наук, академик Г. А. Архипов, возглавлявший ее на протяжении более 20 лет.

В 1980—92-е годы продолжаются поиски новых археологических памятников, особенно в труднодоступных лесных районах. Разведочными отрядами В. В. Никитина, Б. С. Соловьева, А. И. Шадрина, Т. Б. Никитиной, С. Ю. Смирновой, С. В. Большова, К. А. Рокина пройдены пешим маршрутом левобережные и правобережные притоки р. Волги в пределах республики. Выявлено около 800 археологических памятников различных эпох. Результаты разведок собраны в двух выпусках «Материалов к археологической карте Марийской АССР» (Никитин В. В., Старостин П. Н. 1978; Никитин В. В., Патрушев В. С. 1982), позже обобщены в двух томах «Атласа археологических памятников» (В. В. Никитин, Б. С. Соловьев 1990; Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина 1993).

Продолжаются стационарные исследования практически по всем эпохам древней истории края.

Результаты стационарных исследований нашли отражение в обобщающих монографиях Г. А. Архипова «Марийцы XII—XIII вв. в этнокультурной истории Поветлужья» (1986), В. В. Никитина «Медно-каменный век Марийского края (середина III— начало II тыс. до н. э.)» (1991), Т. Б. Никитиной «Марийцы (конец XVI— начало XVIII вв.)» (1992), недавно вышла монография В. В. Никитина «Каменный век Марийского края». Начиная с 1976 года регулярно выходит серия «Археология и этнография Марийского края», выпущено 24 сборника. В настоящее время готова к изданию монография Б. С. Соловьева, обобщающая материалы эпохи бронзы.

Уникальные вещевые коллекции, пополненные сотрудниками экспедиции, дают богатую информацию для разносторонних научных исследований. Отсюда возникла проблема сохранения этого бесценного научного достояния.

Решением Правительства Республики Марий Эл при МарНИИ создана лаборатория по реставрации археологического материала и экспериментальным исследованиям (руководитель А. И. Шадрин), которая занимается не только реставрацией и консервацией предметов, но и исследованиями в области технологии древних металлов, технических приемов производства оружия, орудий труда и украшений.

По состоянию на 1996 год на карту республики нанесено 1217 археологических памятников и более 100 местонахождений четвертичных животных. Тем не менее, территорию республики нельзя считать достаточно полно исследованной в археологическом отношении. В большинстве районов, особенно удаленных от крупных водных артерий, сплошные археологические разведки еще не проводились.

Необходимость сплошного археологического исследования территории республики очевидна, нужно создать «Археологическую карту Республики Марий Эл», которая явилась бы достаточно полной и репрезен-

тативной сводкой недвижимых объектов исторического наследия, дала бы представление о количестве памятников археологии и их местоположения. Такой справочник необходим для организации учета и охраны памятников, при отводе земель под строительство, при землеустройстве, приватизации земли и т. д. Эти материалы могут быть использованы при создании историко-культурных и природных заповедников, при разработке туристических маршрутов, для краеведческой и научной работы.

Несмотря на достигнутые успехи Марийской археологической экспедицией за прошедшие десятилетия, мы отдаем себе отчет в том, что перед археологами республики стоят важные задачи, требующие определенных усилий. Назовем лишь некоторые из них. Это проведение сплошного археологического исследования территории республики, как отмечалось выше, с целью создания «Археологической карты Республики Марий Эл»; организация работ по сохранению археологического наследия; продолжение работ по уточнению относительной и абсолютной хронологии археологических культур и эпох; продолжение изучения этнических и этнокультурных процессов в древности, вопросов хозяйственной и социальной сферы древнейших образований и др.

Изучая археологические материалы, приходишь к выводу, что в основе существования человечества лежит труд, труд напряженный и самоотверженный, труд охотника и землепашца, ремесленника и художника, воплотивший в себе разум человека, его идеи и идеалы, его стремление познать окружающее, создать, пусть даже первоначально бессознательно, основу для будущего прогресса. Мы все пользуемся благами, основа которых была заложена человеком с каменным орудием. От первых деревянных лодок человечество через ряд крупных совершенствований перешло к строительству атомоходов, первые примитивные глиняные печи для получения металла превратились в мощные домны и мартены, первые попытки осмыслить тайны мироздания привели к полетам в космос — к звездам. От первых неуверенных линий, изображающих окружающий мир, к созданию шедевров искусства гениальных художников и мастеров, первые ритуальные танцы у костра завершились первоклассными произведениями балетного искусства и т. д.

Недостаточное финансирование научно-исследовательской деятельности института, связанное с экономическими трудностями в стране, естественно, сказывается и на масштабах археологических исследований в Республике Марий Эл, но коллектив археологов сознает, что это временные трудности. Мы благодарны правительству республики за понимание и поддержку, которая дает нам возможность сохранить коллектив ученых-профессионалов и, по мере возможностей, продолжать работы по изучению древнейших периодов истории Марийского края. Изучая прошлое, мы с надеждой смотрим в будущее.

Экспедиция продолжается, ибо, по образному выражению Ф. Тютчева, «... нет ничего более человечного в человеке, чем стремление соединить прошлое с настоящим».

Anatoly Zenkin, Valery Nikitin

THE MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION IS 40 YEARS OLD (1956-1996)

With the foundation of the Mari archaeological expedition systematic and regular study of the antiquities of Mariland and contiguous territories began.

The white stain on the archaeological map of Russia was eliminated by the works of the MAE during 40 years. About 2000 archaeological objects were revealed, hundreds of them were investigated by excavations. Systematization of material remains allowed to reconstruct the history of ancient population from the Late Paleolith period till the 18 th century inclusive.

The results of the expedition's work are given in numerous collaborator's articles (A. K. Khamenov, G. A. Arkhipov, P. N. Starostin, T. A. Khlebnikova, J. A. Krasnov, S. V. Kuzminykh, V. E. Stojanov, V. P. Tretjakov, V. V. Nikitin, T. B. Nikitina, B. S. Solovjev, A. I. Shadrin, S. V. Bolshov and others); in monographs of A. K. Khamenov (1960, 1966, 1969), G. A. Arkhipov (1973, 1976, 1986), V. V. Nikitin (1990, 1991, 1996), T. B. Nikitina (1992); in serial publication "Archaeology and ethnography of Mariland", issues 1-25. Subject field conferences have been held on the basis of the expedition (the first one devoted to the problems of Volosovskaja culture took place in 1977). The materials of such conferences devoted to the problems of the Bronze Age (1989) and the Middle Ages (1991) were published in spesial collections (AEMK, P. 3, 1978; 19, 1991; 21, 1992). The work has been held on the archaeological map of Mariland, based on the published "Atlas of archaeological monuments" (P. 1. V. V. Nikitin, B. S. Solovjev, 1950; P. 2. G. A. Arkhipov, T. B. Nikitina, 1993).

«Финно-угроведение», 1996, №4

Владимир Рогачев
Саранск

АКСЕЛЬ ХЕЙКЕЛЬ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(к 145-летию со дня рождения)

Аксель Олави Хейкель (Heikel) — известный ученый финно-угровед, профессор Гельсингфорсского университета, этнограф и археолог, родился 28 апреля 1851 года в местечке Брэнде, в семье священника. В числе первых он обратил внимание на богатейшую материальную культуру одного из древнейших финно-угорских народов Восточной Европы — мордвы. А. Хейкель рано осознал необходимость сохранения и изучения первичного аборигенного материала для знания этногенеза, изучения этнической истории народа, выявления его прародины, установления родства народов.

При первом знакомстве с биографией А. Хейкеля не перестаешь удивляться широте его научных интересов и диапазону исследовательской деятельности. После завершения учебы в Гельсингфорсском университете он начинает увлеченно заниматься философией и в 1880 году становится магистром философии, а 1887 — доктором философии этого же университета (7, с. 258). Наряду с этим он активно занимался археологической, этнографической и музейной работой. Он, в частности, основал в Хельсинки этнографический музей под открытым небом и с большой любовью руководил им. Занимаясь этнографией, он подготовил и опубликовал несколько монографий и атласов, посвященных истории архитектуры,

национального костюма, орнамента и украшений финно-угорских народов. И этот интерес, на наш взгляд, возник не случайно. Дело в том, что в 1883 году представители финской общественности, науки, творческой интеллигенции — известный собиратель и составитель карело-финских рун «Кантелетар» и эпоса «Калевала» Э. Ленрот, археолог И. Аспелин, этнограф О. Доннер, лингвист А. Алквист, поэт З. Топелиус и некоторые другие, заинтересованные в сохранении культуры своего и родственных народов, реализовали идею создания специального общества, которое бы занималось систематическим изучением их культуры, и основали в Гельсингфорсе Финно-угорское общество (ФУО) (4, с. 127). Его целью, как было продекларировано, стало «развитие знаний о финно-угорских народах, исследование их языков, древностей, истории и этнографии» (4, с. 128).

Движимый глубоким интересом к родственным народам, А. Хейкель уже в 1883 году, с благословения канцлера Гельсингфорсского университета Т. Брауна, одобрившего выдачу ему необходимых для путешествия средств, совершает в летние месяцы этнографические экспедиции по Средней Волге (8, с. 1). Помимо сбора этнографического материала он занимался приобретением экспонатов на деньги, выделенные для этих целей консисторией академии. В результате чего им была значительно пополнена коллекция мордовских экспонатов Финского Национального музея, которая до этого насчитывала не более двадцати предметов.

А. Хейкель много и долго путешествовал. Он неоднократно выезжал в длительные научные экспедиции по европейской части России: в 1883—1886, 1901—1903, 1910 и т. д. (7, с. 258—259). Он не ограничивал свою работу только лишь этнографией финно-угров. А. Хейкель выезжал в археологические экспедиции в Сибирь и Монголию в 1899 году, а также путешествовал там в 1890 и 1893 гг. По результатам этих поездок были изданы Финно-угорским обществом «Записи Орхона, собранные финской экспедицией» (1890) и «Древности Западной Сибири» (1894) (7, с. 259). Вторая из этих работ содержит ряд иллюстраций из западно-сибирских археологических коллекций с пояснительными текстами из музеев Екатеринбурга, Тобольска, Тюмени, Томска, Москвы и Хельсинки. Они были сфотографированы по просьбе ученого во время его поездок. Исследователь много лично занимался раскопками, в частности, им была найдена могила конного воина VIII века в Ташебе (Минусинск) (7, с. 259).

Археология и этнография были поистине семейным увлечением Хейкелей. Археологической работой увлекался и Хейкки Иоханесс Хейкель, магистр философии, родной брат А. Хейкеля, который занимался раскопками в Финляндии, в Пензенской губернии и Туркестане, где много путешествовал в качестве стипендиата Финно-угорского общества. Его публикация «Могила Пэивениеми, Сэийоки и Кирмукарму в Сатанунте» (1899) представляет собой описание на двух языках (финском и немецком) с иллюстрациями мест захоронений эпохи переселения народов. Одна из

работ — «Древности Таласа в Туркестане» (1918) рассказывает об эпохе Великого переселения народов. Археолог публиковал свои статьи и в русском переводе в №38 «Известий Русской Археологической комиссии» в 1911 году (7, с. 259).

Во время своих путешествий по России А. Хейкель познакомился со многими русскими учеными. Здесь следует несколько подробнее остановиться на его встрече с русским профессором из Казани К. Т. Сафоновым, предложившим финну ценную и достаточно дорогую коллекцию из 150 фотографий с видами средневолжских пейзажей, городов. Часть снимков давали представление об антропологическом типе нерусских народов Поволжья, их быте, традиционном народном костюме. На произведениях светописи были также запечатлены обряды жертвоприношений, религиозные праздники, моления, инсценировка сватовства и свадьбы финнов Поволжья. Не имея средств на приобретение этой уникальной коллекции на средства музея, он обратился в Финно-угорское общество, которое оказало ему содействие в столь ценном приобретении (9, с. 9).

На протяжении всей своей жизни А. Хейкель испытывал неугасающий и устойчивый интерес к материальной и духовной культуре мордвы. В 1886 году в трудах Финно-угорского общества ученый в порядке апробации издает статью о мордовской избе на финском языке (4, с. 128). Затем в 1887 году А. Хейкель по мере обработки и подготовки первой части полевых материалов публикует на средства Финского литературного общества монографию «Постройки черемисов, мордвы, эстов и финнов» на финском языке, а в 1888 году — на немецком (5).

Очень долго и сложно проходила подготовка книги А. Хейкеля «Одежда и орнамент мордвы». Между публикацией его первой вышеназванной и второй книги прошло двенадцать лет, которые в основном ушли на выполнение большого количества технических рисунков, цветных иллюстраций, фотографий, стоивших по тем временам неимоверно дорого. Непосредственным толчком к изданию книги «Одежда и орнамент мордвы», по словам самого А. Хейкеля, «явилось то обстоятельство, что в 1895 году доктор Т. Швиндт издал свою работу «Финские орнаменты. Орнаменты вышивок и узоры» (8, с. 2). После этого этнограф решил опубликовать вторую часть своих материалов по одежде и вышивкам мордвы. Была продолжена совместная работа ученого с художниками Агнес Норденскельд и Ингеборгом Линдгреном из Яппакале, который раскрасил акварелью картины мордовской одежды. Постепенно в ходе работы число орнаментированных вышивок достигло 1800 (8, с. 2). Сложность, красочность, оригинальность мордовской одежды и вышивок привлекли внимание Финно-угорского общества, которое решило полностью взять на себя расходы, связанные с изданием столь редкой по научной ценности книги. В результате интенсивной работы в 1896 году был издан первый выпуск 16 цветных иллюстраций. Эта работа требовала продолжения, и в 1897 году, после получения необходимых средств для фотографирования

и зарисовки экспонатов мордовской одежды и вышивок, А. Хейкель вместе с художником А. Норденскельд побывали в музеях Академии наук и Академии художеств, а также в Румянцевском музее в Москве, университетском и городском музеях г. Казани, где были сделаны зарисовки таблиц CXVIII — CXCIX (8, с. 2). До этого еще летом 1883 года в музее Академии наук в Петербурге были сделаны зарисовки таблиц CXI, CXII и C, первоначальные наброски таблиц XVII—XIX — XII. Ценнейшие и прекрасные зарисовки к этой работе сделал художник Агатон Рейнхольм, который сопровождал А. Хейкеля в летней экспедиции 1884 года. Им были сделаны первоначальные наброски таблиц I—IV, VII—IX, XXXII—XXXIII и CXIV. Остальные элементы одежды и украшения, а также цветные таблицы с 1 по 15 были выполнены по заказу ученого в ателье акционерного общества Вайлин-Геес в Гельсингфорсе (8, с. 2). Все технические зарисовки и большую часть рисунков вышивок выполняла упомянутая нами выше А. Норденскельд. При сборе фактического материала и дальнейшей подготовке к печати А. Хейкелю самую действенную помощь оказали финский лингвист Х. Паасонен, который произвел транскрипцию мордовских слов и перевел названия ряда важных предметов (8, с. 3), и мордовский просветитель М. Е. Евсевьев, принимавший участие в этнографических экспедициях финна по мордовским территориям Поволжья. Последний выполнял значительный объем работы: был переводчиком и гидом, заказывал для ученого образцы вышивок, давал подробные разъяснения по орнаменту и терминологии, приобретал этнографический материал, представляющий большую научную ценность (1).

По мнению некоторых исследователей, М. Е. Евсевьев встретился с А. Хейкелем благодаря рекомендации Н. И. Ильминского. Это стало известно из ксерокопии письма Н. И. Ильминского и М. Е. Евсевьева к А. Хейкелю от 5 февраля 1885 года, полученного из Национального музея Финляндии музеем МГПИ им. М. Е. Евсевьева, и черновиком ответа последнего на него от 23 июня 1885 года с просьбой о содействии в поездке по Поволжью. «Именно Н. И. Ильминский рекомендовал своего ученика финскому ученому»,— отмечает исследователь И. А. Зеткина (2, с. 66). Не оспаривая этого факта — возможно это так и было, что никто иной как Н. И. Ильминский с его обширными связями в научных кругах рекомендовал М. Е. Евсевьева финскому ученому,— хотелось только обратить внимание на следующий факт и уточнить время их знакомства. На обнаруженной доктором исторических наук профессором Н. Ф. Мокшиным памятной фотографии А. Хейкеля М. Е. Евсевьеву дарственная надпись гласит: «Господину М. Е. Евсевьеву от А. Хейкеля октября 4 1883 г.» (5). Приведенный факт несколько уточняет время их первой встречи. Косвенным подтверждением нашей версии является и то, что финский этнограф как раз в 1883 году работал в городском и университетских музеях Казани, где вероятнее всего и могло состояться их первое знакомство. Имеющиеся многочисленные материалы, последние публикации

Н. Ф. Мокшина, И. Лехтинен, И. А. Зеткиной, подготовленные музеем МГПИ им. М. Е. Евсевьева к изданию дневники мордовского просветителя говорят о тесном сотрудничестве Хейкеля и Евсевьева на протяжении длительного времени.

Наряду с М. Е. Евсевьевым большую помощь и содействие А. Хейкель получал от многих простых мордовских женщин-вышивальщиц, чьи имена, к сожалению, остались неизвестными, кроме одного. Так, часть вышивок и орнаментальных мотивов, вошедших по классификации ученого в шестую группу, были изготовлены известной на всю округу талантливой мордовской вышивальщицей из села Салазгорь Спасского уезда Тамбовской губернии Панкратовой Марией Ивановной (1845—1922).*

Многолетняя обработка полевых материалов, скрупулезная работа с этнографическими коллекциями различных музеев, привлечение к этой работе художников, этнографов, лингвистов, знатоков национальной культуры позволили А. Хейкелю подготовить и издать фундаментальное исследование «Одежда и орнамент мордвы», которое не имеет аналогов ни в дореволюционной, ни в современной исследовательской литературе и по праву может быть названо иллюстрированной энциклопедией по данному разделу материальной культуры мордвы. Ему одному из первых дореволюционных ученых принадлежит несомненная заслуга в изучении культуры мордовского народа. По мнению ученых, эта монография до настоящего времени «дает довольно четкое представление о составе орнаментальных мотивов мордовской народной вышивки» (3, с. 4). А. Хейкель как систематик в поисках исходных элементов мордовских орнаментальных мотивов в порядке классификации дает в книге 63 таблицы технических рисунков орнамента мордвы, три таблицы рисунков простейших элементов, которые с его точки зрения наиболее часто встречаются в искусстве многих народов мира, отмечая при этом, что «... у первобытных народов часто были однообразные геометрические орнаменты» и лишь затем «к этому древнему материалу присоединялись различного рода внешние мотивы, которые каждый народ развивал по-своему» (8, с. 24). Его вывод о том, что многие знаки, символы, простейший орнамент, наносимый на домашнюю утварь, одежду, типологически восходят к первобытному охотничье-рыболовецкому и раннеземледельческому быту, нашел подтверждение в работах известных историков в более поздний период (6).

А. Хейкель первым дал семантику некоторых знаков мордовской вышивки, их описание по форме и народные названия, к примеру: «эрьгине» — бусинка звездообразная, «вишка крестт» — маленькие кресты, «суркст» — спирали, «локшине» — кнутик, «повонь пря» — голова рябчика (8, с. 29). В своей работе этнограф также привел бытующие назва-

---

* Из личных воспоминаний известной мордовской вышивальщицы Т. И. Панкратовой-Лушкиной.

ния орнаментов и вышивок, таких как: «Люкшке панчфт» — цветок гречихи, «меше пильге» — пчелиная ножка, «чудерькс» — ручей, «нумолонь пилеть» — заячьи уши, «чиньжары ардзеле» — кайма подсолнуха, «вете ки» — пять дорог, «марь серма» — яблоко-вышивка (8, с. 42—43). Ученому удалось не только осуществить глубокое прочтение орнамента костюма, дать его описание, выявить его терминологию, но и отметить региональные особенности бытования одежды, «проследить на материалах одежды и вышивок некоторые этногенетические и этнокультурные связи мордвы с другими народами» (4, с. 129). Так, он, в частности, отмечает, что «все известные в Карелии виды техники вышивки встречаются также у мордвы» и «это сходство форм в технике прикладного искусства дает возможность говорить об общей родине» (8, с. 23). То же самое выделяет А. Хейкель, подчеркивая родство мещеры с мордвой: «В первую очередь свидетельствуют об этом вышивки, которые полностью напоминают мордовские» (8, с. 6). «Как и должно быть,— продолжает он,— вышивки их одежды свидетельствуют о совершенно финско-мордовском типе» (8, с.32).

В своей уникальной монографии А. Хейкель на 312 страницах подробно на финском и немецком языках рассказывает об одежде, сопровождает текст более чем 250 цветными иллюстрациями, техническими рисунками, фотографиями, на которых представлено более 1800 видов отдельных орнаментов мордовской вышивки. Даются способы вышивания, описываются характер и схемы узоров, приводятся рисунки-схемы костюмов и головных уборов мордвы, в которых намечены крой и расположение декора, пояснения к таблицам, фигурам, отдельным знакам.

А. Хейкель проявил в своем исследовании не только знание фактов материальной культуры мордвы, но и глубокое проникновение в духовную культуру народа, в мир его воззрений, в образ мыслей и творческую фантазию. «Ранней весной в самое лучшее время для вышивания,— сообщает нам автор,— в поисках новых орнаментов идет она (вышивальщица — примеч. наше — *В. Р.*) — так мне рассказывали — вниз по реке и ищет на темном и хрупком от половодья льду, на котором фантастическими линиями играют волны. Здесь мордовская девушка умоляет божество воды об изобретательности и счастье, которое оно должно ей принести» (8, с. 25).

Заслуга А. Хейкеля в том, что он одним из первых финских исследователей обратился к самобытной культуре мордовского народа, дал ей высокую оценку, навсегда запечатлел исчезающие факты и явления культуры, ввел в научную практику этнографический материал, способствующий глубокому ознакомлению с материальной культурой мордвы широкого круга российских и зарубежных ученых. Им был накоплен, систематизирован огромный материал в виде вещевых коллекций, записей, зарисовок, картин, фотографий по этнографии, хранящийся в настоящее время в Национальном музее в Финляндии, сделаны на высоком уровне научно-теоретические обобщения, которые сохранили свою акту-

альность до настоящего времени. Проницательный ученый еще более 100 лет назад, восхищенный узорочьем мордвы, ее художественным талантом, сказал веское доброе слово о народе, живущем многотрудной жизнью. Добрая память о талантливом ученом-энтузиасте Акселе Олави Хейкеле, внесшем крупный вклад в изучение мордовской национальной культуры, навсегда сохранится в памяти людей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Зеткина И. А.* Дневник 1885 года как источник изучения научной биографии М. Е. Евсевьева // Современные проблемы психолого-педагогических наук: Материалы научных семинаров аспирантов и преподавателей. Саранск: Изд-во МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 1992.

2. *Зеткина И. А.* Связи М. Е. Евсевьева с финскими учеными // Научное наследие М. Е. Евсевьева и современность. Саранск: Изд-во МГУ им. Н. П. Огарева, 1992.

3. *Мартьянов В. Н.* Мордовская народная вышивка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991.

4. *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993.

5. *Мокшин Н. Ф.* Профессор из Гельсингфорса // Советская Мордовия, 1993, 4 февраля.

6. См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян М., Наука, 1994.

7. EVRASIA Septentrionalis ANTIGVA. AKATEEMINEN KIRJAKAVPPA. Helsinki, 1990.

8. *Heikel Axel O.* Mordvalaisten pukuja ja kuosela. Trachten und muster der Mordvinen. Helsingissä Suomalaisen kirjallsuuden seuran kirjapainon osakevhtio, 1889 — XXVI p. + 43 p. + 63 tabl + CXCIX tabl.

9. I so Karhu. The Great Bear.— Painosilta OУ, Lahti, 1980.

Vladimir Rogachev

AKSEL HEIKEL IS THE INVESTIGATOR OF THE MORDVINIAN CULTURE
(to the 145 th anniversary)

Aksel Olavi Heikel is the famous finish scientist, greatly contributed to the investigation of culture of many Finno-Ugric people.

Interesting and extensive are his investigations of the Mordvinian culture, in particular, folk embroidery, dwelling.

The monography devoted to ornament of Mordvinian costume is marked by deep investigation and perfect decorative design.

«Финно-угроведение», 1996. №4.

Галина Корнишина
Саранск

ЖЕНСКИЕ ОБРЯДОВЫЕ ФУНКЦИИ В МОРДОВСКОЙ ОБЩИНЕ
(конец XIX — начало XX века)

У мордвы женщины оказывали большое влияние на обрядовую жизнь общины. Как безвыездно живущие на одном месте, выросшие в определенной обстановке и впитавшие в себя все особенности существующего быта, они были хранителями старинных традиций. Многие исследователи отмечали, что именно мордовки являлись наиболее строгими блюстительницами и исполнительницами всех семейных и общественных ритуалов. Предметом нашего рассмотрения будут обряды, связанные с хозяйственной деятельностью мордовского народа.

С древнейших времен мордва занималась земледелием, а у всех земледельческих народов землю — стихию плодородия, всегда отождествляли с женщиной, дарящей новую жизнь. Поэтому представление о женской природе земли лежит в основе многих земледельческих обрядов, особенно весенне-летнего цикла. Эти обряды были связаны не только со встречей и проводами весны, пробуждением земли, природы и стимуляцией ее расцвета, но и с подготовкой человеческого коллектива к взаимодействию с природой и ее изменениями. В этот период женщины во многих случаях руководили обрядовым поведением всей общины и сами являлись основными участницами и исполнительницами обрядовых действий. Причем каждая возрастная группа выполняла при этом особую роль.

Девочки 6—12 лет совершали обход дворов во время масленицы, исполняя величально-поздравительные песни в честь хозяев, за что последние одаривали их блинами. Во время моления, посвященного призыву весны, они поднимались на крышу домов с лепешками в виде ласточек или жаворонков и исполняли там заклички-веснянки, в которых просили птиц поскорее прилететь и принести с собой весну. Девочки участвовали и в исполнении своеобразных песен — *лиянат* и *тоямат*, которые пелись в дни великого поста у домов, где жили молодые парни и девушки. В них высмеивались недостатки молодых людей (лень, грубость, жадность и т. д.):

Тоя-ли, тояля-ли,
— Давайте кого-нибудь заденем!
— Заденем мы Машеньку!
— Как заденем мы ее?
— Ходит непричесанная,
Носит грязные платья (1, с. 71).

Взрослые использовали детей и в качестве вспомогательной силы — для оповещения участников какой-либо церемонии или для сбора продуктов и вещей, необходимых для проведения ритуала. Кроме того, девочки были непременными зрителями всех обрядов взрослых девушек и женщин, перенимая умения и навыки, необходимые для участия в них.

Совершеннолетние девушки и молодые женщины особенно активную роль играли в начале весеннего цикла, когда велась подготовка к полевым работам. Они своей молодостью и красотой олицетворяли силы природы. Именно они, начиная весенний обрядовый цикл, собравшись в группы, в которые входили жительницы одной улицы или сельского конца, шли на окраину селения к реке или оврагу, где встав на их противоположных берегах, перекликаясь, исполняли песни *позярат*, в которых «зазывали» весну. Надо отметить, что в весенних обрядах мордвы часто исполнялись различные стихотворные и песенные произведения, в которых люди обращались к божествам и предкам с просьбой обеспечить богатый урожай. Например, упоминавшиеся *позярат* в прошлом посвящались богине воды *Ведьаве*, которая являлась также и покровительницей изобилия и плодородия. В ночь на вербное воскресенье девушки исполняли песни, обращенные к богине весеннего ветра *Вармаве:*

Ой, Вармава, Вармава!
Пришла, пришла весна,
Пришло весеннее половодье (2, с. 337).

С масленицы до пасхи, несмотря на великий пост, девушки-мордовки пели на улицах веселые песни частушечного типа, в которых высмеивали, или, наоборот, величали отдельных людей, обычно молодых девушек и парней. Исполнялись также и песни, посвященные семейному и общественному быту, воспеванию труда и любви, весенней обновляющейся природе. Все они как бы психологически готовили человека к весеннему труду, в них высмеивались неумелые и ленивые, чествовались трудолюбивые и добросовестные.

Молодые девушки в весенние праздники совершали коллективные обходы селений. Во время них они собирали деньги и продукты для ритуальных трапез или предметы, необходимые для гаданий, причем при этом практиковалось обрядовое воровство. Перед вербным воскресеньем девушки, переходя из дома в дом, ударяли спящих ветками вербы, для того чтобы передать людям силу и плодовитость растений. В первый день пасхи они обходили односельчан, желая хозяевам здоровья, благополучия, хорошего урожая: «Дай Вам бог здоровья, да уродится хлеб!» (3, л. 37). На троицу девушки «приводили» в деревню «летний день», символом которого являлась украшенная венками и лентами березка, которую затем молодежь проносила по всем улицам. А через неделю после этого устраивался традиционный массовый карнавал *Тундонь ильтямо* (проводы весны), где главным персонажем выступала Весна — девушка с большим вен-

ком на голове из веток, цветов и травы. Иногда этот венок она несла на шесте. В больших селениях каждый конец избирал для этого шествия свою «весну». Завершался этот обряд на ржаном поле, где разбрасывался ритуальный венок «весны» и кольца девушек, участвовавших в шествии. Таким способом они стремились передать земле свою молодую силу, что должно было способствовать хорошему произрастанию растений.

Взрослые женщины, в том числе пожилые и старухи, обучали девушек и девочек весенним песням, готовили ритуальные блюда для различных функциональных надобностей участников обрядов — детей, подростков, мужчин, молодежи и т. д. Из их числа выбирались и руководительницы молений, не только чисто женских, но и семейных, а также общесельских. Таких женщин, хорошо знавших молитвы и ход обрядовых церемоний, называли *шбаба* (*шие* «великий», *баба* «бабушка») или *поки баба* «большуха». Они пользовались всеобщим уважением и почитанием.

Главенствующую роль играли взрослые женщины в обрядах «кормления» различных природных стихий: земли, воды, растительности и животных. Они готовили еду каждой из них, так как последние не только различались между собой, но и смысл их кормления мог быть различен: одних кормили с просьбой не вредить — ветер, огонь, других для появления и роста — птиц, растительность. Одновременно с кормлением природы и их покровителей: *Ведьавы* — богини воды, *Масторавы* — богини земли, *Норовавы* — богини плодородия и др., кормили друг друга, детей, скот. Поедание людьми и скотом ритуальной пищи, употребление обрядовых напитков, предложенных вначале покровителям природных сил, трапез на воздухе, вблизи мест ритуального кормления божеств, символизировали максимальное слияние человека с землей, растительным и животным миром, природными стихиями.

Некоторые обряды и моления, основным моментом которых являлось кормление божеств, были исключительно женскими. Например, моление девушек в честь *Вармавы* — богини ветра — накануне вербного воскресенья. На нем обязательным блюдом должна была быть похлебка из рыбы с мукой или рыбные пироги, которыми девушки угощали взрослых и детей, пришедших к ним «в гости». Повсеместно в мордовских селениях после окончания сева проводилось моление *бабань каша* или *бабань озкс* («каша женщин» или «моление женщин»). Во время него женщины молили богов о хорошем урожае, о здоровье своим домочадцам и приплоде скота. Ритуальным блюдом здесь была каша, которую варили сообща. Часть ее съедали на месте моления, а остатки несли домой, их разбрасывали во дворе и хлевах для *Кудавы* — покровительницы дома и *Кардиз сярко* — покровителя двора, а также скармливали скоту. Между Троицей и Петровым днем почти везде пожилые женщины совершали моление *грань озкс* — моление на меже. Оно проводилось с целью возврата на свои поля «ушедших» на соседние земли *Модавы* и *Модань паза* (бога и богини земли), которые дарили плодородие. Женщины молили их о «возвра-

щении» и «угощали» их различными блюдами и медовым квасом. В период от посева до колошения хлеба проходили женские братчины *авань поза* — женская брага. В них участвовали только замужние женщины, которые варили общественную брагу и молили богов об удачном годе. Здесь же они принимали в свое сообщество молодушек, вышедших замуж в течение последнего года и желали им иметь побольше детей. После окончания моления женщины с песнями и плясками отправлялись в гости к другим братчинам. По пути они обрызгивали ритуальной брагой посевы и скот, чтобы они лучше росли и плодились (4, с. 361—362).

На взрослых женщинах лежала также практическая и ритуальная забота о скоте. Хозяйки, кроме разве лошадей, обслуживали скотину весь стойловый период. Они же выполняли все обряды и магические действия, направленные на обеспечение здоровья и плодовитости домашних животных. Например, большуха руководила семейным молением в честь бога свиней *Тувонь паза*, которое проводилось на Новый год. А в осеннем молении в честь дворового божества *Кардазавы* вообще участвовали только женщины и дети. Мужчины в этот день должны были работать вне дома и возвращаться только после окончания — обедать. Хозяйки же выполняли ритуал первого выгона скота на пастбище. Для этого они сохраняли с вербного воскресенья веточки вербы, которыми и подхлестывали животных во время их выхода со двора со словами: «Пусть бог их охраняет, когда они пьют холодную воду, едят зеленую траву, даст им здоровья» (5). Под ноги животным клали полотенце, пояс или фартук хозяйки, чтобы скотина не забывала ее и возвращалась домой. Каждая женщина должна была уметь «отводить» порчу от скота, либо вовремя обращаться к знающим людям. В случае болезни животных хозяйка проводила ночное моление — *вень озкс*. Она со свечой или горшком горящих углей в руках обходила дом и двор, прося *Кудаву* — покровительницу дома и семьи — освободить скот от болезни, даровать ему здоровье и силу.

Решающую роль играли женщины и в молениях, организуемых в случае каких-либо стихийных бедствий: мор, эпидемия скота, градобитье, бездождье и т. п. Так, во время эпидемических болезней или падежа скота устраивали *стака озкс* «тяжелое моление». В нем могли участвовать старухи, вдовы и девственницы. После моления богам на околице села несколько девушек, от двух до шести, впрягались в соху или маленький плуг и опахивали село кругом, чтобы болезнь не смогла в него проникнуть. Только женщины совершали и *тасто озкс* «изгнание саранчи». Две или три молодые девушки, изображавшие саранчу, прятались в посевах, а остальные участницы обряда пугали их криками «Уходи, саранча! Уходи!», заставляя таким образом «саранчу» убегать с поля. Затем молились верховному богу, прося его усмирить пущенных им «птиц», т.е. саранчу, которая поедает хлеб и траву (6). В случае засухи пожилые женщины ходили к реке, ручью, роднику, где обращались с просьбами о дожде к водяному божеству *Ведьаве*, божеству грома *Пургине пазу* или к верхов-

ному богу *Нишке, Шкаю*. После этого они наполняли водой принесенную с собой посуду и по возвращении обливали ею всех встречных, стараясь таким образом вызвать дождь. Возрастной состав участниц чрезвычайных молений был различен, но заметно преобладание девственных групп: девочек, девушек, старых дев, составлявших категорию естественной первичной молодости, а также вдов и старух — которой приписывалось возвращение статуса девственности.

Таким образом, женские обряды охватывали в совокупности все сферы хозяйственной деятельности и жизненного благополучия общины. В зависимости от ситуации в них принимали участие различные женские возрастные группы от детей до старух.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Самородов К. Т.* Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980.
2. Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995.
3. ЦГА РМ. Р-267, оп. 1, д. 46.
4. *Евсевьев М. Е.* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. // Избр. тр. Т. 5. Саранск, 1966.
5. Полевые записи автора. С. Кулясово Камешкирского р-на Пензенской обл., 1993 г.
6. Полевые записи автора. С. Тимяшево Шенталинского р-на Самарской обл., 1985 г.

Galina Kornishina

WOMAN'S RITUAL FUNCTIONS IN MORDVINIAN COMMUNITY
(the end of the XIX th — the beginning of the XX th century)

Mordvinian women influenced greatly the ritual life of rural community. The work is devoted to various rituals performed by women.

Special role was preditermined to each age group in performing rituals. The author marked out all rituals and actions performed by various age groups of Mordvinian women.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Нина Зайцева
Петрозаводск

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ВЕПССКОЙ НАРОДНОСТИ

Интерес науки к истории и культуре вепсского народа возник давно. Достаточно отметить, что первые работы по вепсскому языку появились в середине прошлого столетия. С тех пор язык, культура, этнография и образ жизни вепсов находились в поле зрения ученых. Можно сказать, что вепсский народ долгие годы был объектом лишь академической науки. Ученые-этнографы стремились узнать как можно больше о вепсах; языковеды вели долгие беседы с населением вепсских сел — носителями языка, заботясь о том, чтобы язык в беседах был многосторонним, богатым, ведь именно эти записи — историческая память о вепсском языке. Ученых беспокоили активный процесс ассимиляции вепсского народа, опустение вепсских сел, утрата национальной культуры.

Казалось, что уже ничто не остановит и даже не приостановит вышеперечисленные процессы. Но переломное время между восьмидесятыми и девяностыми годами нашего века можно считать воистину исторической вехой — именно в этот период появилась возможность приостановить процесс ассимиляции. Именно в этот период усилилось стремление творческой общественности, самих вепсов к познанию истоков культуры народа и его современного состояния.

Непосредственным толчком к пробуждению интереса стало проведение на вепсской земле в июне 1987 года, впервые в истории народа — праздника «Древо жизни» и научно-практической конференции «Проблемы сохранения языка и культуры вепсов». Инициаторами проведения конференции были писательские и научные организации Ленинграда и Карелии. Участники этого совещания выразили озабоченность современным положением дел и в резолюции подчеркнули, что «в целях сохранения и развития вепсского этноса, языка и культуры требуются срочные и активные действия государственных органов, общественных организаций и учреждений».

Следующим этапом в решении вепсских проблем явилось совещание, состоявшееся в октябре 1988 года в Петрозаводске, тема которого звучала так: «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». На этом совещании были выработаны практические рекомендации, в некоторой степени ставшие программой возрождения народа. На конференции было признано необходимым регулярно знакомить обще-

ственность и вепсское население с историей, культурными традициями вепсов, с проблемами дальнейшего существования народности. Таким образом, наука о вепсском народе, его языке и культуре стала носить не просто академический характер, а приобрела возможность вернуть часть приобретенных за долгий период изучения знаний обратно народу в качестве учебных пособий, радио-и телепередач, фильмов, статей в популярных изданиях о различных сторонах жизни вепсов. Все это и явилось началом возрождения вепсского народа.

Прошло уже почти десятилетие с того праздника и конференции 1987 года. И вполне закономерен вопрос: каковы результаты?

Я думаю, что определенные достижения есть, хотя все идет значительно медленнее и сложнее, чем представлялось в начале пути. Теперь многие из нас на практике убедились, насколько сложно работать с народом, который — уж так сложилось — не имеет своего административно-территориального устройства, да и территория его проживания рассечена административными границами на части. А когда этот народ еще и малочисленный, как вепсский, когда в процессе возрождения учитывается каждый человек, то задача перед теми, кто руководит этим движением, еще сложнее.

Малочисленный вепсский народ (12, 5 тыс. человек) проживает на территории трех административных единиц: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. Отношение к проблемам народа, его возрождения у администраций названных территориальных единиц — разное. И если правительство Карелии совместно с национальными организациями и культурными обществами, стремясь достичь определенных результатов на пути возрождения прибалтийско-финских народов Карелии, в том числе и вепсского, предпринимает определенные усилия: разрабатывает программу возрождения карелов, вепсов и финнов, готовит и воплощает в жизнь программу обновления национальной школы Карелии, ведет активную работу по возрождению письменности и становлению и издательской деятельности на вепсском языке,— то иначе обстоит дело в сопредельных областях. Хотя определенные шаги были сделаны и там. Так, в 1988 году в Ленинградской области было принято постановление «О мерах по ускорению развития мест проживания в Ленинградской области населения вепсской национальности на 1988—1995 гг.», где есть и краткий план практических мероприятий по развитию культуры.

В Бабаевском районе Вологодской области также была создана «Программа изучения и развития вепсской национальной культуры» (утверждена 29.01. 1993).

Однако названные программы, в большей степени формальные, не были полностью претворены в жизнь. Кроме того, ни та, ни другая не включали в себя пункты, предусматривающие установление контактов с другими территориями расселения вепсов, с администрациями этих территорий.

Общество вепсской культуры, созданное в 1991 году, подготовило в 1992 году обращение о создании единой национальной системы образования вепсского народа, справедливо полагая, что она смогла бы при поддержке государственных органов служить связующим звеном между административно разобщенными группами вепсов. Этому предшествовало совещание с выездом рабочей группы во все школы вепсского региона. В состав группы входили представители народного образования регионов проживания вепсов, а также представители органов народного образования г. Москвы. К сожалению, это крайне важное и необходимое для вепсского народа начинание не было финансово поддержано министерством образования России и постепенно угасло.

Единственное, что объединяет народ и еще как-то теплится, это курсы учителей вепсского языка всего вепсского региона, а также — региональные конкурсы знатоков родного языка, проводимые энтузиастами из Карелии и при финансовой поддержке правительства республики.

И вообще, именно из Карелии исходят животворные импульсы, направленные на возрождение вепсского народа. Именно здесь созданы учебники, словари и другая литература на вепсском языке, изданная при финансовой поддержке Финляндии. В Карелии, в Петрозаводском государственном университете, создана кафедра карельского и вепсского языков, а в педагогическом университете — кафедра родных языков. Поток абитуриентов на эти кафедры находится под неусыпным вниманием правления Общества вепсской культуры, Комитета по национальной политике Республики Карелия. К сожалению, внимания по направлению учащихся в названные вузы с вепсских территорий Ленинградской и Вологодской областей не наблюдается. И все пока основано только на личных контактах.

Эта разрозненность попыток деятельности по возрождению вепсского народа сказывается на общем процессе возрождения. Многие инициативы, не находя поддержки, гаснут по мере удаления от Петрозаводска. Даже учебная литература, издержки на издание которой несет в основном Карелия, зачастую лежит невостребованной на складах в Петрозаводске, несмотря на многочисленные обращения в органы народного образования Ленинградской и Вологодской областей. А ведь в ней нуждаются не только дети, но и взрослые, которые также должны научиться читать и писать на родном языке, и о которых также должны были бы позаботиться органы народного образования регионов, создав сеть вечерних и воскресных курсов по обучению чтению и письму взрослого населения. Разве виноват вепсский народ в том, что он не был обучен чтению и письму на родном языке? Что вепсский язык был изгнан из системы воспитания и образования? Что период его существования в целом за всю историю вепсского народа был столь краток — всего 4—5 лет, с 1932 по 1937 г.?

И когда теперь у малочисленного вепсского народа появилась возмож-

ность наверняка уже последняя — возрождения национальной культуры, родного языка, казалось бы, государство должно всеми усилиями поддержать ее, ведь оно в своеобразном долгу перед теми, у кого право на развитие в свое время было отобрано.

Но не следует, конечно же, уповать только на государственную поддержку, и во всех погрешностях и недостатках работы винить административные органы. Только тогда усилия по возрождению приобретут глубокие корни, когда сам народ станет активнее, когда появится больше энтузиастов, преданных данной идее. К сожалению, Общество вепсской культуры, центр которого находится в Петрозаводске, так и не смогло создать действующие филиалы в Ленинградской и Вологодской областях, в чем, конечно же, сказалось отсутствие живой инициативы на местах.

Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что многие начинания были успешны и благотворно сказались на процессе возрождения вепсской культуры, языка. Как уже было отмечено ранее, издан ряд учебных и художественных книг на вепсском языке, при помощи Института перевода Библии из Хельсинки, идет активный процесс перевода Библии, который наглядно продемонстрировал, что язык жив, красив, чрезвычайно богата его словообразовательная система, которая позволяет пополнить словарный запас языка новыми терминами. В Петрозаводске выходит ежемесячная газета «Kodima», которая пытается освещать проблемы всего вепсского региона. В Карелии несколько раз в неделю можно услышать по радио вепсскую речь, но подобная проблема в Ленинградской и Вологодской областях почему-то оказалась совершенно неразрешимой. В школах Вепсской волости Карелии, а также в финно-угорской школе № 52 г. Петрозаводска идет обязательное преподавание вепсского языка, что в корне меняет отношение к нему в учебном процессе, выводя его из ранга факультативных в ряд первостепенных дисциплин. Ежегодные праздники вепсской культуры «Древо жизни», пожалуй, единственное мероприятие, которое проводится во всех регионах, но приглашения на участие в нем представители других территорий получают все реже и реже.

Особенно богат событиями был конец 1995-го и первая половина 1996 года. В Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра состоялась конференция «Вепсы: история, культура, межэтнические контакты», посвященная 100-летию известного вепсолога С. А. Макарьева. В с. Шелтозеро состоялись научно-практическая конференция и праздник «Древо жизни», посвященные 500-летию вепсских сел. Вепсские школы Прионежья отметили 190-летие со дня своего основания. Все это дает возможность привлечь внимание общественности, властных структур, интеллигенции, всех, кто не равнодушен к судьбе малочисленного вепсского народа, к проблемам, стоящим на пути его возрождения.

Думается, что при удачном стечении обстоятельств, если не угаснет, а приумножится число энтузиастов возрождения, если каждый представитель вепсского народа скажет сам себе: «Да, я тоже внес свою неболь-

шую лепту в процесс возрождения родного народа», если государство повернется к нам лицом и его поддержка будет более ощутимой, если мы сможем объединить свои усилия, а администрации территорий с вепсским населением в конце концов поймут, что они несут серьезную ответственность за будущее народа, язык которого занесен в «Красную книгу языков народов России», и смогут заключить договор о сотрудничестве, объединить усилия по возрождению народа, и если молодое поколение, представители которого уже обучаются сейчас на отделениях вепсского языка и культуры, займут активную позицию, то верится: и дальше будет зеленеть и цвести вепсская ветвь на финно-угорском древе. Правда, слишком много этих «если»...

Nina Zajtseva

THE PROBLEMS OF CULTURAL AND LINGUISTIC REVIVAL OF THE VEPS NATIONALITY

Some positive results are marked in the process of revival of the Veps culture and language by the middle of 90 tis. The fact that a series of educational and fiction books in the Veps language was published and the process of the Bible interpretation is being held with the help of the Bible Interpretation Institute from Helsinki demonstrates that the language is alive and has a very rich word-building system, what allows to enlarge the language vocabulary with new terms.

The monthly newspaper "Kodima" which deals with problems of the whole Veps region is published in Petrozavodsk. One can listen to Veps speech some times a week in Karelia but the problem seems to be unsolvable in Leningradskaja and Vologodskaja regions.

Veps is a compulsory subject at schools in Veps region of Karelia and also at Finno-Ugric school № 52 of Petrozavodsk. This fact changes the attitude to the language in educational process putting it in the row of paramount subjects.

«Финно-угроведение», 1996, №4

Анастасия Харитонова
Саранск

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ДИАЛЕКТНЫХ КУСТАХ, СОХРАНИВШИХ ПРАМОРДОВСКИЙ СОГЛАСН Ы Й Н^{Г}

В эрзянском диалектном ареале имеются говоры, в которых сохранился прамордовский *н^{г}*. Эти говоры нами объединены в зависимости от территориального расположения в диалектные кусты (Приалатырский — Республика Мордовия, Присурский — Республика Чувашия). Цель настоящей статьи — показать морфонологические явления при образовании множественного числа в исследуемых кустах.

В рассматриваемых диалектных кустах множественное число выражается посредством морфонологических чередований *(пан^{г}гопан^{к}к, пильге — пил'к)*, присоединением специального суффикса множественного числа *-т (-т')* к основе *(вел'е — вел'е-т', кудо — кудо-т)*.

Образование форм множественного числа сопровождается различного рода морфонологическими изменениями, происходящими на стыке основы и суффикса. Наиболее характерные из них следующие:

1. Исчезновение конечного звука основы -н/-н':

э. л.		**чук., нап., атр.**
чугун «чугун»	*чугун-т*	*чугут* «чугуны»
вакан «чашка»	*вакан-т*	*вакат* «чашки»
палмань «столб»	*палман-ть*	*палмать* «столбы»
сан «жила»	*сан-т*	*сат* «жилы»
сёвонь «глина»	*сёвон-ть*	*с'овот'* «глина»

2. Выпадение конечной гласной основы, а также показателя множественного числа, если основа имени оканчивается на *-ке, -ко, -ге, -го, -де, -до, -те, -то* с предшествующими согласными (1, с. 29). Под ассимилятивным влиянием *-т/-т'* предшествующие звонкие оглушаются:

э. л.		**чук.**	**рынд., нап., атр.**
эске «гвоздь»	*эске-ть*	*эск*	*эске-т'* «гвозди»
сеське «комар»	*сеське-ть*	*с'ес'к*	*с'ес'ке-т'* «комары»
очко «корыто»	*очко-т*	*очк*	*очко-т* «корыта»
чочко «бревно»	*чочко-т*	*шочк*	*шочко-т* «бревна»
эрьге «бусина»	*эрьге-ть*	*эр'к*	*эр'ге-т'* «бусины»
сельге «плевок»	*сельге-ть*	*с'ел'к*	*с'ел'ге-т'* «плевки»
сянго «вилы»	*сянго-т*	*с'ан^{к}к*	*с'ан^{г}го-т* «вилы»

курго «рот»	*курго-т*	*курк*	*курго-т* «рты»
эльде «кобыла»	*эльде-ть*	*эл'т'*	*эл'д'е-т'* «кобылы»
нурдо «сани»	*нурдо-т*	*нурт*	*нурдо-т* «сани»
сардо «заноза»	*сардо-т*	*сарт*	*сардо-т* «занозы»
пеште «орех»	*пеште-ть*	*пешт*	*пешт'е-т'* «орехи»
теште «звезда»	*теште-ть*	*т'ешт'*	*т'ешт'е-т'* «звезды»
овто «медведь»	*овто-т*	*овт*	*овто-т* «медведи»

3. Исчезновение целого конечного слога *-мо, -ме* при условии, если ему предшествует согласный, кроме *й;* в одних говорах он сохранился, в других — исчез:

э. л.		**чук.**	**рынд., нап., атр.**
кельме «холод»	*кельме-ть*	*кел'-т'*	*кел'ме-т'* «холода»
сельме «глаз»	*сельме-ть*	*с'ел'-т*	*с'ел'-т'* «глаза» *с'ел'ме-т*
сёлмо «крыло»	*сёлмо-т*	*с'ол-т*	*с'олмо-т* «крылья» *с'олм-т*
койме «лопата»	*койме-ть*	*кой-т'*	*койме-т'* «лопаты» *койм-т'*
ойме «душа»	*ойме-ть*	*ойме-т'*	*ойме-т'* «души»
содамо «зять»	*содамо-т*	*содамо-т*	*содамо-т* «зятья»
калмо «могила»	*калмо-т*	*калмо-т*	*калмо-т* «могилы» *калм-т*
пиземе «дождь»	*пиземе-ть*	*пиземе-т'*	*пиз'е-т'* «дожди» *пиземе-т'*

В результате действия этой регрессивной ассимиляции согласный *-м-* на стыке морфем перед глухим *-т/-т'* может полностью ассимилироваться последним. Данное морфонологическое явление — достояние не только говоров рассматриваемых кустов. Оно имеет место и в других говорах эрзянского языка. Этот процесс в рассматриваемых диалектных кустах перешел в стадию затухания. Если сравнить процесс регрессивной ассимиляции согласного *-н-* в той же позиции, происходившей еще в прамордовском языке (2, s. 40), то, по мнению Г. И. Ермушкина (3, с. 100), указанное явление в эрзянском языке также имело довольно широкое распространение, но теперь оно постепенно затухает.

4. Оглушение конечных основы *-в, -д, -ж, -з:*

э. л.		**чук.**	**рынд., нап., атр.**
кев «камень»	*кев-ть*	*кев-т'*	*кеф-т'* «камни»
тев «дело»	*тев-ть*	*тев-т'*	*теф-т'* «дела»
сэдь «мост»	*сэд-ть*	*сэт'*	*сэт'* «мосты»
ведь «вода»	*вед-ть*	*вет'*	*вет'* «вода»
сод «сажа»	*сод-т*	*сот*	*сод* «сажа» *сот*
кеж «зло»	*кеж-т*	*кеш-т*	*кеш-т* «зло»
ваз «теленок»	*ваз-т*	*вас-т*	*вас-т* «телята»
лаз «доска»	*лаз-т*	*лас-т*	*лас-т* «доски»
ривезь «лиса»	*ривез-ть*	*р'ивес'-т*	*р'ивес'-т'* «лисы»
розь «рожь»	*розь*	*рос'-т'*	*рос'-т'* «рожь»

Таким образом, в данных диалектных кустах прослеживается регрессивная ассимиляция на стыке морфем (ассимиляция конечного согласного корня и начального суффиксального) при конечных звонких корня *-в>-ф, -д/-д' > -т/-т', -ж > -ш, -з/-з'/ > -с/-с'*. В словах, оканчивающихся на *-д/-д'*, происходит наложение грамматического суффикса множественного числа *-т/-т'* с конечной согласной основы *(сод — сот, вед' — вет')*.

5. В словах, оканчивающихся на согласный *н²*, последний при образовании множественного числа переходит в *к* (4, с. 42; 5, с. 36). В этих случаях средством разделительного множества в говорах, где сохранился *н²*, служит морфонологическое чередование основы:

э. л.		д. к.	чук.	рынд., нап., атр.
пудей «тростник»	*пудей-ть*	*пуд'ен²*	*пуд'ек*	«тростники»
килей «береза»	*килей-ть*	*кил'ен²*	*кил'ек*	*кил'ек* «березы»
седей «сердце»	*седей-ть*	*с'ед'ен²*	*с'ед'ек*	*с'ед'ек* «сердца»
				с'ед'ек-т'
				с'ед'ен^к-т'
пей «зуб»	*пей-ть*	*пен²*	*пек*	*пек* «зубы»
				пек-т'
				пен^к-т'
лов «снег»	*лов-т*	*лон²*	*лок*	*лок* «снега»
				лон^к-т
тов «ядро»	*тов-т*	*тон²'*	*ток*	*ток-т* «ядра»
				тон^к-т
чов «пена»	*чов-т*	*чон²*	*чок*	*чок* «пена»
				чон^к-т
кулов «зола»	*кулов-т*	*кулон²*	*кулок*	*кулок* «зола»
				кулон^к-т
тодов «подушка»	*тодов-т*	*тодон²*	*тодок*	*тодом-т* «подушки»
эй «лед»	*эй-ть*	*эн²*	*эк*	*эк* «льды»
				эн^к-т'
чей «камыш»	*чей-ть*	*чен²*	*чек*	*чек* «камыши»
				чен^к-т'

В формах номинатива множественного числа перед *т*-овым формантом рефлексы *н²* по другим диалектам эрзянского языка отражены в звуках *в, й, к:*

э. л.		э. л., мрс.	д. к.	чук.	н. пьян.
седей	«сердце»	*седей-ть*	*с'ед'ен²*	*с'ед'ек'*	*с'ед'ев-т'* «сердца»
килей.	«береза»	*килей-ть*	*кил'ен²*	*кил'ек*	*кил'ев-т'* «березы»
пей	«зуб»	*пей-ть*	*пен²*	*пек*	*пев-т'* «зубы»
чей	«камыш»	*чей-ть*	*чен²*	*чек*	*чев-т'* «камыши»

Итак, при образовании множественного числа основного склонения происходят такие морфонологические явления, как 1) усечение конечной согласной основы, 2) усечение конечной гласной основы, 3) чередование звонких и глухих согласных, 4) чередование основ.

В косвенных падежах основного склонения, где множественное число суффиксально не выражено, для выражения идей множественности пред-

метов используются формы соответствующих падежей единственного числа, которые несмотря на отсутствие формального показателя множественности могут приобретать значение множественности в зависимости от контекста или речевой обстановки. В рассматриваемых диалектных кустах идея множественности может быть выражена семантическими средствами: *кото пил'ксэ ваз* «шестиногий теленок», *кавто кецэ ц'апи* «двумя руками хлопает», *кил'ен' тарацо вел'кл'ш д з е* «укрыл березовыми ветками».

Формы множественного числа указательного склонения образуются с помощью двух суффиксов — общего для множественного числа *-т/-т'* и *-н/-нэ, -н'е/* — частицы, являющейся по своему происхождению указательным местоимением *не* «эти»:

-тнэ появляется в тех словоформах, у которых основа оканчивается на парный твердый согласный и *-до/-то,* при этом конечная согласная *о* выпадает:

э. л.			чук.	рынд., нап., атр.	
ваз	«теленок»	*ваз-тнэ*	*вас-нэ*	*вас-нэ*	«эти телята»
лаз	«доска»	*лаз-тнэ*	*лас-нэ*	*лас-нэ*	«эти доски»
азор	«хозяин»	*азор-тнэ*	*азор-тнэ*	*азор-тнэ*	«эти хозяева»
				азор-о-тнэ	
пор	«мел»	*пор-тнэ*	*пор-тнэ*	*пор-тнэ*	«этот мел»
ёвкс	«сказка»	*ёвкс-тнэ*	*йовкс-нэ*	*йовкс-нэ*	«эти сказки»
				йофкс-нэ	
чевкс	«лучина»	*чевкс-тнэ*	*чевкс-нэ*	*чевкс-нэ*	«эти лучины»
				чефкс-нэ	
пулт	«сноп»	*пулт-тнэ*	*пулт-нэ*	*пулт-нэ*	«эти снопы»
сёлт	«пруд»	*сёлт-тнэ*	*с'олт-нэ*	*с'олт-нэ*	«эти пруды»
мацт	«погреб»	*мацт-тнэ*	*мац-нэ*	*мац-нэ*	«эти погреба»
				мацт-о-тнэ	
овто	«медведь»	*овто-тне*	*овт-нэ*	*овто-тнэ*	«эти медведи»
				офто-тнэ	
чувто	«дерево»	*чувто-тне*	*чувт-нэ*	*чувто-тнэ*	«эти деревья»
				чуфто-тнэ	
нурдо	«сани»	*нурдо-тне*	*нурт-нэ*	*нурдо-тнэ*	«эти сани»
тундо	«весна»	*тундо-тне*	*тунт-нэ*	*тундо-тнэ*	«эти вёсны»
кардо	«хлев»	*кардо-тне*	*карт-нэ*	*кардо-тнэ*	«эти хлева»

При этом происходят различные морфонологические процессы. Таковыми являются: 1) усечение суффикса, 2) чередование конечной звонкой основы с глухой, 3) удлинение основы, 4) чередование в корневой морфеме звонкой *в* с глухой *ф*, 5) наложение показателя множественности *т* с конечной корневой основы *т*, 6) усечение основы, где основная функция в различении форм единственного и множественного числа определяется в контексте, 7) усечение основы *-до* с последующим наложением показателя множественного числа *-т* на звонкую основу и ее регрессивную ассимиляцию.

В остальных случаях для образования множественного числа указательного склонения употребляется *-т'н'е:*

	э. л.	чук.	рынд., нап., атр.	
чемень	«ржавчина»	*чемен-тне*	*чеме-т'н'е*	*чеме-т'и'е* «эта ржавчина»
веле	«село»	*веле-тне*	*вел'е-т'н'е*	*вел'е-т'н'е* «эти села»
ава	«женщина»	*ава-тне*	*ава-т'и'е*	*ава-тнэ* «эти женщины»
ведь	«вода»	*вед-тне*	*вет'-н'е*	*вет'-и'е* «эти воды»
кедь	«рука»	*кед-тне*	*кет'-и'е*	*кет'-и'е* «эти руки»
каль	«ива»	*каль-тне*	*кал'-т'н'е*	*кал'-т'и'е* «эти ивы»
парь	«кадушки»	*пар-тне*	*пар'-т'н'е*	*пар'-т'и'е* «эти кадушки»
кем	«валенок»	*кем-тне*	*кем-т'н'е*	*кем-т'и'е* «эти валенки»
сёвонь	«глина»	*сёвоп-тне*	*с'ово-т'н'е*	*с'ово-т'и'е'* «эта глина»

Конечные гласные *-о, -е* в словах на *-ке, -ко, -ге, -го, -де, -до, -че* могут выпадать в некоторых рассматриваемых диалектных кустах:

	э. л.	чук.	рынд., нап., атр.	
сеське	«комар»	*сеське-тне*	*с'ес'к-нэ*	*с'ес'ке-т'н'е* «эти комары»
эрьке	«озеро»	*эрьке-тне*	*эр'к-и'е*	*эр'ке-т'и'е* «эти озера»
латко	«овраг»	*латко-тне*	*латк-нэ*	*латко-тнэ* «эти овраги»
сятко	«искра»	*сятко-тне*	*с'атк-нэ*	*с'атко'тнэ* «эти искры»
эрьге	«бусина»	*эрьге-тне*	*эр'к-нэ*	*эр'ге-т'н'е* «эти бусины»
курго	«рот»	*курго-тне*	*курк-нэ*	*курго-тнэ* «эти рты»
морго	«сук»	*морго-тне*	*морк-нэ*	*морго-тнэ* «эти сучья»
эльде	«кобыла»	*эльде-тне*	*эл'т'-и'е*	*эл'д'е-т'и'е* «эти кобылы»
кандо	«колода»	*кандо-тне*	*кант-нэ*	*кандо-тнэ* «эти колоды»
нурдо	«сани»	*нурдо-тне*	*нурт-нэ*	*нурдо-тнэ* «эти сани»
кече	«ковш»	*кече-тне*	*кеч-нэ*	*кече-т'и'е* «эти ковши»

Как видно из примеров, при образовании форм множественного числа указательного склонения происходят различного рода морфонологические явления: 1) наложение конечной основы и суффикса, 2) усечение основы, 3) усечение суффикса, 4) чередование согласных (глухих и звонких) при одновременном выпадении конечной гласной основы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Атр. — г. н. п. Атрать Алатырского района (Присурский куст Республики Чувашия); *д. к.* — диалектные кусты; *мрс.* — г. н. п. Большое Маресево Чамзинского района Республики Мордовия; *нап.* — г. н. п. Напольное Порецкого района (Присурский куст Республики Чувашия); *н. пьян.* — нижнепьянский диалект эрзя-мордовского языка Нижегородской области; *рынд.* — г. н. п. Рындино Порецкого района (Присурский куст Республики Чувашия); *чук.* — г. н. п. Чукалы Ардатовского района (Приалатырский куст Республики Мордовия); *э. л.* — эрзянский литературный.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Надькин Д. Т.* Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968. Т. 5.

2. *Paasonen Heikki.* Mordvinische Lautlehre. MSEOu XXII. Helsinki, 1903.

3. *Ермушкин Г. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М., 1984.

4. *Марков Ф. П.* Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1.

5. *Цыганкин Д. В.* Отражение финно-угорского *η в диалектах мордовских языков // VIERTES INTERNATIONALES SYMPOSION «URALISCHE PHONOLOGIE». HAMBURG, 1989.

Anastasija Kharitonova

MORPHOLOGICAL PROCESSES OF BUILDING THE PLURAL NUMBER IN DIALECT GROUPS RESERVED THE PARENT MORDVINIAN CONSONANT

Erzya dialectal word-changing is characterized by considerable morphological phenomena.Their description is important for morphological science of the Mordvinian languages. The article is devoted to description of morphological processes which reveal themselves in dialect groups reserved the parent common Mordvinian velar Öъ.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Tamotsu Koizumi
Osaka

ON THE DEVELOPMENT OF NON-CONFIRMED MOODS IN VOLGA-FINNIC

(1) Cheremis preterites are divided into (a) the confirmed and (b) the non-confirmed one.

(a) The confirmed preterite

Singular: **Positive**		**(negative)**	**Plural:**	**Positive**	**(negative)**
1.	*ludəm*	*(ǯəm lud)*		*ludna*	*(əǯna lud)*
2.	*ludəš*	*(ǯəš lud)*		*ludda*	*(əǯda lud)*
3.	*ludo*	*(əš lud)*		*ludəč*	*(əšt lud)*

(b) The non-conftrmed preterite

Singular: **Positive**		**(negative)**	**Plural:**	**Positive**	**(negative)**
1.	*ludənam*	*(ludəm oməl)*		*ludenna*	*(ludən onal)*
2.	*ludənat*	*(ludən otəl)*		*ludənda*	*(ludən odal)*
3.	*ludən*	*(ludən ogəl)*		*ludənət*	*(ludəǹ ogətəl)*

The plural partners of this conjugation provide two variants.

ludən ulənа ~ ludənna
ludən ulədа ~ ludənda
ludən ulət ~ ludənət

By reference to the alternation of the plural forms it is easily noted that the combination of the gerund form accompanied by the ending -n with the auxiliary verb **ulaš** «to be» has yielded the non-confirmed paradigm.

ludən + ulam > ludənam

While the confirmed preterite indicates an event which occurred not long before and is vividly reported by the speaker, the non-confirmed preterite refers to the result of an action completed in the past event or an action which the speaker did not witness (1, c. 64).

Further bifurcation was made among the past tenses, namely the confirmed preterite is combined with auxiliary **əl'e** and the non-confirmed one wiht the infinitive **ulmaš**

(c) The periphrastic durative preterite

1) The first confirmed:		**(Singular)**		**(Plural)**	
	1.	*ludam*		*ludəna*	
	2.	*ludat*	*əl'e*	*ludəda*	*əl'e*
	3.	*ludəs*		*ludət*	

2) The second non-confirmed:

	(Singular)		(Plural)	
1.	*ludam*		*ludəna*	
2.	*ludat*	*ulmaš*	*ludəda*	*ulmaš*
3.	*ludeš*		*ludət*	

For ex. (c1) **Məj tunam tunemam əl'e.** 'I was learning then.'
(c2) **Nuno čodraště ilat ulmaš.** 'It is said that they were living in the forest. (2, c. 148).

(d) The periphrastic perfect

1) The first confirmed:

	(Singular)		(Plural)	
1.	*ludənam*		*ludənna*	
2.	*ludənat*	*əl'e*	*ludənda*	*əl'e*
3.	*ludən*		*ludənət*	

2) The second non-confirmed:

	(Singular)		(Plural)	
1.	*ludənam*		*ludənna*	
2.	*ludənat*	*ulmaš*	*ludənda*	*ulmaš*
3.	*ludən*		*ludənət*	

The first perfect denotes an event completed in the past with an implication that the speaker witnessed it, but the second perfect does not suggest any such confirmation.

For ex. (d1) **Məj tide knigam ludənam əl'e.** 'I read this book.'
(d2) **Məj tide knigam ludənam ulmaš.** 'I may have read this book.' (2, c. 148)

The development of the non-confirmed preterite forms in Cheremis may be schematized as follows.

(a) ludəm (b) ludənam < ludən uləm

(c1) ludəm əl'e (c2) ludənam əl'e
(d1) ludəm ulmaš (d2) ludənam ulmaš

(2) Votyak

Votyak offers the following conjugation of the preterites.

(a) The first preterite: **goštini** 'to write'

	(Singular)		(Plural)
1.	person	gošti	goštimj
2.	person	goštid	goštidj
3.	person	goštiz	goštizj

(b) The second preterite:

	(Singular)		**(Plural)**
1.	*person*	*gošt-iśk-em*	*gošt-iśk-em-mj*
2.	*person*	*goštem-ed*	*gošt-il'l'-am-dj*
3.	*person*	*goštem-ez*	*gošt-il'l'-am-zj*

The root form goštem- contained in this conjugation is derived from the past participle, and the ending **-iśk-** of the first person is produced by the analogy of the present forms.

	(Present)	(The second preterite)
(Singular)	goštiśko 'I write' >	goštiśkem
(Plural)	goštiśko-mi 'we write' >	goštiśkem-mi

Votyak has the confirmed and non-confirmed periphrastic forms as follows.

(a) The durative preterite

1) Present forms + **val** (confirmed)

2) Present forms + **vilem** (non-confirmed)

The non-confirmed form denotes a durative action which the speaker did not confirm.

For ex. (a2) **So ljktem uin, mon iźiśko vjlem** (3, c. 122).

'At the night when he left, it may be that I slept'

(b) Pre-past

1) Future forms + **val** (confirmed)

2) Future forms + **vjlem** (indefinite)

The future non-confirmed deed a fulfilment of which is supposed by the speaker or confirmed by others' reports.

For ex. (b2) **So peŕeś gužem čorigoloz vjlem** (3, c. 122).

'The old man seemed to have fished in summer.'

(b2) **Soku udmurtjos bigerjosin ožmaśkozj vjlem** (3, c. 122).

'Then Udmurts seem to have fought with Tartars.'

(c) Past perfect

1) The first preterite form + **val** (confirmed)

2) The first preterite form + **vilem** (non-confirmed)

For ex. (c2) **Mi soku kjd' oke palene koškimj vjlem, soosiz em adzele** (3, c. 123).

'It seems that we were so far away from there that we did not see them.'

The past perfect non-confirmed form means an action the realization of which the speaker comes to know now, though it took place during some interval or to be known by others' reports.

(d) The second preterite + vilem (non-confirmed)

According to Грамматика современного удмуртского языка (3, c. 123) the first preterite form + **vjlem** construction was earlier used to inform a confirmed deed which was witnessed by the speaker and reported to the hearer soon after ist occurrence in such a sentence as **Valo šur durjn so giriz vjlem.** 'By Valo river he plowed.' If this construction was changed into the second preterite form + **vjlem** construction with **girem vjlem**, a non-confirmed event was conveyed by the speaker who heard about it from others. The auxiliary verb **vilem** inself has acguired a non-confirmed meaning.

(3) Zyryan

Zyryan possesses two kinds of preterites.

(a) **Siję piśmę gižis.** 'He wrote a letter.'

(b) **Siję piśmę gižema.** 'He seems to have written a letter."

(a) The first confirmed preterite: **gižnj** 'to write.'

	(Singular)	(Plural)
1.	person *giži*	*gižim*
2.	person *gižin*	*gižinnid*
3.	person *gižis*	*gižisni*

(b) The second resultative preterite:

	(Singular)	(Plural)
2.	person *gižem-id*	*gižem-nid*
3.	person *gižem-a*	*gižem-a-eś*

All resultative preterites contain the participial form **gižem**. According to Современный коми язык (4, с. 215), the first confirmed preterite does often, though not always, indicate the event on the premise that the spreaker is the witness of this fact, and the second resultative preterite suggests that the speaker has nothing to do with any realization of the event, because he is not a witness of what took place or has learnt from others' reports or a result yielded by an action.

(c) The preterite form **veli** of verb 'be' is added to the second resultative preterite to give rise to the periphrastic pluperfest tense.

		(Singular)	(Plural)
1.	person	*gižema veli*	*gižemaes veli(m)*
2.	person	*gižemid veli(n)*	*gižemnid veli(d)*
3.	person	*gižem(a) veli(n)*	*gižemaeś veli(ni)*

The pluperfect tense indicates a past deed or a past event which had been completed when another one began.

Naja sek munemaes nin veli, kor me lokt. 'They had already gone, when I arrived.'

Б. А. Серебренников (5, с. 259) considers that Proto-Permian had no non-confirmed perfect and that it was formed independently in the Permian languages.

(4) To sum up, deriving process of non-confirmed preterites in Finno-Permian except for Estonian modus obliquus may be analyzed as shown below.

1) Cheremis

əl'e (conf.)

[Present] — [Preterite]

ulmaš (non-conf.)

[lst Preterite] (conf.)

[2nd Preterite] (non-conf.)

əl'e (conf.)

ulmaš (non-conf.)

2) Votyak

val (con.) val (conf.)

[Future] — [Present] — [Preterite]

vilem (non-conf.) vilem (non-conf.)

[lst Preterite] (conf.)

[2 and Preterite] (non-conf.)

val (conf.)

vilem (non-conf.)

val (conf.)

vilem (non-conf.)

3) Zyryan

[Future] [Present] [Preterite]

[lst Preterite] (conf.)

[2 and Preterite] (non-conf.)

5) A reference should be made to the conjugation of a Turkic language. The similar distinction between a confirmed and non-confirmed past is maintained in Tatar.

(a) The simple past: **jaz-maz** 'to write'

1) The confirmed categorical:

	(Singular)	(Plural)
1. person	*jaz-di-m*	*jaz-di-k*
2. person	*jaz-di-ŋ*	*jaz-di-giz*
3. person	*jaz-di*	*jaz-di-lar*

2) The non-confirmed resultative

	(Singular)	(Plural)
1. person	*jaz-gan-min*	*jaz-gan-biz*
2. person	*jaz-gan-sin*	*jaz-gan-siz*
3. person	*jaz-gan*	*jaz-gan-nar*

The resultativie past is employed when the speaker himself did not witness an event, traces a deed from its result, or supposes the occurrence of an action on his personal assumption (6. c. 223).

3) The periphrastic incompleted past expresses an incompleted, continuous or repeated deed in the past.

	(Singular)	(Plural)
1. person	*jaza idem*	*jaza idek*
2. person	*jaza iden*	*jaza idegez*
3. person	*jaza ide*	*jaza (lar) ide (lɔr)*

If the auxiliary verb **ide** 'was' is replaced by the past participle **bulgan** of **bul** 'to be', all the periphrastic tenses come to indicate a non-confirmed deed, the realization of which is recognized by the speaker from hearsay or from its result.

The comparsion between Cheremis and Tatar past forms is given below.

(Cheremis)	(Tatar)
A) The simple preterite: **vozaš** 'to write'	
a) The first vozəšəm	The definite jazdim
b) The second vozenam	The indefinite jazganmin
B) The periphrastic imperfect	The periphrastic incompleted past
a) The first vozəšəm əl'e	The definte jaza idem
b) The second vozəšəm ulmaš	The indefinite jaza bulgan
C) The periphrastic perfect	The periphrastic far past
a) The first vozenam əl'e	The definite jazgan idem
b) The second vozenam ulmas	The indefinite jazgan bulgan

a) refers to a confirmed action and b) a non-confirmed one.

The striking similarity of Cheremis past forms to Tatar ones suggests that under the influence of Tatar tense systems the distinction between the first confirmed and the second non-confirmed preterite and the proliferation of the periphrastic tenses in Cheremis were formed. The same is true of Votyak conjugations. Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева (7) argue that the origin of such

a separation between the definite and the indefinite past in the Turkic languages seems to date from Proto-Turkic.

(5) Conclusion

Though Б. А. Серебренников (8, с. 275) admits a startling resemblance of verbal formations among Tatar, Bashkir, Chuvash and Cheremis, he does not mention any interrelation of неочевидность among them.

Taking all the above considerations into account, it is a safe assumption that the distinction between the confirmed and non-confirmed preterite has been created under a strong influence of Turkic definite and indefinite conjugations. Cheremis and Votyak narrative moods may have been constructed by direct contact with Tatars, and Zyryan has suffered an indirect interference of Tatar, remaining undeveloped in the non-confirmed conjugation.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Основы финно-угорского языкознания. М., 1976.
2. *Григорьев Я. Г.* Марийский язык. Йошкар-Ола, 1953.
3. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис. Ижевск, 1970.
4. Современный коми язык. Сыктывкар, 1955.
5. *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. Москва, 1962.
6. Современный татарский литературный язык. Москва, 1961.
7. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
8. *Серебренников Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, 1960.

Тамоцу Койзуми

К РАЗВИТИЮ НЕОЧЕВИДНЫХ НАКЛОНЕНИЙ В ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье предлагается новый подход к рассмотрению прошедших времен в финно-угорских языках.

Анализируя глагольные парадигмы в марийском, зырянском, вотяцком языках, автор приходит к выводу, что семы «очевидности»/«неочевидности», присутствующие в значении прошедших глагольных времен, свидетельствуют о категории наклонения.

Существование различия между очевидным и неочевидным претеритом в финно-угорских языках объясняется воздействием системы спряжений глаголов языков тюркской группы.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ТОПОНИМИЯ В ТРУДАХ В. М. ВАСИЛЬЕВА

Топонимическое наследие В. М. Васильева (1883—1961) до сих пор остается неизученным. Между тем в его работах встречаются интересные высказывания о географических названиях Волго-Камья. Особенно выделяется в этом отношении его лексикографический труд «Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргэлыме книга» («Сравнительный словарь наречий марийского языка») (Моско, 1926; на обложке — 1928). В нем представлено, включая географические названия, имеющиеся в его автобиографии (с. 111), около 60 топонимов.

В их числе наряду с именами некоторых населенных пунктов, названиями отдельных речных объектов Волго-Камского региона содержатся единичные топонимы дальнего зарубежья, например: **Австрий** (с. 15) — **Австрия, Гэрман** (с. 47), **Йэрман** (с. 321) — **Германия, Варшавэ** (с. 33) — **г. Варшава.**

Появление указанных названий в устно-поэтическом творчестве мари, откуда они извлечены В. Васильевым, было обусловлено первой мировой войной. Разумеется, события тех времен рождали марийские рекрутские песни, полные тоски, печали и скорби, отражающие личные переживания поющего. См., например, иллюстративный материал на сс. 33 и 47: **«Варшавэ олат вуй йомдарышэт» («Город-то Варшава потеряет ведь голову»). «Нужна тольо, налын кайыш, намийэн Гэрманыш пыштыш; пэш йӧсӧ улмаш Гэрман кидыштэ» («Пришла бедность, забрала, доведя в Германию, сложила; очень тяжко оказывается в руках Германии»).**

Отдельные марийские топонимы, относящиеся к разряду исчезнувших, уцелели лишь в данной лексикографической работе. См., например, названия марийских селений: **Вӱд-вакэ сола** (с. 42), **Изикокуй** (с. 51), **Кугу-Кокуй** (с. 81). По свидетельству В. Васильева, они стали улицами города Казани. Так, старинные марийские деревни **Изикокуй** и **Кугу-Кокуй** стали улицами **Малый** и **Большой Кокуй, Вӱд-вакэ** сола — улицей **Засыпкина.**

Следовательно, древняя территория расселения мари находилась не только на Правобережье Волги, но и охватывала какую-то часть бассейна реки Казанки, Левобережья Волги. В связи с этим любопытно отметить, что в Казани, на месте озера Кабан, в древности, как отмечает В. Васильев, были марийские луга (с. 57).

Что касается объяснения названия Кабан, то существует несколько версий и гипотез, на сегодняшний день ни одно из них нельзя признать

научно аргументированным и верным. В этой связи следует заметить, что гидрообъекты с таким названием встречаются и на Украине, ср., например, р. **Кабан** (**Каван** — лев. рукав Днепра. Варианты гидронима: **Кавань, Кабань;** р. **Кабанец** — лев. приток Днепра Камьянско-Днепровский р-н Запорожской обл.). Озера **Кабаняче, Кабанове,** река **Кабанча** — бассейн Черного моря в Крыму. Аффикс **-ча / -че,** как подчеркивает Ф. Г. Гарипова в своих исследованиях по гидронимии Татарстана, в украинском языке обозначает принадлежность (2, с. 158—159). Как видно, объяснение происхождения этого названия является делом не простым и требует кропотливых топонимических поисков.

Вышесказанное наводит еще на одну мысль: диалекты татарского языка имеют, возможно, значительное количество марийских субстратных элементов. Ср., например, мариизмы в татарских диалектах, приведенные Н. И. Исанбаевым: **лабра** 'жидкая грязь' < мар. **лавыра** 'грязь'; **лыпыш** 'раствор глины и песка; грязь в осенне-весенний период; жидкое месиво' < мар. **лапаш** 'полужидкая масса чего-либо'; заказанское **лапы** 'валежник' < марЛ **лупо** 'куча хвороста, валежника' и др. (3, с. 156—161).

Если татарские лингвисты будут придавать исследованию субстратных явлений должное значение, то круг марийских заимствований можно значительно расширить и вместе с тем выявить особенности, возникшие на других уровнях языка под воздействием марийского субстрата.

Некоторые астионимы в словаре бытуют в древней или даже исходной форме, ср., например: **Моско** (с. 122), **Василь-ола** (с. 33). Первое летописное свидетельство о Москве, как указывает В. П. Нерознак, содержится в Ипатьевской летописи под 1147 г. Ср. отрывок из этого памятника «... прислав Гюргии рече приди ко мнѣ брате въ Московъ» (4, с. 110). **Город Василь** был основан как военно-стратегический пункт в 1523 году на правом берегу Волги, при впадении в нее р. Суры. В 1927 году он был исключен из штата городов и зачислен в категорию поселков городского типа. Современное его название — **Васильсурск** (Нижегородская обл.), то есть поселок Василь при Суре.

В словаре приведено речное название **Эжвӱд,** имеющий перевод **Ижовка** (с. 295). Однако этот гидроним с марийского переводится как р. **Эж.** При этом с сожалением следует отметить, что автором словаря не указано, где находится эта река. Марийское название дает возможность сблизить его с коми гидронимом **Эжва,** имеющим официальное название Вычегда, р., правый приток Северной Двины. Длина ее 1130 км, из них по территории Республики Коми проходит 870 км. Берет начало на южной окраине Тиманского кряжа двумя истоками: **Войвож** 'Северный приток' и **Лунвож** 'Южный приток' (6, с. 24).

Русский перевод этой реки весьма напоминает речное название **Иж.** В структуре гидронима **Ижовка** русский суффикс **-овк** возник из соединения суффиксов **-ов- + к(а)**, где первый имеет значение «имеющий какое-то отношение к реке, названной производящим словом», второй является суф-

фиксом субъективной оценки, показывающим на величину гидрообъекта. Обычно притоки крупных рек носят такие наименования. Река **Иж** является правым притоком р. Камы. Кроме того, река с таким названием встречается в Кировской области, ср., например, р. **Иж** — правый приток р. Пижмы, правого притока р. Вятки. Данная гидролексема лежит в основе речных названий **Ижва, Ижма** Республики Коми (I, с. 77—78).

Астионимы-композиты, содержащие в своей структуре нехарактерные для марийского языка идентичные иноязычные элементы, имеют разные варианты модификации, ср., например, фонетический облик адаптированных названий городов **Петербурга** и **Оренбурга**: **Питыр, Пэтырвор** (с. 158); **Орынбур, Орынбор** (с. 148).

В целом в адаптации иноязычных топонимов марийский язык остается верным финно-угорским традициям, ср., например, оглушение звонкого начала географического наименования: **Пэлэвэй** (с. 179) — в языке-источнике **Белебей**, центр кантона Башкирии; разрядка палатальности исходной согласной фонемы, отсутствующей в фонологической системе марийского языка, присоединением дополнительного гласного звука к топониму (**Пэрмэ — Пермь**, с. 180); устранение нехарактерного для фонетики диалектов лугового наречия заднеязычного х; **Ожанг, Озанг, Озан** (с. 140). Правда, в горном наречии этот топоним либо сохраняет общий звуковой фон оригинала (**Хазан**, с. 236), либо подвергается адаптации (**Азан**, с. 236), что свидетельствует о шаткости фонологического статуса данного звука того времени.

На морфемном шве отдельных топонимов-композит хотя и имеются видоизменения одного из стыкующегося согласного, тем не менее такие названия сохранили свое первоначальное смысловое содержание. Ср., например, **Угарман** (с. 229), где заднеязычный **к** в интервокальной позиции, утратив свою глухость, превратился в **г**, ср. **у карман, у кӓрмӓн. Угарман — «Новая Крепость».**

Крепость была заложена князем Юрием Всеволодичем в 1221 году у впадения р. Оки в Волгу как форпост для защиты Владимиро-Суздальской Руси от набегов волжско-камских болгар. Со временем она стала именоваться новым городом, а позднее — нижним по отношению к какому-то иному городу (с. 139—144).

Многие географические названия, представленные в словаре, либо перешли в разряд устаревших, либо употребляются ныне в иной огласовке. Весьма показательны в этом отношении такие названия, как **Ильна** (с. 54), **Кокшар**, оно же **Колтинча** (с. 71) — название г. **Котельнич** (с 1780 года) Кировской обл., **Сӱндӱр** (с. 196) — название г. Мариинский посад (с 1856 года) в Чувашии и др. Одни из них с лингвистической точки зрения достаточно ясные образования. Другие все еще остаются в разряде топонимических загадок. Например, астионим **Ильна** является отгидронимным. Для разгадки же тайны происхождения этого гидронима нужны кропотливые топонимические изыскания. **Ильна** — древнемарийское назва-

ние современного г. **Кирова**, которое существует с 1934 года. В очерках истории Вятской земли первоначальным именем этого города считается **Хлынов** (в 1457—1781 гг.), следующим по хронологии названием является **Вятка**.

Значительная часть топонимов имеет вариантные формы и отражает диалектные особенности марийского языка. Ср., например, названия, характерные для чокающих и цокающих диалектов: **Чарла // Царла** (с. 237) — Йошкар-Ола (бывш. Краснококшайск и Царевококшайск), **Чы̆кма// Цы̆кмӓ** (с. 239) — Козьмодемьянск.

Следует при этом заметить, что в иллюстрации диалектных вариантов нет единообразия: одни из них фигурируют в одном словарном гнезде, другие даются отдельной словарной статьей. Подобные приемы подачи материалов усложняют определение типов географических объектов. Однако нельзя при этом забывать, что разнотипные объекты нередко имеют одинаковые названия, ср., например, **«Шавашар, Шопшэр, Шавашӓнгы̆р,** онч. (см.— *А. К.*): **Шовашэнгэр»** — одна словарная статья (с. 254); **«Шобашэнгэр** (о. м.)» = **шовы̆шо + энгер. Шапшэр** (о. м.) — Чебоксары, главный город Чувашской АССР» — другая словарная статья (с. 264); **«Шовашэнгэр, шопшэр,** онч.: **Шобашэнгэр»** (с. 264) — третья словарная статья; **«Шопшэр, Шоваш-энгэр, Шапшэр,** — город Чебоксары» (с. 269) — четвертая словарная статья. Другой пример: **«Шанчара, Санчура, Шы̆нцара,** город Царевосанчурск, 1584 ийы̆штэ ы̆штымэ» (с. 256) — одна словарная статья; **«Шы̆нчара, Шанчара,**— город Царевосанчурск» (с. 284) — другая словарная статья.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что отдельные недочеты, несовершенства и недостатки не помешали «Марий мутэр» занять достойное и почетное место в истории марийской лингвистической науки и культуры.

Сокращения: г.— город; **лев.** — левый приток; **мар.** — марийский язык; **марЛ** — луговое наречие марийского языка; **о. м.** — лугово-марийское слово; **р.** — река.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.
2. *Гарипова Ф. Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. Москва, 1991.
3. *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. I /татарские и башкирские заимствования/. Йошкар-Ола, 1989.
4. *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. Москва, 1983.
5. Русская ономастика и ономастика России. Словарь, Москва, 1994.
6. *Туркин А. И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

Anatoly Kuklin

TOPONYMY IN V.M.VASILJIEV'S WORKS

V.M.Vasiljev's toponymic heritage (1883-1961) is untstudied till present. Meanwhile interesting statements about geographical names of Volgo-Kamje are found in his works. Specially distinguished in this relation is his lexicographical work "Marij muter. Turlo vere ilyshe marjym tangastaren nergelyme kniga" (Sravnitelny slovar narechij marijskogo jazyka) (Mosko, 1920; on the cover-1928). About 60 toponyms are presented here.

This lexico-graphical work contains some geographical names considered to be lost and some astionyms (place names) are recorded in the dictionary in ancient or even in initial form.

A great part of toponyms has variant forms what reflects dialectal peculiarities of the Mari language.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Наталья Глухова
Йошкар-Ола

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОЖНОГО РИТМА МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРОВ

Цель данной статьи — определить характер ритма заговоров, одного из фольклорных жанров, неотъемлемой части духовной культуры марийского народа.

Заговорно-заклинательные тексты отличаются большой лингвистической образностью и экспрессивностью, которые создаются стилистическими средствами разных уровней (6, р. 53—63). Ритм как одно из часто используемых выразительных средств не был объектом отдельного исследования. Ритм поэтических произведений устного народного творчества представляет собой весьма сложное явление. Его изучение на слух неудобно вследствие отсутствия его фиксации. Традиционная запись ритма при помощи условных знаков ударных (—), безударных слогов (⏑), цезур (I; II) позволяет использовать память для сопоставления. Но возможности зрительного анализа ритма текстов ограничены абстрактным характером символов и их линейным расположением. Поэтому они могут быть использованы лишь для очень простых видов ритма.

Предлагается способ геометрической интерпретации ритма текстов на плоскости в виде его графического изображения. Суть метода заключается в разбивке текста на пары слогов, в которой ударный слог обозначается единицей (1), а безударный слог и цезура — нулем (0). Возможны следующие комбинации пар слогов: 00 — безударный-безударный, 11 — ударный-ударный, 01 — безударный-ударный, 10 — ударный-безударный. Каждая пара слогов изображается отрезками единичной длины (2, с. 434—436). Графическое изображение составляется по следующим правилам: 01— поворот на 90° налево, 10 — поворот на 90° направо, 00 и 11 — отсутствие поворота и продолжение движения в прежнем направлении. Таким образом, рисунок образуется отрезками единичной длины, которые располагаются по отношению друг к другу под 90°, 180° или 0°. Этот рисунок относится к разновидности фазового портрета колебательного процесса (1, с. 38—45). Для иллюстрации связного текста (а любой заговор — это законченное по смыслу связное целое) каждый последующий отрезок (пара слогов) строится на конце предыдущего.

Значение геометрической интерпретации состоит в возможности количественно измерить ритмическую упорядоченность текста любой сложности и любой длины, применив вычислительную технику (4, р. 29). Вве-

дем с этой целью коэффициент ритмичности $К_р$: $К_р = Ч_с : Ч_о$, где $Ч_с$ — число совпадений линий единичного размера, а $Ч_о$ — полное число линий единичного размера. Коэффициент ритмичности может изменяться от 0 до 100%. Особенно просто вычислять коэффициент в классических силлабо-тонических поэтических произведениях. Так, например, ямб или хорей при использовании геометрической интерпретации представляют собой достаточно простые типы ритма. Это наглядно демонстрируется графическим изображением, в котором запечатлено регулярное движение по квадрату в одну из сторон (рис. 1). Поэтому коэффициент ритмичности превышает 50% (5, р. 115—122).

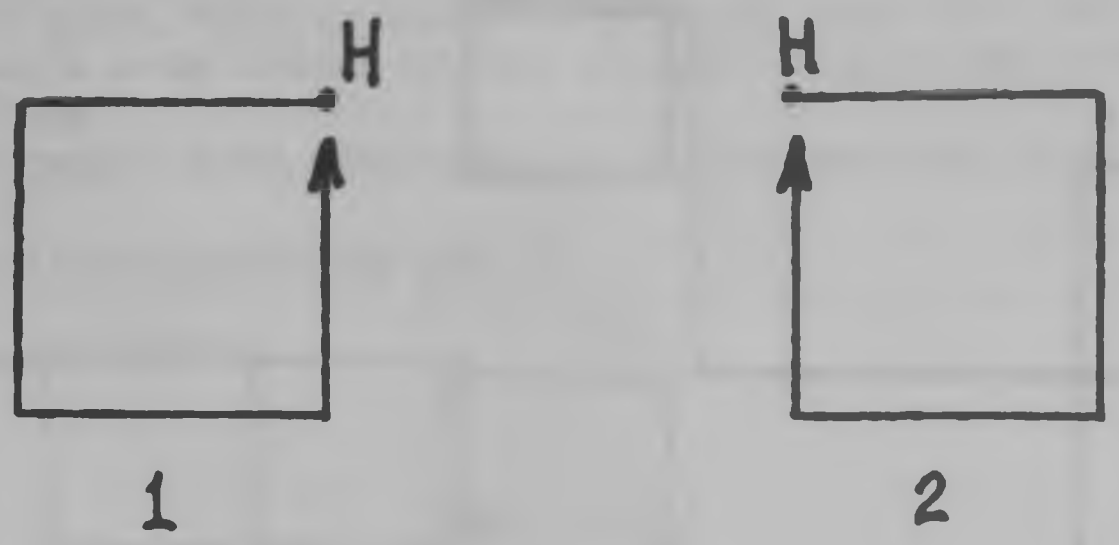

Рис. 1. Наглядное представление ритма классических силлабо-тонических стихов: 1 — ямб, 2 — хорей.

Ритм фольклорного текста значительно сложнее, что графически отражается и на коэффициенте ритмичности. В рассмотренных заговорах — 500 текстов из различных источников — он составляет от 9% до 51%.

Рамки статьи не позволяют продемонстрировать подробное описание ритмической структуры фольклорных текстов, поэтому предлагаются тексты заговоров, отражающие наиболее распространенные, типичные варианты.

Заговор «Вӹр шулымым але пӹчмым тӧрлатыме» (Остановка кровотечения или заживление пореза) состоит из 65 пар слогов. Из них совпадают 10 пар. Коэффициент ритмичности составляет 15%:

Шӹшмӹй кузе шулен кая, тугак пӹчмӧ вер шулен кайыже. Тьфу!
Пура шонг кузе шулен кая, тугак шулен кайыже. Тьфу!
Вӹд шонг кузе шулен кая, тугак шулен кайыже. Тьфу!
Пыл кузе шулен кая, тугак шулен кайыже. Тьфу!
Эр лупс кузе шулен кая, тугак шулен кайыже. Тьфу!
Шонанпыл кузе шулен кая, тугак шулен кайыже. Тьфу!
Шинчал кузе шулен кая, тугак шулен кайыже. Тьфу, тьфу, тьфу! (3, с. 178) 'Как исчезает, тает сливочное масло (пена пива, пена воды, облака, утренняя роса, радуга, соль), так же пусть зарастает, исчезает порез. Тьфу!'

Графическое изображение ритма текста представлено на рис. 2.

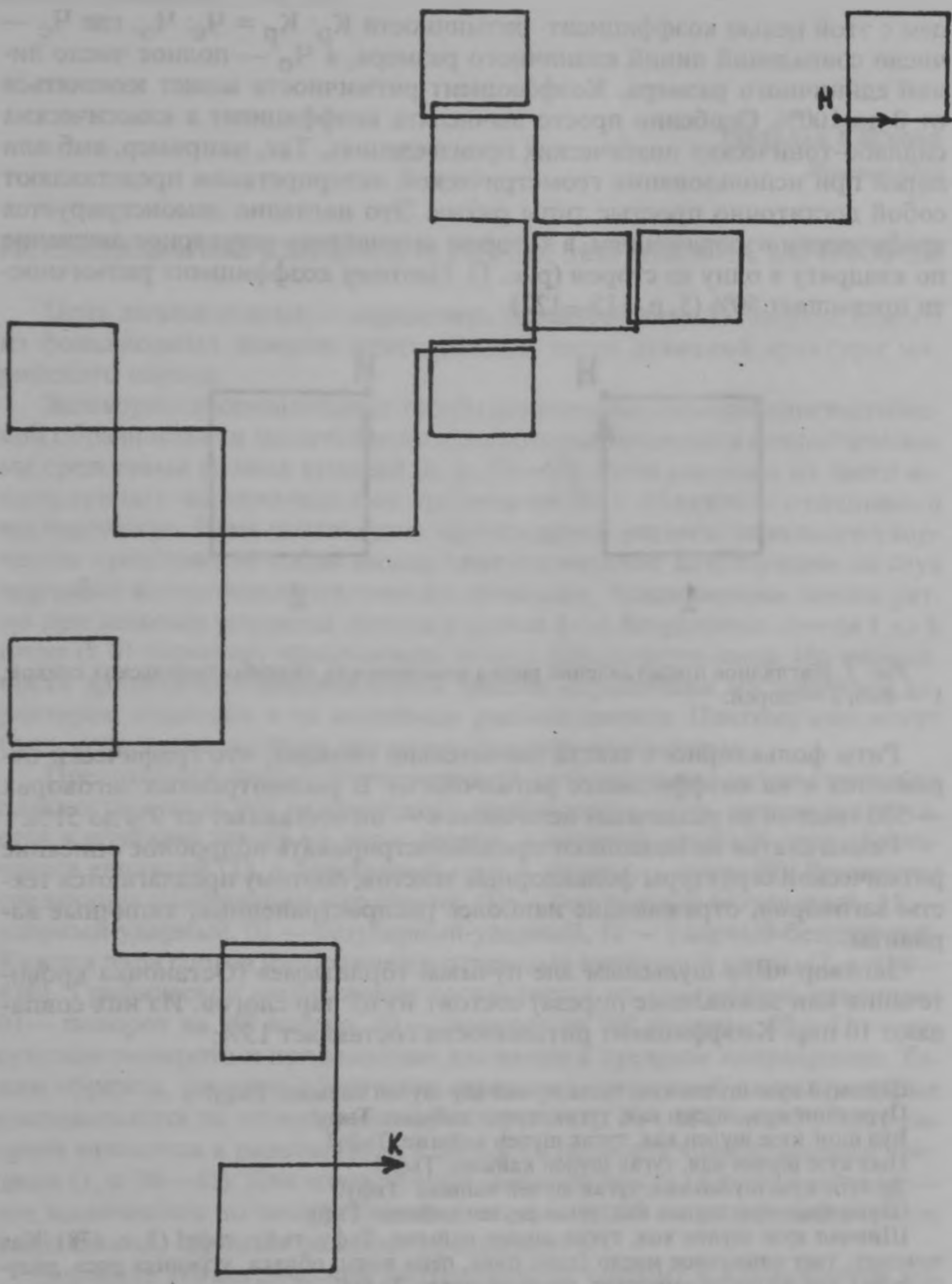

Рис. 2. Наглядное представление ритма заговора «Вӱр шулымым але пӱчмым тӧрлатыме».

В следующем тексте «Мардеж разым» (Злой дух ветра) коэффициент ритмичности составляет 33%: в заговоре 83 пары слогов, из которых 27 пар совпадают:

Мардеж разым кунам мардежым кочкын пытарен кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Кунам мардеж разым тылзым кочкын пытарен кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Кунам мардеж разым кечым кочкын пытарен кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Кунам мардеж разым шӱдырым кочкын пытарен кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Шонанпыл кузе шула, тугак шулыжо. Тьфу, тьфу, тьфу!

Мӱй кузе шула, тугак шулыжо. Тьфу, тьфу, тьфу!

Шӱшмӱй кузе шула, тугак шулыжо. Тьфу, тьфу, тьфу! (З. с. 189) 'Когда злой дух ветра сможет съесть ветер (месяц, солнце, звезду), только тогда пусть сможет причинить ему боль. Тьфу'

Как исчезает радуга (мед, сливочное масло), так же пусть и ревматизм исчезает. Тьфу, тьфу, тьфу!'

Ритм текста изображен на рис. 3.

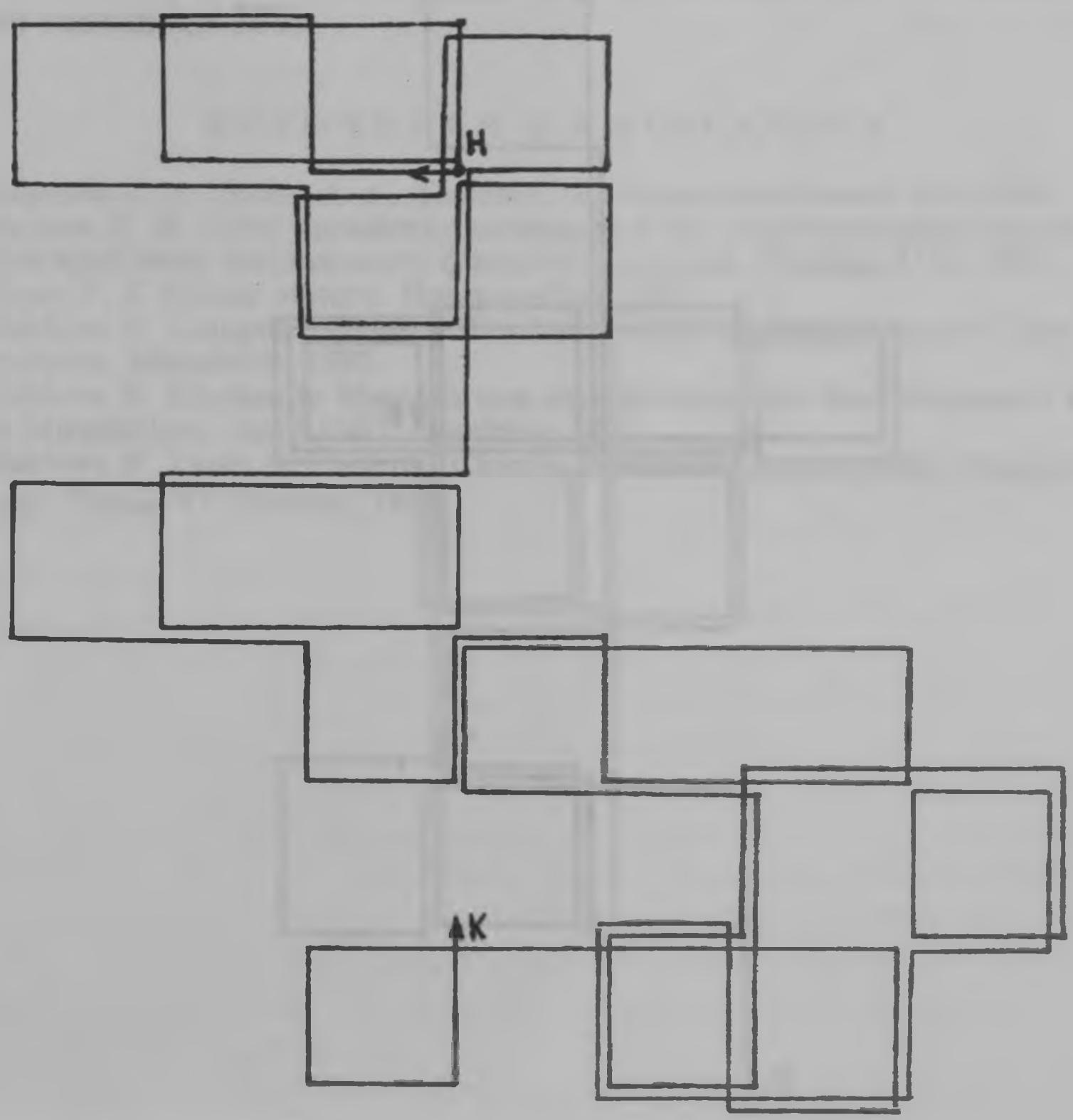

Рис. 3. Наглядное представление ритма заговора «Мардеж разым».

Заговор «Мланде разым» (Злой дух земли) состоит из 74 пар слогов. Из них совпадают 38 пар. Коэффициент ритмичности равен 51%:

Мланде разым кунам мланде тӱрым тодын луктын кочкын кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Мланде разым кунам кӱ курыкым тодын луктын кочкын кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Мланде разым кунам кӱртньӧ сорымым тодын луктын кочкын кертеш, тунам иже (тудым) кертше. Тьфу!

Шонанпыл кузе шула, тугак шулыжо. Тьфу, тьфу, тьфу!

Пура шонг кузе шула, тугак шулыжо. Тьфу, тьфу, тьфу!

Мӱй кузе шула, тугак шулыжо. Тьфу, тьфу, тьфу! (3, с. 189) ' Когда злой дух земли сможет достать и съесть горизонт (вынуть из земли каменную гору и съесть ее, вынуть и съесть железный пень), только тогда пусть сможет причинить ему боль. Тьфу!'

Как исчезает радуга (пена с пива, мед тает), так же пусть исчезает и его боль. Тьфу, тьфу, тьфу!'

Рис. 4 наглядно иллюстрирует ритмическую структуру проанализированного текста.

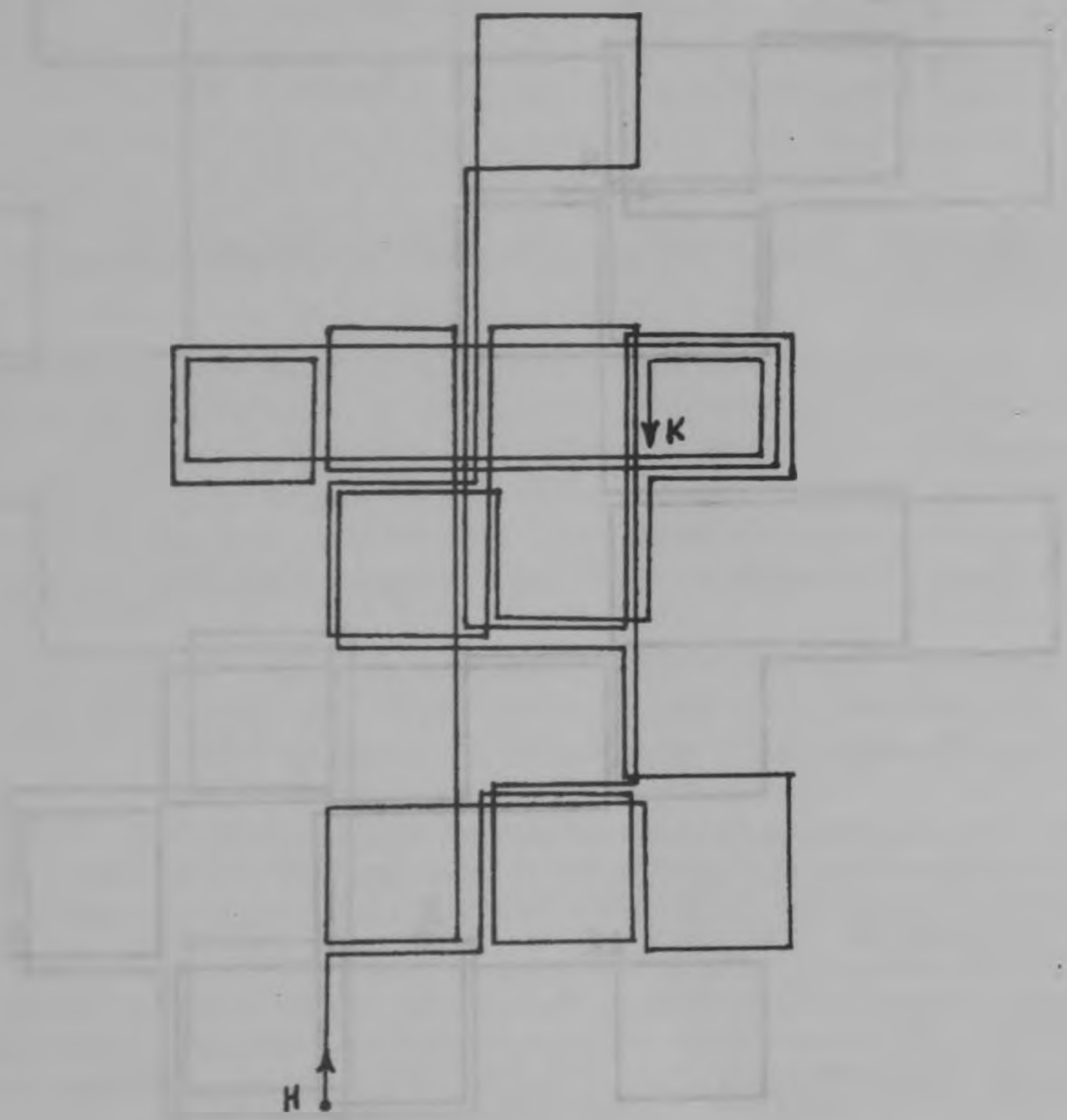

Рис. 4. Наглядное представление ритма заговора «Мланде разым».

Предложенный **метод геометрической интерпретации ритма** позволяет расширить возможности исследования ритма не только в рамках строки, строфы, сверхфразового единства, но и в рамках всего текста сразу. Он способствует определению количественной характеристики ритмической организованности текста благодаря введению **коэффициента ритмичности.** Рассмотренный метод характеризуется убедительной наглядностью, так как благодаря «снятию» временно́го фактора приобретается пространственное изображение.

Метод геометрической интерпретации показал, что заговорно-заклинательные тексты — это поэтические произведения устного творчества марийского народа. Использованный метод позволяет ввести понятие **фольклорного ритма. Фольклорный ритм — сложный, композиционный ритм, идентифицируемый лишь в пределах целого текста, а не построчно, характеризующийся блочной повторностью в рамках не менее двух сверхфразовых единств (фрагментов текста, относительно законченных по смыслу), с общими границами коэффициента ритмичности от 9% до 51% и со средним значением 25%.**

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Андронов А. А., Витт А. А., Хайкин С. Е.* Теория колебаний. М., 1959.
2. *Глухова Н. Н.* Ритм марийских заговоров и его геометрическая интерпретация // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.
3. *Евсеев Т. Е.* Калык ойпого. Йошкар-Ола, 1994.
4. *Glukhova N.* Computer-Assisted Rhythm Analysis of Mari Prayers // Text Analysis and Computers. Mannheim, 1995.
5. *Glukhova N.* Rhythm in Mari Chrams and its Geometric Interpretation // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 16/17. Hamburg, 1995.
6. *Glukhova N.* Types of Cheremis Charms and Their Linguostylistic Features// Uralic Mythology. Tomus VI. Savariae, 1993.

Natalja Glukhova

INVESTIGATION OF THE COMPLICATED RHYTHM OF MARI INCANTATIONS

The purpose of the article is to define the character of Mari incantations using the method of geometrical interpretation. The method of geometrical interpretation connected with graphic imprint cogently showed that incantation texts are poetical works of the Mari folk-lore. The given method allows us to introduce the notion of folk-lore rhythm. The author names it complicated, compositional identifying within the limits of a whole text but not of a line. The given rhythm is characterized by bloc repetition in the limit of not less than two supraphrase units with common limits of coefficient of rhythm from 9% to 51% with mean number of 25%.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Василиса Малова
Йошкар-Ола

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Литературный язык — язык оригинально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме. Важнейшей языковой категорией является слово. Р. А. Будагов пишет: «Когда среди широкой публики говорят о языке, то обычно думают прежде всего о словах, так как язык состоит из системы слов, распадается на слова, формируется в процессе взаимодействия слов» (1, с. 9).

В связи с этим правильным представляется ставшее широко известным определение значения слова, предложенное А. А. Смирницким: «Значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» (3, с. 89).

К проблеме значения слова непосредственно примыкает и проблема синонимов. В лексике любого языка имеется большое количество слов, обозначающих одни и те же предметы или явления действительности. Это синонимичные слова.

Языковеды дают разное толкование синонимов. Но для всех определений характерно существенное, что лежит в основе понимания синонимов. Синонимы — слова, близкие или тождественные по значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга смысловыми, экспрессивными, стилистическими оттенками.

В горномарийском языке, как и в других языках, существуют слова, различные по звучанию, но совпадающие в основе своих значений и отличающиеся друг от друга разнообразными дополнительными оттенками в значении. Например: *сусуэмаш — ӹвырташ* «радоваться», *пачкы — лывыргы* «сырой», *олен — кызырге — йывыштыл* «тихо», *пиш — когоп — чоте — пыток* «очень».

Эти слова отличаются или по своей эмоциональной окраске, или по частоте своей употребительности, или сочетаемостью с определенным кругом слов.

Группа слов, объединенных на основе общности в семантике, образует синонимический ряд. В синонимическом ряду как с двумя членами, так и в многочленных принято выделять основное слово, стержневое слово или доминанту. В качестве доминанты всегда выступает стилистически нейтральное слово, которое является простым наименованием без какого-либо оценочного момента по отношению к тому, что ею называется. Доминанта возглавляет синонимический ряд.

Слова, связанные синонимическими отношениями, образуют своеобразный ряд с широко колеблющейся амплитудой значений. В зависимости от отношений между членами синонимического ряда различают семантические, стилистические, семантико-стилистические, контекстуальные, абсолютные синонимы.

Абсолютные синонимы нейтральны в эмоционально-экспрессивном отношении. Главная особенность абсолютных синонимов заключается в их предельной семантической равнозначности, т.е. в полном совпадении их предметно-логического содержания. Без особого смыслового различия они употребляются один вместо другого в определенных контекстах.

Например: *Но цӱда, кызыт тӹ корны донок, тӹ пиш кого хӹдыртыш, рашкалтышвлӓ лошток кыдалына гӹнят, мӹньын сӹнзаэм анзылны ылшы военный картивлӓ вес статян лин миэныт* (4, с. 96). «Но чудо, теперь, хотя ехали по той же дороге, среди грохота и раскатов грома, военные картины перед моими глазами виделись уже по-другому».

Существительные *хӹдыртыш* и *рашкалтыш* объединены значением «гром». Они тождественны по значению.

Абсолютные синонимы употребляются в речи во избежание повтора одних и тех же слов.

Семантические синонимы, обозначая один и тот же предмет, один и тот же признак, одно и то же действие, различаются оттенками основного (денотативного) значения. Они выполняют дифференцирующую или идеографическую функцию.

Слова синонимической пары *пачкы — лывыргы* объединены общим значением «влажный». Дифференциация значения между ними заключается в разной степени содержания влаги (*пачкы мӱланды* «сырая земля» — букв. «мокрая земля»), лексическая единица *лывыргы* употребляется при показе содержания влаги в предмете в меньшей степени, например: *лывыргы мӱланды* «сырая земля».

Семантические синонимы употребляются для предельно точного выражения тончайших нюансов мысли.

Помимо дифференцирующей функции, синонимы могут выполнять стилистическую функцию, т.е. придавать речи разговорный или книжный характер, выражать положительную или отрицательную экспрессию. Синонимы, которые отличаются друг от друга стилистической окраской, называются стилистическими.

Например, слова *нераш и сырлаш* равнозначны. Основное слово *нераш* имеет значение «дремать», «клевать носом», *сырлаш* имеет значение «быть

в дремоте», «дремать», обозначает такое состояние, при котором хочется спать и невольно закрываются глаза. Глаголы *нераш* и *сырлаш* имеют одинаковое значение «дремать», но различаются стилями речи. *Нераш* слово нейтральное, литературное, с книжным оттенком, *сырлаш* относится к разговорному стилю.

Например: Анфисшы литымаш когон янгылен шынзын, ядыштмашешышты попымыжы лошток *сырла, нера* (2, с. 47) «Анфис очень сильно утомилась, когда ее спрашивают, отвечая на вопросы, у нее закрываются глаза, ее клонит ко сну».

Обобщая, можно сказать, что стилистические синонимы — это слова, тождественные по своему значению и различные по стилистической окраске.

В ряде случаев синонимы одновременно различаются оттенками значений и стилистической окраской.

В синонимическом ряду глаголы *алталаш — кылаш — чикташ* — имеют общее значение «обманывать». Опорное слово *алталаш* имеет значение «обманывать», «ввести в обман», «обманным путем действовать». Член синонимического ряда *кылаш* имеет значение «ввести в заблуждение», «поступить недобросовестно по отношению к кому-нибудь». Следующий член синонимического ряда *чикташ* имеет значение «обмануть чье-нибудь доверие, чьи-нибудь ожидания», «не оправдать чье-нибудь доверие, чьи-нибудь ожидания». Слова данного синонимического ряда отличаются и стилистическими оттенками. *Алталаш* слово нейтральное, литературное, с книжным оттенком; *кылаш* и *чикташ* относятся к разговорному стилю, имеют сниженный оттенок.

Например: Кулаквлӓ незервлӓм пиш *кылен* мыштат вет. Тӹтежы гӹнь нӹны кулакат агылеп. Курымышты *алталеныт*, незервлӓн шӱм ньӹгеныт. Кынамжы гӹнь нӹны незервлӓм лачокшымат жӓлайымыла чучыт. Тамавлӓмат нӹнылан пуат, вуйта пурым ӹштат. Анжет гӹнь, *алталат*, сӹнзагӹраток *чиктат* (2, с. 24) «Кулаки умеют обманывать бедняков. Без этого они и не кулаки. Всю жизнь обманывали, на шее у бедняков сидели. Иногда кажется, что они действительно жалеют бедняков. Всякое им дают, как будто добро делают. А смотришь, вводят в обман, откровенно преступают свои обещания».

Таким образом, семантико-стилистические синонимы предполагают не только общность в семантике обозначаемого явления объективной действительности, но и дифференциацию в смысловом значении и стилистической окраске.

В художественных текстах на общей образной основе часто семантически и стилистически сближаются, выступая в качестве синонимов, слова, не составляющие в литературном языке синонимического ряда. Это случаи так называемой индивидуально-авторской, контекстной синонимии. Вводимые в текст индивидуальные авторские синонимы интересны в смысле самого состава речевых средств и их происхождения.

Например, глаголы *анжаш* и *оролаш* имеют общее значение «следить». Опорное слово *анжаш* имеет значение «смотреть», «наблюдать за кем-либо», *оролаш* имеет прямое значение «сторожить», но в переносном значении употребляется как «смотреть, наблюдая». Соответственно, эти разные по прямым значениям слова могут иметь в определенном контексте одинаковое значение «следить».

Пример: *Кок йылыш сӹнза седок вӹлкыжы анжа, орола* (2, с. 76) «Два горящих глаза все время на нее смотрят, следят».

Согласно вышеизложенному, можно заключить, что контекстуальные синонимы — слова, сближающиеся своими значениями в условиях контекста.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что под синонимическими средствами разумеются эквивалентные и соотносительные речевые средства, представляющие для говорящего или пишущего возможности выбора. В каждом синониме представлено и то общее, что позволяет его ставить в параллель с другими словами, и то частное, своеобразное, специфическое, что отличает его от других. Таким образом, существование синонима оправдано его смысловой спецификой и стилистическим своеобразием, что играет большую роль в создании и выражении специфики художественного стиля, в реализации эстетической функции языка в этой сфере и в способах художественно-образной речевой конкретизации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. Москва, 1965.
2. *Игнатьев Н. В.* Комсомол ӹдыр. Йошкар-Ола, 1980.
3. *Смирницкий А. И.* Значение слова // Вопросы языкознания, 1995, №2.
4. *Ильяков Н. Ф.* Фронтовой запискывлӓ // Айырен нӓлмы произведенийвлӓ. 3-шы том. Йошкар-Ола, 1994.

Vasilisa Malova

LEXICAL SYNONYMS IN HIGHLAND-MARI

Equivalent and correlative speech means, presenting for speaker or writer an opportunity of choice are understood under synonymic means. In each synonym the common thing is presented, which allows to put it in the parallel with other words, and also the particular, distinctive and specific one, which distinguishes it. The existence of synonyms is proved by its semantic specificity and stylistic peculiarity that plays a great role in creating and expressing the spesificity of belles-lettres style, in realization of aesthetic function of language in this sphere and also in ways of figurative conctrete defenition.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА ЮРЬЁ ВИХМАННА К МАТЕРИ*

30.10.1905. Село Еласы, Козьмодемьянского уезда, Казанской губернии.

Дорогая Мама!

Большое спасибо (за посланное в Казань) письмо (от 15-го числа), которое мы получили будучи проездом в городе Козьмодемьянске. Никаких других писем или открыток мы не получали от мамы — ни из Будапешта, ни отсюда из России. Они, видимо, остались лежать в какой-нибудь почтовой конторе в Будапеште или в России.

Мы благополучно добрались до Казани (несмотря на волнения и забастовки на железных дорогах Москвы и Казани, по которым как раз мы ехали), были в указанном городе почти две недели из-за различных дел по подготовке нашей поездки. В пятницу мы выехали из Казани пароходом по Волге на запад до маленького городка Козьмодемьянска, куда прибыли в субботу вечером (из-за тумана пароход не мог продвигаться). В Козьмодемьянске мы выяснили у властей и знающих людей, какая деревня подошла бы для нас как место пребывания. Начальник уездной полиции послал полицейского разузнать, и в результате мы выбрали село Еласы в 23 верстах южнее Козьмодемьянска, которое оказалось для нас очень подходящим. Мы получили жилье у мастера по замкам (русского), а его жена готовит обеды нам довольно хорошо. Голод только там, где был плохой урожай (неурожай на рожь). Болезней здесь тоже нет. С нового года в эту деревню приехал земский врач. Так что нет никаких опасностей. Переводчиком у меня приличный и трезвый (вообще-то здешние черемисы любят выпить) черемис-крестьянин, которым я доволен. Думается, что мы задержимся здесь по меньшей мере на три месяца, т. е. до конца января. Затем поедем севернее реки Волги, в местность, где имеются безлесные поля.

---

* *Юрьё Вихманн* (1868—1932) — известный финский лингвист в области финно-угорского языкознания, совершивший много научных путешествий к финно-угорским народам. Данная публикация — письма Юрьё Вихманна, написанные во время длительной научной экспедиции 1905—06 годов к марийцам. Публикация посвящается 90-летнему юбилею этой экспедиции в Марийский край. Перевод Э. Н. Лебедевой.

В Козьмодемьянске мы получили полдюжины писем из Финляндии (из Оулу, Лахти, Хельсинки), и все письма были написаны в один день, 15 октября.

Каковы успехи в школе у Эйнара в Оулу? Наверное, сразу после Рождества свадьба? Приехал ли Леннарт из Куусамо? Переезжает ли Лейкки в Пюхайоки? Как живут Ууно-Беттюля? Юлия посылает фотографию Бетюле и передает привет (как Бетюле, так и Ууно); в следующих письмах она по очереди отправит и другим сестрам. Кстати, Юлия очень хорошо перенесла утомительную дорогу и отлично себя чувствует. В дороге она узнала много нового, незнакомого и забавного, последним был первый снег, который выпал сегодня утром и который густо покрыл землю (в Будапеште снег — очень редкий гость).

Сердечный привет вам всем, большим и маленьким! Юрьё.

Еласы 22.1.06.

Дорогая Мама!

Большое спасибо за письмо (от 6.1), которое получил пару дней тому назад. В пути из Оулу до Козьмодемьянска это письмо находилось 10 дней; из Хельсинки свежие газеты идут сюда неделю (из Козьмодемьянска получаем почту два раза в неделю). Как я уже сообщал в открытке, живем мы очень хорошо. Во время забастовки работников почты и железной дороги нам было, конечно, очень скучно: 1) потому что мы не получали ни газет, ни писем, 2) по причине того, что задерживались деньги. Когда наконец-то деньги, письма и газеты пришли, они были такими долгожданными. Да, здесь, в России, можно жить, если только имеются деньги. Третья досада то, что хозяйка дома, жена мастера по замкам, заболела воспалением легких. Вследствие этого мы были вынуждены отгородить угол, где она находилась. Затем она выздоровела, хотя она уже старая и во второй раз заболела этой болезнью. Конечно же, мы пытались контролировать, чтобы ее лечили как следует. Во время болезни хозяйки все хозяйство легло на плечи ее дочерей, и тогда Юлия часто помогала им готовить обеды. Других досад у нас не было. Происшедшие здесь, в России, забастовки, по моему мнению, подавлены. Революционеры совершили большую ошибку, начав вооруженное восстание, так как оказалось, что они не имеют представления о настроениях деревенских жителей и большей части населения, которые хотят реформ и улучшений, но не восстаний. Во время первой большой забастовки были еще сочувствующие среди населения, но в следующих случаях их уже не было. Да, забастовка — это жесткое оружие, но двустороннее и опасное, и оно может оказаться гибельным для тех, кто им пользуется. Идет какая-то эпидемия, но это все же временно ограничено киргизскими степями, и это еще нам неопасно. Постоянно слежу в казанских газетах, из которых можно увидеть, становится ли наше положение опасным. Так что пока наме-

реваюсь спокойно продолжить здесь свое исследование и через месяц переехать севернее, в Вятскую губернию.

Было приятно узнать о свадьбе Эйнара и Тойни. Посылаем им наши сердечные поздравления. Выдержал ли Эйнар экзамен по финскому языку?

Юлия посылает фотографию и привет Лекки. Если Лекки переехал на юг (Атсари?), то пошлите туда. Какой у Лекки адрес?

Сердечный привет вам всем! Всего наилучшего вам и не беспокойтесь за нас!

Юрьё. Адрес прежний.

Дорогая Мама!

Я уже поняла много слов из вашего предыдущего письма на финском языке, и очень обрадовалась, что Вы из-за меня написали по-фински. Спасибо! Мне бы хотелось выучить финский язык прежде чем мы поедем в Финляндию, иначе мы не поймем друг друга и не сможем разговаривать. У меня есть время, чтобы выучить, но изучение продвигается очень медленно.

Вы думаете, что у вас есть девять сыновей и две дочери, не так ли? Но посчитайте снова! У Вас есть девять сыновей и девять дочерей!

Большой привет! Ваша Юлия.

P.S. Моя мама написала из Будапешта и велит передать привет и пожелать Вам счастливого нового года. Моя мама не получила Вашего письма, оно пропало на почте.

Люмпанур (Яранского уезда) 4.3.06

Дорогая Мама!

Как я уже сообщал в открытке (из маленького города Царевосанчурска), мы находимся в Черемисском селе Люмпанур, которое находится в 26 верстах западнее вышеупомянутого города. Наша поездка от Елас до Царевосанчурска (около 120 верст) во всех отношениях прошла очень хорошо. Мы ехали через город Козьмодемьянск, затем через Волгу, на северную половину, и после этого мимо обширных лесных массивов (леса площадью около восьми миль, то там, то здесь деревни, среди них одно село). Погода была холодная, но поскольку у нас есть утепленные шубы, то нам не было холодно. Ехали мы на четырех лошадях: одна пара лошадей везла нас, другая — наш багаж. Извозчиками у нас были два черемиса из села Еласы.— В Царевосанчурске мы пробыли два дня: наводили справки и делали покупки.— Живем сейчас у одного черемиса, который является владельцем постоялого двора в этом селе. У него есть один дом, разделенный на три части, из которых одна часть полностью в нашем распоряжении. Хозяин, хозяйка и их сын (20 лет) обитают во второй части. Кухня — в первой части, с печью, где Юлия все утро хлопо-

чет вместе с хозяйкой в вышитом платье, сейчас она сама готовит все обеды, надо сказать хорошо,— особенно хорошо, если учесть то, что здесь не так легко достать все необходимые продукты (мяса мы привезли с собой из города в большом количестве). Совсем не знал, что она умеет готовить. Сама Юлия хлопочет с удовольствием, так как движение обозначает здоровый образ жизни.

Мои исследования здесь продвигаются быстро, так как этот диалект сравнительно близок к тому диалекту, с которым ознакомился в Еласах. Попробую уехать отсюда уже в последний день марта на новое место, где другой черемисский диалект, в Уржумский уезд (где в 1891—92 годах исследовал вотяков в Карлыгане).

Почта приходит сюда из Хельсинки за восемь дней, так что успею и здесь получить от вас письмо. На всякий случай ниже укажу свой адрес.

Мамино длинное и приятное письмо от второго февраля получил; большое спасибо за это (длинное письмо дяди тоже получил, за которое его поблагодарил). Юлия особенно благодарна тому, что Мама ради нее написала по-фински. Изучение финского языка здесь у нее продвигается медленно, так как приготовление пищи отнимает у нее много времени. Легче удаются ей этнографические исследования (женской одежды и т. д.), так как мы живем в черемисской семье.

Ничего другого. Сердечный привет вам всем! Большой привет от Юлии.

Юрьё.

Село Сернур Уржумского уезда Вятской губернии, 28 марта 1906 года.

Дорогая Мама!

Вчера благополучно добрались до этого села. Выехали из Люмпанура еще 24-го, но пару дней задержались в маленьком городке Царевосанчурске (откуда я послал маме открытку). Поездка от Царевосанчурска досюда (145 верст) длилась полтора дня, так как дорога уже плохая ввиду ранней весны и из-за чего мы не смогли поехать по прямому пути. Всю дорогу шел дождь, но поскольку мы уехали в закрытых санях, то нам самим это не очень помешало. Немного промок наш багаж, который везли в открытых санях.

В Люмпануре я спешил завершить работу, так как боялся, что скоро испортится дорога. Особенно хорошо было то, что успел сюда приехать прежде, чем размоет дороги, когда во многих местах становится почти невозможным совершать переезды. Теперь мы находимся здесь на новом исследовательском месте, и пробудем здесь, думается, до конца мая.

Жилье себе мы еще не выбрали. Временно живем у одного бывшего торговца. Через два-три дня надеемся получить постоянную квартиру, когда отец их семейства вернется из поездки.

Сернур — это сравнительно большое село с церковью. Большинство

жителей — черемисы, однако вокруг церкви живет несколько русских мелких торговцев и служащих. Здесь есть больница и врач. Нет недостатка в компании, если мы захотим пообщаться. Переводчика еще не успел получить, думается, уже завтра он будет.

Юлия посылает вам большой привет и велит меня попросить, чтобы мама наняла нам повара, когда мы вернемся в Финляндию (через два с половиной года). Именно от меня она слышала, что мама когда-то нанимала служащих родственникам и знакомым. Шутки ради Юлия посылает им привет, но здесь есть и доля правды.

Корреспонденций еще не получал, потому что последняя почта по ошибке послана в Люмпанур, тогда как оттуда я уже уехал. Прежде чем эти письма придут сюда, проделав круг, может пройти неделя, другая. В данный момент живу в неведении, что происходит в мире. Здесь почтовое сообщение хорошее — два раза в неделю.

Всего наилучшего! Сердечный привет вам всем! Юрьё.

Сернур 18.04.1906

Дорогая Мама!

С последней почтой получил от мамы два письма: одно датировано 3 марта, другое — 17 марта. Они задержались в Люмпануре, там трудности с почтовым сообщением, затем пришли сюда. Здесь почтовое сообщение очень хорошее: получаю почту два раза в неделю. Почти каждый раз получаю письмо или открытку, кроме этого, регулярно получаю газету «Хельсингин саномат» и одну русскую (казанскую) газету. Юлия получает два раза в неделю венгерские газеты. Пару недель назад написал уже отсюда письмо, из которого вы узнали, что мы добрались сюда благополучно, но по размытой колее. Весна здесь наступила рано, но длится долго, а по ночам бывают еще слабые заморозки. Снег лежит еще везде, но его уже немного. Через пару недель, думается, можно будет ездить на телеге.

Живем у одного состоятельного торговца, в отдельной маленькой постройке, где имеются две комнаты и кухня. Одна русская женщина ходит к нам на службу: приходит в половине седьмого утра и уходит домой в половине пятого вечера. На ночь всегда приходит к нам спать один черемис — надежный старик, в некотором роде сторож.

Мой переводчик — один молодой крестьянин-черемис — очень хороший исполнитель: умен, достаточно хорошо владеет русским языком и не пьяница.

Много хлопот доставил этот обильный снегопад Эмилю. Немалое это дело — переехать на Кавказ. Надеемся, что он через несколько лет еще получит передвижение по службе на юг.

От Акселя получил сейчас письмо, где он приложил фотографию Элны и Кюлли (чем сильно обрадовал Юлию). Аксель сообщает, как и предпо-

лагает мама, переехать на лето в Атсари. Брату там будет прекрасно. Интересно было узнать, что Лейкки так хорошо чувствует себя в Атсари.

От дяди также получил сейчас письмо. Из газет узнал, что в соревнованиях по лыжам среди студентов университета он показал наилучшие результаты. Из газет также узнал, что Ууно работает сейчас в северном шведском приходе Хельсинки. Это хорошее дело. Было бы прекрасно, если бы вы переехали в Хельсинки. Юлия тоже очень хочет, чтобы вы переехали в Хельсинки.

Каковы планы на лето у мамы? Атсари — Лахти — Леппавирта — Куопио — Лапинлахти — Кайаани — Оулу, или что? Это был бы прекрасный маршрут.

Сердечный привет вам всем! Всего наилучшего! Юрьё.

P.S. В качестве приложения Юлия посылает фотографию Тойни и Эйнару и просит передать им сердечный привет.

Морки 11.6.06

Дорогая Мама!

Самые наилучшие поздравления Маме по поводу 65-летия со дня рождения 21-го числа этого месяца! Да пошлет Маме Бог еще много счастливых лет жизни!

Как уже сообщал в открытке, доехали из Сернура сюда благополучно. Село Морки в какой-то мере большое: здесь есть торговцы (татары и русские), служащие, больница, аптека, врач, еще и водяная мельница. Большинство крестьян являются черемисами, но есть и русские. В округе, в соседних деревнях повсюду черемисы. Жилье получил у полицейского: сам полицейский сейчас служит в низшем чине в городе, а его жена с детьми находится дома. В нашем распоряжении довольно большая огороженная комната в качестве гостиной, маленькая прихожая, приятная веранда и сад. Кроме этого, Юлия пользуется кухней столько, сколько ей нужно. Мы очень довольны нашим жильем. Переводчиком у нас один черемис-крестьянин из близлежащей деревни, который довольно плохо владеет русским языком: к счастью, я уже немного знаю черемисский язык, так что это обстоятельство не является большим затруднением.

Пробудем здесь весь июнь. 1 июля уезжаем в Казань (отсюда до Казани около 8 миль), где задержимся несколько дней. Оттуда поедем (большей частью на пароходе) в деревню Кильмезь Малмыжского уезда Вятской губернии, где живет вышеупомянутый господин Забудский.

Мы здоровы и чувствуем себя хорошо. Погода жаркая и сухая. К счастью, вчера прошел дождь, и возможно, еще будет дождь. Было бы хорошо. Иначе будет неурожай (в прошлом году был неурожай из-за сырости).

Догадываюсь, что Мама сейчас уже у Ассари и Анны в Кайаани и адресую свое письмо туда. Ассари, Анне и Атсо сердечный привет от нас, а также благодарность за письма. Пусть это письмо будет также ответом на их письмо.

Мама, было хорошо, если бы Вы сообщили в следующем письме, сколько процентов надо заплатить Боргу (30 марок?). Когда получу сведения, тогда мой представитель (Эйнар Бек) вышлет эту сумму маме.

Сердечный привет вам всем!

Юрьё.

Дорогая Мама! Я также желаю Вам счастья по поводу 65-летия, (и надеюсь, что много раз смогу поздравить Вас, однако не так, а персонально. Сердечные поздравления! Юлия.

Морки 14.6.06

Дорогая Мама!

Получил мамино письмо 7-го числа этого месяца. Напишу сегодня письмо моему представителю в Хельсинки, Эйнару Беку, чтобы он послал вексель (500 марок) и двухгодичный процент (60 марок) Ууно в Оулу. Посмотрим, успеет ли это дойти, так как мама написала об этом так поздно. Надеюсь, что Ууно в любом случае позаботится об этом деле.

Здесь, среди черемисов; не слышно никаких волнений и беспорядков, а я живу среди черемисов. Да, я читал в газете («Хельсинги саномат») новость о том, о которой и Мама прочитала; но это преувеличение и частично не имеет оснований. В этой местности совершенно спокойно. Российские оппозиционные газеты (откуда происходят новости «Хельсингин саномат») заметно сильно приукрашивают, преувеличивают, обманывают для лучшей убедительности читателей. Однако, конечно, считаю, что будут беспорядки, если будет конфликт между думой и министрами. Если почувствую, что наше положение становится угрожающим, то мы уедем отсюда — не через Архангельск, по дорогостоящей и неудобной дороге, а обычным средством передвижения — на пароходе по Волге до Рыбинска и оттуда через Петербург. Однако мы еще можем оставаться здесь.

Больше написать на этот раз не успеваю. Последней почтой два дня тому назад отправил Маме письмо в Кайаани. Сердечный привет от нас обоих вам всем. Юрьё.

Морки 9.7.06

Дорогая Мама!

Большое спасибо за письмо от 20 июня (из Кайаани). Из него понял, что два последних моих письма нормально дошли до вас.

Сегодня завершил свою работу здесь и завтра уезжаем отсюда в Казань (7 с половиной миль), откуда затем через пару дней мы продолжим поездку (большей частью на пароходе по Волге, Каме и Вятке) в Кильмезь (где также живет мой знакомый Забудский).

Из-за внезапной перемены погоды здесь распространена дизентерия, которой мы оба переболели. Болели несколько дней, однако не одновременно. Старый врач нас вылечил. Юлия оказалась также замечательной медсестрой.

21 июня мы отметили Мамин день рождения. Юлия вытащила Мамину фотографию, украсила ее красными цветами герани (других не оказалось под рукой), и поставила фотографию на стол.

Здесь сейчас прошли дожди, которые немного улучшат урожай.

Кильмезь, куда мы сейчас отправляемся, является последним местом исследования черемисов. (Там есть как почта, так и телеграф.) По окончании там исследований в конце августа свою работу по черемисам считаю выполненной. После этого следующие полгода у вотяков, полгода у зырян и один год на юге (в Румынии, Австрии и Венгрии). Если политическая ситуация в конце августа еще будет такой же нестабильной, как сейчас (точнее если не будет какого-нибудь примирения между думой и правительством), то думается, что тогда изменю последовательность своего маршрута так, что сначала поедем на юг, а затем через год, когда, вероятно, ситуация несколько улучшится, вернусь в конце года к вотякам и зырянам. Однако, конечно, с удовольствием хотелось бы продлить здесь свое пребывание еще на год. Если все-таки изменю свои планы так, как указал выше, то, думается, встретимся в начале сентября, потому что мы намерены поехать на юг через Финляндию.

На этот раз достаточно. Сердечный привет вам всем от нас обоих. Юрьё.

Большой Кильмезь (Малмыжского уезда Вятской губернии) 20.7.06

Дорогая Мама!

Из Казани выехали 12-го числа этого месяца пароходом до Малмыжа. Из-за опоздания поездка на пароходе длилась двое суток. Погода все время стояла очень хорошая, еще слишком теплая. Из Малмыжа доехали сюда за семь часов (шесть миль). Когда мы приехали, Забудские были в отъезде (в гостях у родственников), еще не вернулись домой. Они приедут домой, возможно, сегодня или завтра.

Это большая деревня с церковью, наполовину русская, наполовину черемисская (здесь живут и татары). Все они служащие; есть почта и телеграф. (Почта приходит сюда два раза в неделю).

Мы получили очень хорошее жилье у одной вдовы (вдовы лесника). Находимся на полном обеспечении, и пища очень хорошая и чистая. Хо-

зяйка дома — чудо, очень аккуратный человек, что во всех комнатах очень чисто и уютно. Она очень подвижная, держит пять лошадей (владеет постоялым двором), а также скотину (сама доит корову, сама моет полы в комнатах, хотя у нее есть 3 прислуги, дочь, два батрака и старуха-помощница). Хорошо, что нам здесь досталось такое жилье, где мы получаем нормальную пищу, и Юлия может немного отдохнуть.

Здесь пробудем, как уже, возможно, упоминал, до конца августа или начала сентября. Затем в любом случае сначала поедем в Казань.

Получил от Эйнара Бека открытку, в которой он сообщил об отправлении Ууно в Оулу необходимой суммы денег (560 марок). Надеюсь, теперь дело сделано. Сердечная благодарность за долгосрочный заем.

Сердечный привет Ассари, Анне, Атсо. Всего наилучшего!

Юрьё.

P.S. Что беспокоит Эмилию и Юрьё, так как от них ничего не слышно? На два письма не получили ответа.

Дорогая Мама! Сейчас по-прежнему прилежно изучаю финский язык, поскольку для этого есть время. Здесь было очень жарко, так что очень трудно. Впрочем, мы здоровы. Сердечные пожелания! Юлия.

Б. Кильмезь 2.8.06

Дорогая Мама!

Большое спасибо за последнее письмо, которое Мама послала из Лапинлахти (16.7). Поскольку считаю возможным, что Мама все еще находится в Лапинлахти по поводу собрания родственников, эти строки адресую туда.

После того, как отправил последнее письмо, произошел роспуск Думы. Поскольку не считаю, что наступающей зимой будут беспорядки, то решил отсюда поехать через Финляндию на юг (в Румынию, Австрию и Венгрию) примерно через две недели, то есть сразу после того, как завершу свою работу в этой деревне. Не хочу прерывать свою работу раньше, так как здешний диалект черемисского языка очень важен. Не думаю, что в августе состоятся большие забастовки рабочих железной дороги и пароходства, поэтому надеемся, что спокойно доберемся до Финляндии. (Считаю, что оппозиционные партии сэкономят свои силы для их применения позднее). Если все-таки забастовки начнутся до нашего отъезда, то мы спокойно дождемся их окончаний. В этой местности все это время — во время беспорядков прошлой осенью — было спокойно. Примерно через три недели приедем в Финляндию, сначала в Лахти (в том случае, что Эмилия и Юрьё будут дома) и затем в Оулу. В Финляндии не задержимся больше двух-трех недель.

Семья Забудских относилась к нам очень дружелюбно. Время от вре-

мени ходим к ним в гости. Пару дней тому назад совершил поездку в одну деревню для ознакомления с тамошними черемисами.

Мы оба здоровы. О нашем жилье и питании написал еще в последнем письме, что этим очень довольны.

Догадываюсь, что собрание родственников было очень приятным. Да, мы об этом еще услышим после нашего приезда в Финляндию.

Сердечный привет тете Марье и дяде Йоозефу, двоюродным братьям и сестрам, всем остальным находящимся там близким и родственникам от нас обоих.

Юрьё.

Сердечный привет! Юлия.

«Финно-угроведение», 1996, №4.

ПЕРСОНАЛИИ

ВИКТОРУ АНДРЕЕВИЧУ БАЛАШОВУ — 60 ЛЕТ

Известный историк, этнограф, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, Международной педагогической Академии, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый проректор Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева. В. А. Балашов родился 1 января 1937 года в мордовском селе Зарубкино Зубово-Полянского района Республики Мордовия в крестьянской семье.

Виктор из детей был старшим. Рано он стал помощником отцу и матери в нелегких домашних делах. Виктору как старшему приходилось работать по дому: присматривать за младшими братьями, ухаживать за скотом, готовить дрова, носить воду и выполнять много других работ. Детские годы Виктора, как и всех его сверстников, были отягощены начавшейся Великой Отечественной войной.

С юных лет Виктор познал, что трудности преодолеваются напряженным и устремленным трудом. Этому он научился у своего отца Андрея Алексеевича.

Трудолюбие отца Виктору передалось сполна. Ему нравилась и отцовская гармонь. На ней стал играть так, что прослыл первым гармонистом на селе. Учительница Зарубкинской школы А. Д. Касаткина с особой теплотой вспоминала Витю Балашова как прилежного, старательного, интересующегося ученика. Такие ребята были гордостью школы.

После окончания семи классов Виктор Балашов в 1951 году поступает учиться в Зубово-Полянское педучилище. Здесь он с огромным усердием осваивает азы и тайны учительской профессии. Успешное окончание педучилища побудило Виктора к более глубоким знаниям. И в 1955 году он поступает на историко-филологический факультет Мордовского госпединститута, преобразованного в 1957 году в Мордовский госуниверситет.

Студенческая жизнь сельского паренька не баловала. Нередко приходилось подрабатывать на насущные нужды. Виктор Балашов, будучи студентом, несмотря на многие трудности, полностью отдавал себя учебе. С особым интересом он слушал лекции известных историков М. Г. Сафаргалиева, М. Н. Шатунова, М. А. Носкова, И. И. Лягушенко, А. Я. Коко-

вина, всемирно известного литературоведа, философа М. М. Бахтина, литераторов Л. Г. Васильева, В. Б. Ефстифеевой. Большую часть времени засиживался в университетской и Пушкинской библиотеках, готовился к семинарским занятиям, писал доклады, курсовые работы и дипломное сочинение.

В студенческие годы Виктора Балашова стала привлекать и научная работа. Он активно работал в научном студенческом кружке.

В 1960 году Виктор Андреевич успешно окончил Мордовский госуниверситет и был направлен учителем истории школы №78 станции Кизёма Северной железной дороги Архангельской области. Здесь он проработал только один год. В 1961 году Виктор Балашов был призван в ряды Советской Армии.

В 1962 году он заканчивает армейскую службу и возвращается к педагогической деятельности в должности директора средней школы при войсковой части в Кабардино-Балкарской АССР.

Работая далеко от родных мест, Виктор Андреевич не переставал думать о родной Мордовии, ее истории, культуре своего народа. И решение созрело. Он окончательно переехал в Мордовию. После успешной сдачи экзаменов в октябре 1964 года Виктор Андреевич становится аспирантом Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики по специальности этнография. Главный итог аспирантских лет — написание кандидатской диссертации «Преобразования в культуре и быте мордовского колхозного крестьянства за годы советской власти», успешно защищенной в Институте этнографии АН СССР в 1969 году.

Виктор Андреевич вошел в ряд ученых этнографов, историков, сделавших немало в изучении истории, духовной культуры и быта современной сельской мордвы. Имя В. А. Балашова, уже первые его научные работы, опубликованные в 60-х гг.,— «Современный культурный облик села Новые выселки» (1966), «Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа», Советская этнография (1968, №1), «Современная мокшанская семья» (1968), «Мордва-эрзя Башкирии и Татарии» (1968) — стали широко известны не только в Мордовии, но и за ее пределами.

Защитив кандидатскую диссертацию, В. А. Балашов не остановился, а продолжил свои научные изыскания, но уже сочетая с преподавательской деятельностью в вузе.

В 1967 году он был направлен на работу ассистентом кафедры истории СССР Мордовского госуниверситета. С июня 1969 года стал старшим преподавателем, а с ноября 1970 — доцентом, был заместителем декана историко-географического факультета.

В июне 1991 года он возглавил исторический факультет, в феврале 1992 года был избран заведующим кафедрой новейшей истории народов России, а с 15 февраля 1992 года назначен проректором, затем первым про-

ректором — проректором по учебной работе Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева. Таковы шаги на педагогическом поприще.

В 70-е — 80-е годы В. А. Балашов настойчиво продолжает разрабатывать свою научную тематику. Многое из того, что было добыто в полевых экспедициях, архивах, музеях, изучено, проанализировано, обобщено и вошло в книгу «Культура и быт мордовского колхозного села» (1975). Появление этой книги показало научной общественности, читателю лицо автора как утвердившегося ученого, талантливого исследователя.

В указанные годы В. А. Балашов публикует многочисленные научные труды в центральных и местных журналах, сборниках статей, коллективных монографиях, участвует во многих научных конференциях, в том числе и международных по проблемам финно-угроведения.

Пристальное внимание специалистов и широкого круга читателей привлекли его работы: «Общественный быт мордовского колхозного села» (1976), «Преобразования села Мордовии» (1979), «Мордва: историко-этнографические очерки» (1981), «Духовный облик современного села» (1985), «Облик современной семьи. Социально-демографические и этнические аспекты» (в соавт., 1987), «Историография бытовой культуры Мордвы» (1990) и др.

К началу 1990-х годов была написана и докторская диссертация «Быт сельской мордвы: история, современное состояние, тенденции развития (1960—1980 гг.)», защищенная в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

В 1992 году осуществилась заветная мечта ученого. Была опубликована его монография «Бытовая культура мордвы: традиции и современность». Этнографы и историки высоко оценили выход практически первого обобщающего историко-этнографического исследования быта сельской мордвы во всем его многообразии. По мнению специалистов, научная новизна книги состоит в том, что в ней по существу впервые конкретизируются теоретико-методологические принципы исследования этносоциальной общности применительно к бытовому укладу жизни сельской мордвы, отчетливо показывается действие целой группы факторов на функционирование многокомпонентного быта, его традиций и новаций.

Весьма ценно и то, что в книге определена новая точка зрения по совершенствованию теоретического и методологического подхода к изучению феномена этнокультурной преемственности в структуре бытовой жизнедеятельности мордвы на селе. Впервые на основе большого и репрезентативного эмпирического материала конца XIX—XX веков проанализированы процессы типологического и структурного изменения сельского быта мордвы в контексте этнокультурных взаимодействий. Ярко нарисована интересная и живая картина развития бытовой культуры мордовского села и сельчан почти за полуторавековой период их истории.

Неоспоримая ценность этой работы заключается в том, что в ней четко зафиксирован традиционный слой бытовой культуры мордвы, который,

как известно, в условиях современной урбанизации довольно интенсивно размывается и трансформируется. Естественно, выявление позитивных сторон народной культуры сделает возможным их внедрение в нашу повседневную жизнь. Неслучайно, богатый эмпирический материал и сделанные по нему выводы, вошедшие в программу по изучению традиций и новаций в культуре этноса (автор В. А. Балашов), учитывались при разработке общероссийской научно-исследовательской программы: «Народы России: возрождение и развитие», утвержденной постановлением Госкомитета по делам науки и высшей школы от 12.03.1991 г. Они и сегодня могут быть использованы соответствующими органами управления республики, занимающимися проблемами управления этнокультурного развития.

Написать работу такого характера, такой полноты раскрытия исследуемых проблем В. А. Балашову удалось еще и потому, что он вполне серьезно осознал крайнюю необходимость спасения и сохранения для будущего уникальной и неповторимой культуры своего народа. Эту книгу без преувеличения можно отнести к существенным достижениям Российской этнографической науки. Ее не без основания считают примером комплексного исследования, в котором автор на высоком профессиональном уровне использовал многочисленные данные не только этнографии, но и археологии, лингвистики, фольклора и истории для глубокого и всестороннего раскрытия поставленных проблем.

В. А. Балашов написал свыше 90 научных работ. В том числе 7 монографий, 5 из них в соавторстве. Труды В. А. Балашова вносят значительный вклад не только в этнографию и историю мордовского края, но и в целом финно-угристику. Его работы написаны по замыслу и постановке проблем, оригинальны по исполнению, отличаются творческим подходом к анализу исследуемого материала, яркой и доступной формой изложения, принципиальной авторской позицией. Они написаны в лучших традициях отечественной исторической науки, являются актуальными и новаторскими, заставляют читателя размышлять и задумываться о прошлом и будущем, формируя его историческое сознание на основе объективных научных данных.

В тридцатилетней вузовской деятельности В. А. Балашова большое место занимает не только исследовательская, но и большая научно-организаторская, педагогическая и общественная работа. Его знают как инициативного и умелого руководителя, организатора науки, опытного высококвалифицированного педагога, требовательного и доброжелательного редактора, крупного общественного деятеля.

В. А. Балашовым разработан ряд спецкурсов и спецсеминаров по отечественной истории периода феодализма и историографии (1917—1990 гг.).

Профессор В. А. Балашов возглавляет научную школу по проблемам «Этнокультурные процессы конца XIX—XX вв.», руководит аспирантами, выступает оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций, ведет большую редакторскую работу. Он активно участвовал в ре-

дактировании более десяти крупных монографических изданий и многих научных статей, является членом редколлегии ряда печатных органов, в т. ч. журналов «Финно-угроведение», «Вестник Московского университета». Много времени, сил, знаний и опыта отдает общественной работе как член коллегии Министерства образования, член общественного совета при комитете по делам национальностей Республики Мордовия, председатель Совета по защите кандидатских диссертаций по специальности «Отечественная история» и «Этнография» в Мордовском госуниверситете.

Будучи первым проректором университета, он особое внимание обращает на совершенствование организации и управления учебно-методическим процессом. В последние годы в университете заметно осуществляется реконструирование учебно-методической службы, более четко определена методология учебного процесса, усилена роль кафедр как научно-методических центров. В учебный процесс активно внедряются новые нетрадиционные формы обучения и контроля знаний студентов, поощряется свободное творчество профессорско-преподавательского состава.

Научно-методический коллектив, созданный В. А. Балашовым из числа ведущих ученых педагогов университета, разработал концепцию педагогического образования и систему послевузовской самоподготовки специалиста, успешно ведет исследования по теме: «Университеты как ведущие центры региональных систем образования, науки и культуры».

Профессор В. А. Белашов автор и редактор многих учебных и учебно-методических пособий, учебных планов и программ, методических указаний. В соавторстве им написаны «История Мордовской АССР» (1984), «Концепция развития университетского образования в России в к. XX — н. XXI вв.» (1992), «Методология процесса обучения в университете» (1992), «Оптимизация университетского педагогического образования на современном этапе» (1993), «Нетрадиционные формы и методы обучения и контроля качества знаний» (1994), «Историография Отечественной истории» (1994).

1994 год в жизни профессора В. А. Балашова памятен и тем, что в ноябре он был избран действительным членом Академии социальных наук. Этим самым общее собрание академии признало его заслуги в развитии социальных наук. В университете и в Республике Мордовия появились первые академики, ученые, признанные широкой научной общественностью всей страны. Это новое явление и в культурной жизни мордовского народа.

Академик В. А. Балашов продолжает научно-методические изыскания. Не осталась незамеченной читателем коллективная монография «Университетское педагогическое образование: проблемы и перспективы развития» (1995). Она открывается статьей академиков Н. П. Макаркина и В. А. Балашова, посвященной анализу системы университетского педагогического образования и тенденций его развития. Ученые со всей остротой поднимают проблемы, требующие решения. Они отмечают несоответствие уровня современной подготовки специалистов в высшей

школе социальным, экономическим и нравственно-этическим запросам общества, указывают трудности реформирования высшей школы, констатируют отсутствие четких прогнозов и моделей перспективных специализаций по остродефицитным направлениям, недостаточный учет в существующих программах региональных особенностей системы педагогического образования, отсутствие объективной диагностики качества профессиональной подготовки педагогических кадров. Все это, по мнению авторов, отрицательно сказывается на формировании высококвалифицированных педагогов для современной системы образования. Следовательно, нужны огромные приоритетные усилия как государства, так и всей общественности и лишь совместными усилиями уровень университетского педагогического образования можно привести в соответствие с требованиями современного общества.

В 1995 году вышла книга «Мордва. Историко-культурные очерки». Рецензенты эту книгу по праву назвали своеобразной энциклопедией культуры мордовского народа. Инициатором, организатором, ответственным редактором и одним из авторов этого оригинального издания является академик В. А. Балашов.

В. А. Балашову как ответственному редактору удалось объединить многочисленных авторов разных специальностей для решения многосложной задачи — написать историко-культурные очерки мордвы с древнейших времен и до наших дней. Книга получила многочисленные, в целом положительные, читательские отзывы в прессе. Она добротно издана Мордовским книжным издательством, тиражом 2000 экз., богато иллюстрирована.

Авторы сумели дать обширный исторический и историографический фон повествования. Они стремились глубже постичь историю этноса, чтобы всемерно содействовать возрождению и развитию национального самосознания мокшан и эрзян, их культуры, традиций, ремесел, тем самым содействовать укреплению интернационального братства и совершенствованию межнациональных отношений.

В 1995 году заслуги академика В. А. Балашова в развитии Российской науки получили высокое признание. Указом Президента Российской Федерации от 30 мая ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». А в апреле 1996 года общее собрание Международной педагогической Академии избрало его действительным членом академии.

Таковы основные штрихи жизнедеятельности В. А. Балашова, прошедшего нелегкий, тернистый путь в науке от аспиранта до академика. Пожелаем ему новых творений на благо науки и культуры родной Мордовии и России.

Иван Автайкин

Саранск

«Финно-угроведение», 1996, №4.

ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ СТАРОСТИНУ — 60 ЛЕТ

24 июля 1996 года исполнилось 60 лет известному археологу П. Н. Старостину. Он родился в д. Пиньженерь Мари-Турекского района Марийской АССР. После окончания Куршаковской семилетней школы учился в Параньгинском педагогическом училище. Трудовую деятельность Петр Николаевич начал в 1954 году учителем Сендинской семилетней школы Мари-Турекского района. В 1955—1960 гг. обучался на историко-филологическом факультете Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской.

В студенческие годы Петр Николаевич увлекается археологией и принимает активное участие в работе только что созданной Марийской археологической экспедиции. В эти годы начинается становление его как профессионала-исследователя, формируется круг научных интересов. Уже в первые годы своей работы в поле Петр Николаевич проявил себя как неутомимый и талантливый разведчик. Сотни исхоженных километров, десятки выявленных археологических памятников, жажда новых открытий определили дальнейшую судьбу молодого археолога. Этому способствовало и тесное сотрудничество с прекраснейшим человеком и талантливым педагогом, руководителем Марийской археологической экспедиции Альфредом Хасановичем Халиковым.

После окончания института Петр Николаевич работает научным сотрудником Марийского республиканского научно-краеведческого музея. Продолжая активные археологические изыскания, он создает в музее научную археологическую экспозицию по древнейшей истории Марийского края, которая просуществовала без изменений 35 лет и была демонтирована в 1996 году в связи с реконструкцией зала.

В 1961—1962 учебном году он работает ассистентом кафедры истории Марийского пединститута, а с 1962 по 1965 гг. учится в очной аспирантуре Казанского филиала АН СССР по специальности «Археология». В 1967 году Петр Николаевич защищает кандидатскую диссертацию на тему «Именьковские племена Нижнего Прикамья», выполненную под научным руководством А. Х. Халикова. С 1965 года по настоящее время П. Н. Ста-

ростин работает в отделе археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова сначала младшим, а с 1973 старшим научным сотрудником. В 1990 году он назначен заведующим отделом археологии, а с 1995 года — заведуюшим Национальным центром археологических исследований ИЯЛИ АН Татарстана.

Круг научных интересов исследователя связан с памятниками азелинской, именьковской и раннебулгарской культуры.

Многолетние полевые изыскания Петра Николаевича дали уникальные коллекции древних предметов, выявили многочисленные хозяйственные объекты и погребальные комплексы, позволившие ему воссоздать историю раннесредневековых сообществ Среднего Поволжья и Прикамья.

Петр Николаевич наряду со стационарными работами активно принимает участие в поисках новых археологических объектов на территории Республики Татарстан, результатом чего стало возможным создание многотомного коллективного труда «Археологическая карта Татарии». Он является одним из авторов исследования «Очерки истории и культуры г. Булгара» и других коллективных трудов казанских археологов. Его перу принадлежит более 100 научных работ по древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. Петр Николаевич постоянно находится в среде своих коллег, принимает самое активное участие во многих региональных, союзных, международных научных сессиях, конгрессах, симпозиумах и конференциях по древней истории народов Восточной Европы.

В последние годы Петр Николаевич прилагает много сил и энергии для сохранения богатейшего археологического наследия Республики. Он полон сил и творческой энергии, и мы, его коллеги, в день его 60-летия желаем ему творческого долголетия и претворения в жизнь всех его научных замыслов.

Геннадий Айплатов, Валерий Никитин

Йошкар-Ола

КРАТКИЙ СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ П. Н. СТАРОСТИНА

Результаты археологических разведок левобережья Волги от поселка Дубовский до с. Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари: Труды Мар НИИ, вып. XVI. Йошкар-Ола, 1961. С. 165—180.

Памятники ананьинской культуры по реке Вятке // Сборник студенческих научных работ. Вып. II.— Йошкар-Ола, 1962. С. 25—32.— (Марийский гос. пед. институт им. Н. К. Крупской).

О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР: Труды Мар НИИ, вып. XIX. Йошкар-Ола, 1964. С. 191—208.

Балымерский «Шолом» — городище // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. Казань, 1965.

К истории животноводства и опыты племен именьковской культуры // Сборник аспирантских работ Казанского государственного университета (естественные науки, биология, ч. II). Казань, 1966 (В соавторстве с Петренко А. Г.).

Памятники именьковской культуры // САИ, вып. Д. 1-32,-М., 1967.

Жилища поселения «Курган» // Ученые записки Пермского государственного университета, №148. Пермь, 1967.

Маклашеевское второе городище именьковской культуры // Ученые записки Пермского государственного университета, №191. Пермь, 1968.

Новый памятник предбулгарского времени Нижнего Прикамья // Советская археология. 1968, №1.

Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербиньского поселения // Советская археология. 1970, №4.

Этнокультурные общности предбулгарского времени Нижнего Прикамья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1971.

Остатки древних погребений в городе Уржуме // Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар Ола, 1971.

О романовских и именьковских памятниках // Археология и этнография Башкирии. Вып. IV. Уфа, 1971.

Кумысские стоянка и могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции АН СССР. М., 1972.

Деуковский второй могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции АН СССР. М., 1972 . (В соавторстве с Е. П. Казаковым).

Рекогносцировочные работы в низовьях рек Икка и Белой в 1968 году // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции АН СССР.— М., 1972. (В соавторстве с Е. П. Казаковым и М. Г. Косьменко).

Игимский могильник // Советская археология, 1973, №1. (В соавторстве с Е. П. Казаковым и Р. С. Габяшевым).

Погребение с остатками кремации в низовьях р. Камы // Советская археология, 1975, №2.

Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. (В соавторстве с А. Х. Халиковым).

О роли А. П. Смирнова в изучении истории финно-угорских народов Поволжья // Древности Волго-Камья. Казань, 1976. (В соавторстве с Г. А. Архиповым).

Работы на Троицко-Урийском первом городище в 1973 году // Древности Волго-Камья. Казань. 1976.

Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. (В соавторстве с Р. С. Габяшевым).

Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.

Погребение литейщицы V Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. (В соавторстве с С. В. Кузьминых).

О памятниках волосовско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978. (В соавторстве с Р. С. Габяшевым).

Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. II. Йошкар-Ола. 1978. (В соавторстве с В. В. Никитиным).

Уразаевская и Иманлейская стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. (В соавторстве с Р. Н. Багаутдиновым).

Гремячкинский могильник // Об исторических памятниках по древним долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Железообработка у племен именьковской культуры // Советская археология, 1981, №3. (В соавторстве с Л. С. Хомутовой).

Археологическая карта Татарской АССР (Предкамье). М., 1981. (В соавторстве с Р. С. Габяшевым).

Памятники предбулгарского времени Нижнего Прикамья // Преслав-Плиска. Вып. 2. София, 1981.

Исследования памятников пьяноборского и предбулгарского времени в 1968—1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1981.

Раннесредневековое поселение «Курган» // Средневековые памятники Татарии. Казань, 1983.

Богородицкий могильник // Советская археология, 1983, №1.

Археологическая карта Татарской АССР (Предволжье). Казань, 1985. (В соавторстве с Р. С. Габяшевым).

Догородские поселения на месте Болгар // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.

Об остатках башен «Девичьего городка» // Военнооборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.

О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. (В соавторстве с А. Г. Петренко).

Археологическая карта Татарской АССР (Западное Закамье).— Казань, 1985. (В соавторстве с Р. С. Габяшевым).

Археологические памятники Татарии. Казань, 1987. (В соавторстве с А. Х. Халиковым и Е. П. Казаковым).

Археологическая карта Татарской АССР: Центральное Закамье. Казань, 1987. (В соавторстве с А. Х. Халиковым и др.).

50 ЛЕТ ВИКТОРУ ИВАНОВИЧУ ВИХЛЯЕВУ

11 сентября 1996 года исполнилось 50 лет со дня рождения кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории Мордовского университета В. И. Вихляева. Он родился в с. Нововасильевка Приазовского района Запорожской области. Учился в Нововасильевской школе, закончил историко-филологический факультет Мордовского госуниверситета и аспирантуру. В 1972 году защитил в Московском госуниверситете кандидатскую диссертацию «Могильники населения бассейнов рек Суры и Мокши II—VII вв.»

В. И. Вихляев автор более 40 научных работ. В них исследуются проблемы датировки древнемордовских могильников и памятников городецкой культуры, разрабатываются новые методики хронологии, рассматриваются межплеменные культурные связи и развитие общественного строя. Большое внимание уделяется публикации материалов археологических памятников.

Более 20 лет Виктор Иванович руководит археологической экспедицией Мордовского госуниверситета. Основные работы сосредоточены на разрушающихся археологических памятниках. За прошедший период охранные раскопки были проведены на 30 памятниках, охватывающих широкий хронологический период — от первой раскопанной в Мордовии мезолитической стоянки до летописных средневековых «зимниц». Разведочными поисками были открыты десятки ранее не известных древних поселений, могильников и мастерских. Через археологическую экспедицию прошли подготовку многие археологи, которые сейчас успешно работают в различных регионах Среднего Поволжья. В настоящее время археологическая экспедиция работает над выполнением федеральной программы «Сохранение археологического наследия народов России».

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. И. ВИХЛЯЕВА

1. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО, 1970 г. М., 1971. С. 175—177. В соавторстве с Г. А. Федоровым-Давыдовым.

2. Сюлгамы из могильников селиксенского и армиевского типов // СА, 1972, №3. С. 188—199.

3. К вопросу о генезисе древнемордовской культуры // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР. Саранск, 1972. С. 63—65.

4. Могильники селиксенского типа (хронология и этнос) // Материалы межвузовской конференции молодых ученых Волго-Вятского района. Саранск, 1972. С. 53—54.
5. Культурные связи сурско-цнинской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 57—69.
6. Расселение мордовских племен в I тыс. н. э. // Вопросы географии Мордовской АССР. М., 1974. С. 26—28.
7. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977. 98 стр.
8. О генезисе культуры южно-мордовских племен // Археологические памятники мордвы I тыс. н. э. Саранск, 1979. С. 140—147.
9. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение феодальных отношений // История Мордовской АССР. Саранск, 1979. Т. 1. С.19—31. В соавторстве с В. Н. Мартяновым.
10. Ранний железный век // История Мордовской АССР. Учебник для вузов. Саранск, 1979. С. 12—17.
11. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение феодальных отношений. // История Мордовской АССР. Учебник для вузов. Саранск, 1979. 17—29.
12. Металлургический горн рубежа I и II тыс. н. э. из Мордовии // СА. 1983. №2.— С. 237—241.
13. Керамика Новопшеневского городища в Мордовии // СА, 1986. №1. С. 198—208.
14. Новые археологические памятники Примокшанья // Краеведческие записки. Саранск, 1987. С. 50—106.
15. Мордовские племена эпохи разложения первобытно-общинного строя и их соседи // Этнокультурные связи мордвы. Саранск, 1988. С. 11—25.
16. Новые раскопки Теньгушевского городища // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С. 76—103.
17. Происхождение древнемордовской культуры // Возрождение мордовского народа. Материалы научной конференции. Саранск, 1995. С. 25—26.
18. Балахнинские поселения на Средней Мокше-Шаверки II и Шаверки V // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24. С. 34—49.

Иван Петербургский
Саранск

«Финно-угроведение», 1996, №4.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Л. А. ГИЛЬДИ. Расстрелы, ссылки, мученья. СПб, 1996. 312 с.

В последнее время появилось множество публикаций, раскрывающих самые тайные и самые мрачные страницы российской истории XX века. Казалось, все «белые пятна» на картине истории заполнены и устранены. Однако, выход в свет книги кандидата исторических наук, доцента Леонида Андреевича Гильди показывает, что сделано было далеко не все. Более того, в ходе работы над нею автор убедился, что в постсоветском обществе имеются силы, препятствующие ликвидации «белых пятен» истории, прежде всего, путем ограничения доступа к архивам.

Книга Л. А. Гильди посвящена трагической судьбе ингерманландцев — российских финнов. Она выполнена в популярном ныне жанре документальной публицистики, что придает ей и убедительность, и страстность. Материалы книги распределены, условно говоря, между тремя разделами по проблемному принципу. В первом разделе освещены дискриминационные и репрессивные меры против российских финнов в 20-х — 30-х годах; во втором раскрываются механизм и сущность массовых репрессий против финнов в конце 30-х и в 40-е годы; третий посвящен бюрократической реабилитации российских финнов и перипетиям их борьбы за восстановление своих прав. В основе каждого раздела — комплекс документов, отражающих какую-то проблему, на основании которых автор строит свои заключения. Большая часть — это «человеческие документы»: письма, заявления, воспоминания финнов, пострадавших от репрессий и страдающих от бездушия современных политиков и администраторов, архивные справки.

Автор книги — ингерманландский финн, в детстве и юности испытавший на себе репрессии только за принадлежность к столь нелюбимому властями этносу. Хотя книга насыщена множеством документов, они не заслоняют личности автора — человека мужественного, целеустремленного, милосердного, пронизанного любовью к своему народу. Характерно и авторское посвящение книги: «Моему народу, сохраняющему надежду на свое возрождение».

В книге раскрываются многочисленные формы дискриминации и репрессий в отношении российских финнов. Им пришлось испытать насилие, которое обрушилось на крестьян всех национальностей СССР в период «сплошной коллективизации», гонения на церковь и священнослужителей. Но особенно жестокими стали те меры, которые связаны с этническим статусом ингерманландцев и военно-стратегической ситуацией, которая породила недоверие сталинских властей к советским финнам. За годы репрессий было расстреляно 20 тысяч ингерманландских финнов, десятки тысяч погибли в пути следования к местам ссылки в 40-х годах, в лагерях для спецпереселенцев. Тысячи финнов были принудительно вывезены гитлеровцами в Финляндию во время второй мировой войны, а затем после их депортации в СССР они подверглись притеснениям советских властей. С болью в сердце Л. А. Гильди свидетельствует, что в 1920 году в Петроградской губернии проживало 150 тысяч финнов-ингерманландцев, а сейчас их едва ли набирается 30—35 тысяч по всей России. Это с полным основанием Л. А. Гильди квалифицирует как геноцид.

Судьба не была милостивой к ингерманландцам и тогда, когда началась реабилитация народов, пострадавших от сталинских репрессий. Реабилитация была объявлена лишь десятилетия спустя после репрессий. Она не носит всеобъемлющего характера, а меры по восстановлению справедливости проводятся крайне непоследовательно. Тысячи финнов безрезультатно ищут поддержку у Президента России, в Правительстве Российской Федерации, у глав администрации С.-Петербурга и Ленинградской области, в органах прокуратуры и зачастую получают отписки, нередко издевательского характера. В книге приводится масса документов, подтверждающих это. После принятия закона «О реабилитации российских финнов», вопреки закону, никто из реабилитированных финнов не получил в Петербурге квартиру. В области только одна женщина получила земельный участок. Фактически финнам заказана дорога на родину из мест, где они нашли вынужденное пристанище. Между тем, тысячи людей живут той же мечтой, о которой пишет во включенном в книгу письме Х. М. Сенчеева (Путкинен): «В молодости у нас была мечта накопить немного денег и после ухода на пенсию купить какую-нибудь хибарку в Ленинградской области. Но, увы, наши мечты рассыпались как карточный домик. На наши сбережения теперь разве что можно купить 2 кг колбасы по нашим расценкам».

Нельзя без возмущения читать приведенные в книге многочисленные отписки руководителей Ленинградской области, ряда районов, отказывающих финнам в возвращении на родину, в том числе и под предлогом отсутствия земельных участков для строительства дома. Подводя итоги изнуряющей борьбы ингерманландцев за свои законные права в последние годы, Л. А. Гильди приходит к горькому выводу, что и государственные деятели высокого ранга и чиновники помельче не только блокируют принятие и начало реализации программы возрождения ингерманланд-

ских финнов, но и провоцируют постоянную напряженность между правительством и этим народом.

Финнам остается надеяться на милость судьбы. Но надежды на провидение всегда строились на зыбком песке. Более реальный фундамент — милосердие и воля людей, ответственность государственных деятелей, облеченных властью, от которых зависит восстановление исторической справедливости в отношении российских финнов. Именно к справедливости взывает книга Л. А. Гильди «Расстрелы, ссылки, мученья». Ее должны прочитать все, кому не чуждо чувство сострадания к беде другого человека, к беде другого народа.

Валерий Волков

Санкт-Петербург

«Финно-угроведение», 1996, №4.

Рец.: В. В. НИКИТИН. Каменный век Марийского края// Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV. 179 с.

После 30-летнего перерыва Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории возобновил издание серии «Труды Марийской археологической экспедиции». Очередным — четвертым — томом стала в ней монография В. В. Никитина. Символично, что автор посвятил ее 40-летнему юбилею МАЭ и ее первому руководителю А. Х. Халикову. Символичны и само оформление книги в формате двух первых называемых археологами в просторечии красными — томов ТМАЭ [1; 2] и ее структура, которая перекликается с известной работой Халикова [1], ставшей в свое время первым настоящим введением в древнюю историю не только Марийского края, но и Среднего Поволжья в целом.

Такая структура предполагает поглавную публикацию памятников и материалов соответствующих эпох и культур каменного века и обобщающие разделы в конце каждой главы или параграфа. Допускаю, что кто-то из специалистов, памятуя о том, что некоторые из рассматриваемых Никитиным памятников являются многослойными и содержат материалы различных эпох и культур, предпочел бы познакомиться сначала с их полной публикацией, а уж затем с обобщающими разделами работы. Однако мне структура монографии В. В. Никитина представляется оправданной. И вот почему: значительная часть памятников, ставших базой для настоящего исследования, введена в научный оборот в серии «Археология и этнография Марийского края», в данной работе рассматриваются материалы, прежде всего, опорных памятников — долговременных поселков с системой жилищных впадин, по преимуществу однослойных; материалы этих памятников стали своего рода иллюстрацией обобщающих разделов книги.

Исследование В. В. Никитина без преувеличения является прорывом в изучении древностей каменного века лесной зоны Среднего Поволжья. Первый такой прорыв был совершен в 60-е годы А. Х. Халиковым. Широкие исторические полотна, характерные его предшественникам (А. В. Шмидт, М. Г. Худяков, А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин и др.), «грешили» умозрительностью и социологизмом. Эти сочинения [3-6] фактически не имели под собой источниковедческой базы. По сути она начала создаваться только в

50-е годы, с развертыванием активных полевых работ Куйбышевской и Марийской археологических экспедиций.

Исследования А. Х. Халикова [1; 7—9] позволили совершить резкий и качественный рывок в изучении каменного века и эпохи раннего металла Волго-Камья. Однако сам А. Х. Халиков неоднократно писал о том, что его разработки следует рассматривать как общие схемы развития истории древнейшего населения края, которые не претендуют на завершенность и намечают лишь наиболее вероятные пути такого развития. В то же время созданная им концепция древней истории Среднего Поволжья в своих основных частях выдержала испытание временем. Однако уже в 70-х годах, когда А. Х. Халиков отошел от активной работы в области первобытной археологии, отчетливо сознавалась потребность в новом таком труде на качественно иной источниковедческой основе. Собственно он сам был автором и проводником этой идеи в жизнь, надеясь реализовать ее в коллективном труде «Археология Среднего Поволжья и Приуралья».

Книгу В. В. Никитина следует рассматривать как весомый вклад в осуществление этой безусловно перспективной и научно значимой программы. Созданная в развитие халиковской концепции древней истории Среднего Поволжья, она совершенно по-иному раскрывает перед нами процессы этно-и культурогенеза, протекавшие в крае в каменном веке. Это касается, прежде всего, открытия целого пласта своеобразных мезолитических памятников, из которых около двадцати изучены раскопками (напомню, что в свое время А. Х. Халиков оперировал материалами единственной раскопанной в крае стоянки — Русско-Луговской II). В. В. Никитину удалось показать неоднородный, симбиозный характер культуры мезолитического населения Волго-Вятского междуречья, впитавшего традиции Уральской и Волго-Окской общностей. Выявление на территории Марийского края двух культурных пластов памятников, отличающихся наличием или отсутствием определенных геометрических форм, позволило более надежно наметить характер этнокультурных процессов в среде мезолитического населения Среднего Поволжья по сравнению с работами 60—80-х годов. Однако для меня, пожалуй, важнее другое: благодаря работам Никитина обсуждение проблем мезолита Среднего Поволжья обрело реальную почву фактов в отличие от гипотетической зыбкости предшествующих десятилетий. Дискуссия эта еще в самом начале [10], и есть все основания надеяться на ее плодотворное продолжение.

Основные разделы рецензируемой книги посвящены характеристике неолитических культур гребенчатой (волго-камская), гребенчато-ямочной (балахнинская), накольчатой керамики, протоволосовской (красномостовская) и ранней волосовской. Проблемы неолита лесной полосы Среднего Поволжья обсуждались (и весьма активно) в 60—70-е годы А. Х. Халиковым [1; 7; 9], В. П. Третьяковым [11—12], Р. С. Габяшевым [13] и др. После первого десятилетия работ Марийской экспедиции казалось, что

для этого создана достаточно надежная источниковая база, однако активные полевые розыскания В. В. Никитина в 70—90-е годы не только внесли в наши представления заметные коррективы, но и существенным образом изменили их. Это стало ясно уже при обсуждении проблем волосовской культуры [14], но еще с большей очевидностью проявилось в настоящей книге, особенно в очерках, посвященных культуре гребенчато-ямочной керамики, поселениям с накольчатой керамикой и протоволосовским древностям.

Лаконичная характеристика культуры гребенчатой керамики не случайна: источниковая база волго-камских древностей в Марийском Поволжье пополнилась незначительно — к ранее изученным А. Х. Халико́вым Старомазиковским II и III стоянкам прибавились Нижняя Стрелка V и Ахмыловская I (последняя раскопана В. П. Третьяковым, а не Халиковым, как пишет В. В. Никитин), а также материалы с Дубовских III, VIII, Отарского VI и других поселений. Эти памятники не внесли существенных изменений в характеристику и периодизацию волго-камской культуры, данную А. Х. Халиковым, однако позволили выявить культурно-стратиграфическое соотношение гребенчатой, ямочно-гребенчатой и накольчатой посуды в лесном Заволжье. Стратиграфические данные, полученные В. В. Никитиным, свидетельствуют о одновременном существовании этих групп посуды. Удалось также наметить в Волго-Вятском междуречье зону пограничья между волго-камским и балахнинским культурными образованиями по бассейну р. Илеть. Коренным образом изменились наши представления и о генезисе протоволосова на Средней Волге. А. Х. Халиков отводил главенствующую роль в этом процессе культуре гребенчатой керамики, однако в свете новейших исследований В. В. Никитина этнокультурная ситуация позднего неолита в регионе представляется гораздо более сложной: она во многом определялась популяциями, оставившими памятники с ямочно-гребенчатой керамикой.

Монографическая характеристика балахнинских древностей является, на мой взгляд, наиболее весомым вкладом Никитина в изучение неолита Среднего Поволжья, и, прежде всего, реконструкции процессов культурогенеза, протекавших в среде населения ямочно-гребенчатой керамики. Исторические судьбы этих племен на Средней Волге видятся сейчас также в ином свете. В работе поднят еще целый ряд важнейших проблем, которые, несомненно, потребуют дальнейшего обсуждения. Я же остановлюсь лишь на некоторых из них.

Археологическая карта балахнинских древностей привела В. В. Никитина к выводу о том, что носители ямочно-гребенчатой керамики составляли в среднем неолите группировку племен в лесном Заволжье, которая определила весь дальнейший ход этнокультурных процессов в крае, а именно: сложение культур протоволосовского и волосовского круга. В этой связи рушится казалось бы стройная система финно-угорского этногенеза, предложенная А. Х. Халиковым и поддержанная многими спе-

циалистами — археологами, этнологами и лингвистами. В этой системе одну из ключевых ролей играют культуры волосовско-гаринской области как основа сложения последующих аборигенных образований бронзового и железного веков. Такого рода системы, жесткие в своей конструкции, как правило, недолговечны: выпадает одно звено, и структура рушится по принципу «домино». Система А. Х. Халикова обладала большей или меньшей степенью надежности лишь со времени РЖВ: финское этническое лицо ананьинского и текстильного миров как будто не подвергается сомнению. Культуры ямочно-гребенчатой керамики оказались вне этой схемы, хотя Х. А. Моора, А. Я. Брюсов, П. Н. Третьяков, Н. Н. Гурина, К. Ф. Мейнандер, Л. Ю. Янитс, Д. А. Крайнов и многие другие специалисты предполагали финноязычность их носителей, исходя, прежде всего, из генетической связи ямочно-гребенчатых и текстильных древностей.

Признание финноязычности населения гребенчато-ямочной керамики, ставшего основой формирования волосовских этнокультурных образований (а именно к этому важнейшему выводу приходит Никитин), приводит нас к осознанию бесперспективности вывести древо финно-угорской предыстории от какого-то одного корня. В этой связи мне вспоминается метафора О. Н. Трубачева при обсуждении индоевропейской проблемы, когда он предложил сменить саму формулировку данной проблемы: на смену реконструкции индоевропейского «древа» с единым стволом пришло множественное понятие «куста» [15, с. 282]. Таков, вероятно, должен быть подход и к обсуждению финно-угорского этногенеза. А если исходить из гипотезы о дисперсном состоянии финно-угорских диалектов или модели лингвистического «куста», то гораздо более насущным представляется обсуждение путей интеграции конкретных археологических образований древности, нежели поиски общефинского языкового единства в лице той или иной культуры. В. В. Никитин пошел по первому — более сложному — пути, поэтому столь важным является для нас его понимание роли носителей ямочно-гребенчатой керамики в уральской предыстории и характера их взаимодействия с окружающим миром.

Открытие и изучение в 80-е годы поселений с накольчатой керамикой в Марийском Поволжье позволило влить «свежую кровь» в длительную дискуссию о происхождении, развитии и культурно-хронологическом соотношении накольчатых древностей в Волго-Камье. Специфика памятников, исследованных В. В. Никитиным, в том, что оставившее их население уже знало домашних животных (лошадь, корова, овца). Первоначально это казалось необъяснимым: ведь в слоях поселений других неолитических культур региона встречались кости только диких животных. Анализ всего комплекса материалов поселений типа Дубовское III привел В. В. Никитина к заключению о не местном характере населения с накольчатой керамикой в Марийском левобережье. В. В. Никитин предполагает исход части этого населения на рубеже IV—III тыс. до н. э. из

степных и лесостепных районов Подонья, которое по Оке и ее притокам Суре и Свияге достигло левобережья Волги и заняло особую экологическую нишу, а именно: дерново-луговые пойменные долины с господствующим травяным типом растительности, что позволяло обеспечить кормами зимовку скота.

Никитин безусловно прав в том, что многие стереотипы культуры и экономики носителей накольчатой керамики Марийского края роднят их с миром степных и лесостепных неолитических культур. Внедрение этого населения привело к изменению этнокультурной ситуации в регионе. В. В. Никитин видит прямую зависимость между продвижением групп донского населения через территорию волго-окского неолита и оттоком носителей ямочно-гребенчатой керамики в Среднее Поволжье. В этой же связи он рассматривает и активизацию контактов балахнинских и волго-камских племен — с целью противостояния экспансии носителей накольчатой керамики. Исторические судьбы населения культуры накольчатой керамики не вполне ясны. Накольчатая орнаментальная традиция, как считает В. В. Никитин, не находит продолжения в культурах эпохи раннего металла Волго-Камья (тезис Р. С. Габяшева о раннеметаллическом возрасте накольчатой посуды Икско-Бельского междуречья требует, по мнению В. В. Никитина, более убедительных материалов и доказательств). Не получило продолжения в культурах позднего неолита региона и придомное животноводство. Популяции протоволосовского и ранневолосовского круга демонстрируют нам тип комплексного рыболовческо-охотничьего хозяйства. Все это требует дальнейшей разработки проблем, связанных с наследием носителей культуры накольчатой керамики. Некоторые из них в книге В. В. Никитина только намечены, и это вселяет надежду на плодотворное продолжение дискуссии.

Изучение В. В. Никитиным поселений протоволосовского (красномостовского) и ранневолосовского типов стало логичным итогом многолетней целенаправленной программы по поиску связующих нитей между волго-камской и балахнинской культурами и более поздней волосовской. С их появлением стало очевидно, почему прежние схемы генезиса средневолжского волосова, предложенные А. Х. Халиковым и В. П. Третьяковым, не вызывали достоверности, что вынуждало, например, А. Х. Халикова кардинально менять собственные построения. В. В. Никитину удалось показать непрерывное развитие неолитических культур в лесном Заволжье, а также значение фактора пограничности для взаимовлияния и консолидации различных групп населения, приведшего к формированию волосовских популяций на Средней Волге. Особенно важным представляется вывод о том, что в основе волосовской культуры Среднего Поволжья лежит балахнинская (во взаимодействии с волго-камской и, возможно, опосредованном участии накольчатой). В. В. Никитин рассматривает средневолжское волосово наряду с окским и верхневолжским в рамках единой культурной области. В то же время он подчеркивает эт-

нокультурную специфичность памятников Марийского правобережья и Волго-Вятского междуречья, основываясь на преобладании в тесте посуды раковинной или растительной примеси. Весьма важно, что предложенные В. В. Никитиным разработки перекликаются с теми механизмами образования культур волосовского круга (с пористой керамикой), которые выявлены Д. А. Крайновым в Волго-Окском междуречье, Л. Ю. Янитсом на памятниках бассейна р. Эмайыги, Н. Н. Гуриной на северо-западе России, А. Виккула в Финляндии.

Заключая обзор основных разделов книги, необходимо отметить, что В. В. Никитину практически для всех неолитических культур удалось получить стратиграфические данные, что позволило впервые создать периодизацию неолита лесного Заволжья, которая вызывает доверие. К сожалению, этого нельзя сказать о хронологии и реконструкции природно-ландшафтной среды обитания неолитических обществ. При обсуждении этих вопросов В. В. Никитину приходится прибегать к методу аналогий. За неимением лучшего это вполне правомерно, однако без использования естественно-научных методов ценность и значимость поселений, раскопанных В. В. Никитиным, поблекнет на фоне других регионов: окажется, что менее интересные памятники станут реперами для первоклассных только потому, что будут обеспеченными соответствующими естественно-научными исследованиями.

Книга В. В. Никитина завершается разделом, посвященным вопросам социальной организации, общественных отношений и мировоззрения населения каменного века. Построенный, прежде всего, на археологических материалах Марийского края с использованием данных этнографии и фольклора, он является по преимуществу поисковым, приглашающим к дискуссии. Такие вопросы, как демография мезолитических и неолитических коллективов, характер их подвижности и оседлости, реконструкция хозяйственного уклада и мировоззрения, вызовут несомненный интерес у читателя. Впервые в полном объеме приведены в работе материалы, характеризующие искусство человека каменного века Среднего Поволжья и связанные в основном с его культовой практикой.

Касаясь недостатков обсуждаемой работы, замечу, что она значительно выиграла бы от более внимательной редакторской правки. В тексте часты повторы и длинноты, случаются грамматические ошибки («во внутрь» вместо «вовнутрь» и т. п.). На разномасштабных картах постоянно «гуляет» конфигурация Чебоксарского водохранилища и речной системы. Некоторые реки, например, Сура, даны в различных гидрографических системах (сравни, рис. 15 и 31). Речная сеть требовала исполнения, конечно же, в едином ключе. Мне представляется, что В. В. Никитин совершенно напрасно оставил вне карт известные ему и атрибутированные памятники каменного века с территории Чувашии, особенно левобережные. В противном случае у читателя создается ложное представление о характере распространения древностей той или иной культуры в марий-

ско-чувашском течении Волги. Серьезные претензии возникают и при обращении к планам поселений и жилищ. Значительная часть из них осталась без легенд и условных обозначений; последние в ряде случаев не расшифрованы. На некоторых планах жилища не пронумерованы (см. например, рис. 36), хотя рядом, в тексте, идет их подробное, но слепое для читателя описание. Стратиграфические разрезы — к тому же весьма редкие — мало что говорят о самой стратиграфии, демонстрируя лишь характер заполнения котлованов жилищ. Высокое полиграфическое качество издания диссонирует с исполненными от руки таблицами (см. рис. 43—44). Закодированная в последних нумерация групп памятников культур накольчатого типа остается для читателя тайной. Обращают на себя внимание несоответствия текста и рисунков. Ограничусь лишь тремя примерами из раздела о среднекаменном веке, как наиболее далекого от моих научных интересов. Так, орудие на рис. 4, 59 описывается как обломок треугольника, хотя само изображение скорее напоминает ромб или параллелограмм. Другое орудие (рис. 6, 37) названо вначале острием, затем ножом; впрочем, я бы назвал его перфоратором. Судя по профилю, вряд ли относится к наконечникам стрел орудие, изображенное на рис. 9, 26. Коллеги наверняка укажут В. В. Никитину и на другие примеры такого рода.

Несмотря на эти критические ноты, труд В. В. Никитина заслуживает самой высокой оценки. Эта книга, как когда-то «Древняя история Среднего Поволжья» А. Х. Халикова, на долгие годы останется настольной для многих специалистов-каменщиков. Она вызовет несомненный интерес у этнологов и лингвистов, интересующихся предысторией, искусством и мифологией уральских народов. Многие проблемы в книге только обозначены, а это значит, что В. В. Никитину не придется почивать на лаврах. Так пожелаем же ему удачи в поисках!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // ТМАЭ. 1960. Т.I.
2. Железный век Марийского края // ТМАЭ. 1962. Т. II.
3. *Шмидт А. В.* Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // ИГАИМК. 1934. Вып. 106.
4. *Худяков М. Г.* Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области: (Введение в историю народа мари) // ИГАИМК. 1935. Вып. 141.
5. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952, №28.
6. *Калинин Н. Ф.* Древнейшее население на территории Татарии // МПИТ. 1948. Вып. 1.
7. *Халиков А. Х.* Неолитические памятники в Среднем Поволжье // МИА. 1958. №61.
8. *Халиков А. Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. №126.
9. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
10. *Ластовский А. А.* Мезолит Среднего Поволжья и Приуралья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

11. *Третьяков В. П.* Культуры ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.

12. *Третьяков В. П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.

13. *Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 1978.

14. *Никитин В. В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III — начало II тысячелетия до н. э.). Йошкар-Ола,1991.

15. *Авилова Л. И.* Конференция «Археология и лингвистика: Индоевропейская проблема» // СА. 1989. №3.

Сергей Кузьминых

Москва

«Финно-угроведение», 1996, №4.

ХРОНИКА

ПОЛЕВОЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 40-ЛЕТИЮ МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

24—26 августа 1996 года МарНИИ им. Васильева у д. Майдан Юринского района проведен полевой семинар, посвященный 40-летию Марийской археологической экспедиции.

В работе семинара приняли участие ветераны археологической деятельности, ученые других регионов. В работе семинара принял участие заместитель Главы Правительства Республики Марий Эл Е. С. Эпин, что свидетельствует о повышенном внимании Правительства к проблемам археологической науки.

Два дня работы семинара были весьма насыщенными: доклады, выступления, посещения и беседы у раскопок археологов, состоялась деловая дискуссия по актуальным проблемам археологии Республики Марий Эл, Прикамья и Поволжья.

Открыл семинар директор МарНИИ *А. А. Зенкин*, отметив традиционность проведения полевых симпозиумов, начатых МАЭ в 1977 году на этом же месте. Настоящий семинар являлся четвертым. Затем в совместном докладе А. А. Зенкина и заведующего отделом археологии МарНИИ В. В. Никитина были изложены основные итоги работы экспедиции за прошедшие 40 лет и намечены цели и задачи дальнейшей работы, обозначены перспективные и актуальные научно-исследовательские направления. *В. В. Никитин* в своем выступлении заострил внимание на современном состоянии археологических памятников в Республике Марий Эл, на необходимости координации усилий всех археологических подразделений, заинтересованных министерств и ведомств на первоочередном в изучении разрушающихся памятников, особенно в зоне затопления Чебоксарского водохранилища.

Б. С. Соловьев (с. н. с. МарНИИ) сделал сообщение об актуальных проблемах в области изучения эпохи бронзы в Марийском крае, обосновав чрезвычайно сложную этническую ситуацию в этот период в лесном Поволжье. Полученные МАЭ новые материалы по чирковской, приказанской, балановской, абашевской культуре «текстильной керамики» позволяют сделать определенные научные выводы по этно- и культурогенезу племен эпохи бронзы в регионе.

Итоги исследований по раннему железному веку были изложены в докладе *В. С. Патрушева* (профессор МарГУ). В частности, докладчик заострил внимание на процессе формирования восточно-финских народов на стыке двух эпох — бронзового и железного веков на территории Поволжья. Особо обратил внимание на необходимость усиления координационной роли МАЭ в проведении научных экспедиций и научной разработки проблем Марийского края.

Т. Б. Никитина (исполнительный директор НЦФУ) обобщила достижения в области изучения средневековых древностей и обозначила перспективные направления полевых работ по накоплению поселенческих материалов I и II тыс. н. э. По мнению докладчика, положительные результаты в области этногенеза мари, достигнутые в процессе изучения древнемарийских могильников, должны быть дополнены и приведены в соответствие с материалами поселений этого же времени, которые по вещевым комплексам последних полевых изысканий обещают дать новые импульсы в исследовании этнических процессов средневекового населения Среднего Поволжья.

А. И. Шадрин (заведующий лабораторией реставрации, консервации и экспериментальных исследований МарНИИ) познакомил участников семинара с новым направлением в работе марийских археологов по изучению и сохранению археологического наследия — проблемами восстановления и консервации металлических изделий из имеющихся коллекций. Он же зачитал доклад о технологии производства кузнечных и ювелирных изделий по материалам некрополей I—II тыс. н. э. Волго-Камья. Сотрудниками лаборатории разрабатываются новые методики и рецепты, позволяющие проводить реставрационные работы с биметаллическими предметами, восстановление утраченных деталей и т. п.

А. В. Михеев (м. н. с. МарНИИ) сделал сообщение об основных элементах погребального обряда средневековых могильников, в котором особое внимание уделил генезису обряда трупосожжения.

Т. С. Патрушева (музей МарГУ) в своем докладе остановилась на проблемах изучения экономики и общественных отношений финно-угров Волго-Камья в эпоху раннего железного века. Привлечение системного подхода к социологической реконструкции на базе целостного анализа археологических материалов позволило прийти к новым важным выводам о развитии хозяйства и общества.

Р. С. Габяшев (г. Казань, Национальный центр археологических исследований) остановился на проблемах каменного века Урало-Поволжского региона и научной значимости материалов МАЭ в системе мезо-неолитических культур лесной полосы Евразии.

П. Н. Старостин (г. Казань, заведующий Национальным центром археологических исследований) рассказал о научных принципах музеефикации археологических материалов и проблемах сохранения археологического наследия. Обратил внимание на необходимость сохранения и

совершенствования экспозиции отдела археологии Республиканского национального музея.

С. В. Большов (г. Йошкар-Ола, Национальный музей им. Т. С. Евсеева) в своем сообщении познакомил участников семинара с полевыми археологическими работами экспедиции музея и научно-просветительской работы по воспитанию у населения уважения к прошлому своего народа, формированию общественного мнения по сохранению археологического наследия.

К. И. Куликов (г. Ижевск, директор ИЯЛИ УрО РАН) в совместном докладе с М. Г. Ивановой (зав. отделом археологии) сделали интересные наблюдения по средневековой мифологии удмуртов, сопоставив ювелирные и культовые предметы древних поселений с наиболее древним собранием религиозных гимнов индо-арийской культуры-ригведой, обратив особое внимание на перспективность исследований в этом направлении. Он подчеркнул необходимость подготовки и проведения научно-практической конференции на тему: «Соотношение археологических и фольклорных источников в финно-угроведении».

М. Г. Иванова (г. Ижевск) доложила об итогах работ на средневековом городище Иднакар (IX—XIII вв.), в частности, на развитии оборонительной системы и формировании городской культуры этого памятника истории удмуртского народа.

Г. Н. Айплатов (доцент МарГУ) поделился воспоминаниями о первых шагах Марийской археологической экспедиции. Он увлеченно рассказал об удивительном энтузиазме и бескорыстном подвижничестве первопроходцев археологического изучения Марийского края и сопредельных территорий середины пятидесятых годов во главе с Альфредом Хасановичем Халиковым — Геннадия Архипова, Петра Старостина, Бориса Бабушкина, Филимона Павлова, Равиля Сахаутдинова, Елены Безуховой, Вадима Стоянова, Татьяны Хлебниковой, Нины Аксеновой.

И. И. Папов (п. Медведево) рассказал о деятельности школьных археологических кружков и проблемах школьной краеведческой работы, о необходимости создания более четкой и плановой системы организации краеведческой работы, особенно в летние каникулы.

К сожалению, не смогли принять участие в работе семинара по разным причинам бывшие участники Марийской археологической экспедиции Б. В. Бабушкин (г. Йошкар-Ола), Т. А. Хлебникова (г. Казань), Н. Л. Членова, Ю. А. Краснов, С. В. Кузьминых, В. С. Стоянов (г. Москва), И. Б. Васильев, А. А. Ластовский (г. Самара), но многие из них прислали тексты своих выступлений.

После обсуждения докладов участники семинара посетили раскопки неолитического поселения на левом берегу Чебоксарского водохранилища, интенсивно разрушающегося его водами. Им была предоставлена возможность увидеть остатки жилых сооружений и материальной культуры древних жителей поселка.

Семинар завершил работу подведением итогов двухдневной работы, наметил цели и задачи дальнейших исследований в Республике. В заключительном слове заместителя Главы Правительства *Е. С. Эпина* было высказано пожелание о совершенствовании системы археологических изысканий в Республике Марий Эл. Предложено отделу археологии МарНИИ разработать структуру археологической службы Республики с целью координации научно-исследовательских работ, выявления приоритетных направлений и более рационального и эффективного использования научного и финансового потенциала.

Анатолий Зенкин, Валерий Никитин
Йошкар-Ола

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ» ЗА 1994—1996 ГОДЫ

Л. Абукаева. О генезисе подчинительных отношений в марийском языке. 1995 3—4

Л. Абукаева. Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в марийском языке. 1996 1

И. Автайкин. Виктору Андреевичу Балашову — 60 лет 1996 4

Г. Айплатов, В. Никитин, Г. Сепеев. Памяти Геннадия Андреевича Архипова (1932—1995). 1995 3—4

Г. Айплатов, А. Иванов. Рец.: Гришкина М. В. Удмурты: Этюды из истории IX—XIX вв.— Ижевск, 1994, 168 с. 1996 2

Г. Айплатов, В. Никитин. Петру Николаевичу Старостину — 60 лет. 1996 4

Л. Арсланов. Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районах Западного Закамья Республики Татарстан. 1996 4

Л. Айтуганова. Песенные формы стиха финно-угорских народов Поволжья и Урала 1995 1

П. Алвре. Рец.: Эрзянь-рузонь валкс. Эрзянско-русский словарь. Под редакцией академика Б. А. Серебренникова, докторов филологических наук Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. — М., 1993 1995 3—4

Т. Амельченко. Еще раз об инфинитиве на *-аш.* 1996 2

Ю. Андуганов. Современное состояние и перспективы финно-угорского языкознания в России. 1995 1

Г. Архипов. Этногенез финно-угорских народов Поволжья: современное состояние, проблемы и задачи изучения. 1995 1

В. Балашов, В. Юрченков. Западно-европейские традиции изучения истории и культуры мордовского народа. 1994 2

Г. Бараксанов, И. Жеребцов. Илля Вась: малоизвестные страницы биографии (к 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина). 1994 2

Л. Барцева. О семантике глагола *лекташ* в марийском языке. 1996 3

С. Белых. Следы общепермского континуума в удмуртском и коми языках. 1995 2
С. Белых. Еще раз об этнониме *ар*. 1996 3
В. Быкоия. Историко-этимологическая интерпретация словообразовательных моделей сложных числительных «8» и «9» в селькупских диалектах. 1995 3—4
В. Ванюшев. Мы — финно-угры. 1994 1
И. Васильев, А. Колмаков, С. Алексеев. О Государственной программе национального возрождения и развития финно-угорских народов России. 1995 1
Л. Васикова. Марийская лексикография: современное состояние и перспективы развития. 1995 1
Ю. Вихманн Письма к матери. 1996 4
В. Волков. Рец.: Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мученья. СПб, 1996, 312 с. 1996 4
Э. Вяари. Академик Пауль Аристе (Из биографии). 1995 2
И. Галкин, Л. Грузов, А. Куклин. Памяти Н. Т. Пенгитова. 1994 2
И. Галкин. И. Г. Иванову — 60 лет. 1995 2
И. Галкин. Академик Пауль Аристе и марийское языкознание. 1995 3—4
И. Галкин. Слова, обозначающие людей мужского пола в современном марийском языке и их происхождение. 1995 3—4
И. Галкин. Происхождение и развитие значений некоторых марийских слов. 1996 2
И. Галкин., А. Ефремов. Памяти Леонида Петровича Грузова (1931—1996). 1996 2
Л. Гильди. О проблеме реабилитации ингерманландцев (российских финнов). 1995 3—4
Н. Глухова. Экспрессивность марийских языческих молитв. 1994 2
Н. Глухова. Временна́я логическая структура марийских заговоров. 1995 3—4
Н. Глухова. Исследование сложного ритма марийских заговоров. 1996 4
Р. Голдина. Финно-пермские племена и их соседи: основные этапы взаимодействия. 1995 1
О. Данилов. Эволюция и устойчивость ранних этнических систем (на примере мари и мери). 1996 4
В. Димитриев. Рец.: Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — первая половина XIX в.).— Ижевск.: УИИЯЛ Уо РАН, 1994, 208 с. 1996 1

Дневниковые записи Юлии Вихманн (7.10.1905—29.12.1906). Перевод Э. Лебедевой. 1996 3
И. Добродомов. О мерянском названии коровы (источниковедение и этимология). 1996 2
П. Домокош. История литературы малых финно-угорских народов. 1996 1
Е. Дубровская. Журнал «Карельские известия» как источник по этнической истории карел. 1996 1
О. Егорова. Пространственно-временные корреляты марийского мелоса. 1996 3
И. Жеребцов. Этапы этнодемографического развития народа коми в XI—XX вв. 1996 1
И. Жеребцов. Этнограф Любомир Жеребцов. 1996 2
А. Журавлев, М. Косарев, Л. Наговицын, В. Никитин, Т. Потемкина. VII и VIII полевые симпозиумы по проблемам первобытной археологии Восточной Европы и Урала (Пегрема, Кижи, Бесов Нос). 1995 2
Н. Зайцева. Проблемы культурно-языкового возрождения вепсской народности. 1996 4
Ю. Зеленеев. Рец.: М. Г. Иванова. Истоки удмуртского народа.— Ижевск: Удмуртия, 1994. 192 с. 1995 3—4
Ю. Зеленеев, Т. Молотова. Рец.: Мордва. Историко-культурные очерки.— Саранск: Мордовское книжное издательство. 1995. 624 с. 1996 3
О. Зеленцова. Сюлгамы из среднецнинских могильников. 1996 3
А. Зенкин, В. Никитин. 40 лет Марийской археологической экспедиции. 1996 4
А. Зенкин, В. Никитин. Полевой семинар, посвященный 40-летию Марийской археологической экспедиции 1996 4
К. Зенкова. Из глубины веков. 1995 3—4
Т. Золотова, О. Данилов. Зимний календарь русских и марийцев Среднего Поволжья. 1994 2
А. Иванов. Некоторые черты сословного менталитета марийцев (вторая половина XVIII в.). 1994 1
Р. Игнаева. Из истории изучения имен числительных в марийском языке. 1994 2
Р. Игнаева. Способы выражения категории количества именами числительными в марийском языке. 1996 2
Р. Игнаева. Об одном из типов синтаксических конструкций с постпозитивным количественным числительным в современном марийском языке. 1996 3
Н. Исанбаев. Тюркские лексические кальки в марийском языке. 1995 1
Г. Керт. Проблемы изучения финно-угорской топонимии. 1995 3—4

А. Китиков. Вклад П. Аристе в фольклористику финно-угорских народов. 1996 3
Е. Клементьев. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов). 1994 1
Л. Клима. Древняя история венгров и их национальное сознание. 1996 2
Л. Клима. Петеру Домокошу — 60 лет. 1996 2
К. Козлова. Рец.: Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с. 1995 2
Г. Корнишина. Предметный мир календарных обрядов мордвы. 1994 2
Г. Корнишина. Женские обрядовые функции в мордовской общине конца XIX— начала XX вв. 1996 4
T. Koizumi. On the Development of Non-confirmed Moods in Volga-Finnic. 1996 4
В. Кудрявцев. Марийская тема в творчестве финского художника Агатона Рейнхольма. 1995 1
Р. Кудрявцева. «Окавий» С. Чавайна (к проблеме взаимодействия фольклорно-мифологического и литературно-художественного в структуре эпических жанров в марийской литературе 20-х гг.). 1994 1
М. Кузнецова. К вопросу о происхождении отдельных названий домашних животных в марийском языке. 1994 1
С. Кузьминых, В. Напольских. Рец.: Патрушев В. С. Финно-угры России.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с. 1994 1
С. Кузьминых. Рец.: В. В. Никитин, Б. С. Соловьев. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и раннего металла.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. Вып. 1. 244 с.; Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл: Ранний железный век и средневековье.— Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. 152 с. 1994 2
С. Кузьминых. Рец.: Никитин В. В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции.— Йошкар-Ола, 1996. Т. IV. 179 с. 1996 4
А. Куклин. Рец.: Современные мордовские языки. Фонетика. (Сост. и общая ред.: Л. В. Бондарко, О. Е. Полякова). Саранск, 1992. 1994 1
А. Куклин. Региональная научная конференция «Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность». 1995 2

А. Куклин. Типичные недостатки в применении методов исследований при изучении лингвокраеведческого материала. 1995 3—4
А. Куклин. Фитофорные ойконимы Марий Эл и Республики Коми. 1996 3
А. Куклин. Топонимия в трудах В. М. Васильева. 1996 4
К. Куликов. Политические взгляды Кузебая Герда. 1995 2
К. Куликов, Н. Мокшин. Вклад М. Т. Маркелова в изучение финно-угорских народов. 1995 2
О. Курс. Основы языкового планирования (на примере эстонского языка). 1996 2
О. Курс. Рец.: Kulu, Hill. Eestlased maailmas: ülevaade arvukusest ja paiknemisest.— Кулу Хилл. Эстонцы в мире: обзор о численности и расселении.— Тарту: Тартуский университет, 1992, 155 с. 1996 2
А. Кюннап. Академик Пауль Аристе (к 90-летию со дня рождения). 1995 1
С. Лаллукка. Наследие академика Шёгрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов 1995 1
В. Латышева. Сходство и различие жанров драматургии финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. 1996 4
Т. Лейсио. Самосознание и национальное выживание (на примере «лесных» финнов). 1994 2
А. Леонтьев. О времени появления мери на берегах озер Неро и Плещеево. 1995 1
М. Лапина. Традиционная хантыйская этика. 1996 1
И. Лехтинен, Т. Молотова. Марийские коллекции в фондах Национального музея Финляндии. 1994 1
П. Лимеров. Куття-войса — святочные духи коми. 1995 3—4
Л. Макаров. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья. 1996 2
В. Малова. Лексические синонимы в горномарийском языке. 1996 4
М. Мамаева. Традиции многоголосия в марийской инструментальной музыке. 1995 2
Т. Мишшяхметова. Малефиций в традиционных обрядах закамских удмуртов. 1996 1
В. Могильников. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. 1994 1
Н. Мокшин. Этноконфессиональная ситуация у мордвы на современном этапе. 1995 1
Н. Мокшин. Рец.: Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие...— М., 1992, 198 с. 1996 2

Т. Молданова. Фольклор, сновидения, адаптация современных хантов. 1996 4
Т. Молотова. Рец.: I. Lehtinen. Tscheremissichen Schmuck Ethographische Untersuchung.— Helsinki, 1994 1994 2
Т. Молотова. Рец.: Удмурты: историко-этнографические очерки. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.— Ижевск, 1993. 392 с. 1996 3
Н. Морохин. О растительном культе мари Нижегородской области. 1994 2
М. Мосин. Профессор Д. В. Цыганкин и мордовское языкознание (к 70-летию со дня рождения). 1995 3—4
Л. Наговицын. Рец.: Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья.— Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 239 с. 1996 1
В. Напольских. Рец.: Муллонен И. Очерки вепсской топонимии.— Санкт-Петербург, «Наука», 1994. 156 с. 1995 2
В. Напольских. Симченко Юрий Борисович (1935—1995). 1995 2
В. Напольских. О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке. 1995 3—4
В. Никитин. Мифы, застывшие в археологических древностях (к вопросу о космогонистических представлениях охотников лесной полосы Евразии). 1995 2
Т. Никитина. К вопросу об истоках марийского этноса. 1996 2
Т. Никитина. Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов. 1995 1
С. Николаев. «Религиозные верования мордвы». У. Харва-Холмберга как источник изучения семейно-родственных отношений у мордвы XIX— начала XX вв. 1994 2
И. Нуриева. Этномузыкальные параллели в системе народного календаря финно-угров и крещеных татар (крящен). 1996 1
А. Першиц. О новой книге Н. Ф. Мокшина 1995 2
И. Петербургский. 50 лет Виктору Ивановичу Вихляеву. 1996 4
А. Петерсон. О проблемах исследования материальной культуры вепсов в сравнении с другими финно-угорскими народами. 1996 1
И. Плосков. Материалы по духовной культуре южных коми (из Вятского архива). 1996 1
И. Плосков. Лесные персонажи йома (ема) и яга в коми фольклоре. 1996 3
О. Поляков. О формировании, современном состоянии и перспективах развития мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. 1994 1

О. Поляков. Язык, проблемы, нормы, перспективы (Республиканская научно-практическая конференция по мордовским языкам). 1994 2
Я. Пустаи. Лингвистическая модель определения прародины уральских народов. 1994 1
А. Рикш. Остеонимическая лексика в пермских языках (диахронический анализ). 1996 1
Решение Первой Всероссийской научной конференции финно-угроведов. 1995 1
В. Рогачев. Аксель Хейкель — исследователь мордовской культуры (к 145-летию со дня рождения). 1996 4
Ю. Рочев, И. Плосков. Каллистрат Жаков — коми фольклорист и литератор. 1996 1
В. Рыбалка. Хроника основных событий марийско-венгерского сотрудничества в 1971—1995 гг. 1996 1
В. Рыбалка. Марийско-венгерское сотрудничество в 1971—1996 гг. 1996 1
Е. Рябинин. Некоторые итоги изучения финно-угорских племен Северо-Западной Руси (летописные водь и ижора). 1995 1
И. Садовин. Хроника научной и культурной жизни финно-угорского мира (1989—1993 гг.) 1994 1
И. Садовин. Финно-угорская хроника за 1994 г. 1995 1
И. Садовин. Финно-угорская хроника за 1995 год. 1996 1
М. Сало. Преподавание и исследование финно-угристики (главным образом отдаленно-родственных языков) в Финляндии. 1996 1
К. Сапуков. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты. 1994 1
К. Сапуков. Идентитет и национальная историография. 1994 2
К. Сапуков. Проблемы изучения этнической истории финно-угров России. 1995 1
К. Сапуков. Ливы: проблемы культурно-языкового выживания. 1995 2
К. Сапуков. Восьмой Международный конгресс финно-угроведов. 1995 3—4
К. Сапуков. Национальные движения и этническое самосознание финно-угорских народов России. 1996 1
К. Сапуков. Рец.: В. И. Рыбалка. Побратимы. Марийско-венгерское сотрудничество в 1971—1995 гг.— Йошкар-Ола,1996. 128 с. 1996 2
К. Сапуков. «Финно-угорские федералисты» и «финские шпионы» (из истории Марий Эл 30-х гг.). 1996 3

К. Сануков, В. Яналов. Второй Всемирный конгресс финно-угорских народов. Резолюция II всемирного конгресса финно-угорских народов. 1996 3

Е. Смолина. Николай Федорович Мокшин (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научно-педагогической деятельности). 1996 3

Список научных трудов К. Н. Санукова по финно-угроведению (к 60-летию со дня рождения) 1995 1

О. Сергеев. О рукописных грамматиках 2-й половины XIX в. А. Канцеровского и А. Смирнова. 1994 1

П. Старостин, Р. Габяшев, Е. Казаков. Памяти А. Х. Халикова. 1994 1

Т. Тепляшина. К 90-летию ученого. 1996 1

Г. Тужаров. К проблеме грамматических категорий имени существительного в марийском языке 1995 1

А. Уваров. Роль переводных религиозных книг в зарождении удмуртской литературы. 1994 1

М. Федорова. Констратные факты в Восточной Европе. 1995 3—4

А. Харитонова. Морфонологические процессы при образовании множественного числа в диалектных кустах, сохранивших прамордовский согласный н^{г}. 1996 4

Г. Харючи. Составление карт священных мест — одна из задач сохранения памятников духовной культуры ненцев. 1996 1

Д. Цыганкин, М. Мосин. Академик Пауль Аристе и мордовское языкознание. 1995 3—4

Е. Цыпанов. Потенции коми литературного языка и языковая политика. 1996 2

С. Червонная. Выражение этнического самосознания марийского народа в современном изобразительном искусстве. 1996 1

Е. Черных. Некоторые итоги изучения древнепермского жилища (по материалам поселений I тыс. до н. э.— первой половины II тыс. н. э.). 1995 3—4

Ю. Шабаев. Этноязыковые процессы у коми-пермяков. 1994 2

Ю. Шабаев, Н. Шабаева. Баня в верованиях и представлениях русских, коми и удмуртов. 1995 2

Ю. Шабаев. Этническое самосознание коми-пермяков и статус национального языка. 1996 1

А. Шаховской. Бесермянский крезь как форма обрядового поведения. 1995 2

Н. Шутова. Роль женщины в древнеудмуртском обществе: к постановке проблемы. 1995 2

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРСЛАНОВ ЛЕОНИД ШАЙСУЛТАНОВИЧ — доктор филологических наук, профессор Елабужского пединститута, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан.

ДАНИЛОВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

МОЛДАНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат исторических наук, руководитель окружного фольклорного фонда (г. Ханты-Мансийск).

ЗЕНКИН АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — кандидат исторических наук, директор Марийского НИИ языка, литературы, истории им. В. М. Васильева.

НИКИТИН ВАЛЕРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Марийского НИИ языка, литературы, истории им. В. М. Васильева.

РОГАЧЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ — старший преподаватель кафедры мировой и национальной культуры Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева.

КОРНИШИНА ГАЛИНА АЛЬБЕРТОВНА — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой и национальной культуры Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева.

ЗАЙЦЕВА НИНА ГРИГОРЬЕВНА — кандидат филологических наук, редактор газеты «Кодима» (на вепсском языке), г. Петрозаводск.

ТАМОЦУ КОЙЗУМИ — профессор Кансайского университета (г. Осака, Япония).

ГЛУХОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского и финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

АВТАЙКИН ИВАН ЕГОРОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

АЙПЛАТОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ — кандидат исторических наук, профессор Марийского государственного университета.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИВАН МИТРОФАНОВИЧ — кандидат исторических наук, заместитель директора Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики.

КУЗЬМИНЫХ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

CONTENTS

ARTICLES

L. Arslanov. Toponymy of Finno-Ugro-Samoyedic origin in West Zakamje region of the Republic Tatarstan 3
V. Latysheva. Similarity and difference of the drama genre of Finno-Ugric peoples in Povolzhje and Priuralje 21
O. Danilov. Evolution and steadiness of early ethnic systems /on the example of Mari and Meri/ 31
T. Moldanova. Folk-lore, dreams, adoption of present Khanti 46

REPORTS

A. Zenkin, V. Nikitin. The Mari archaeological expedition is 40 years old /1956-1995/ 55
V. Rogachev. Aksel Heikel is the investigator of the Mordvinian culture /to the 145 th anniversary/ 64
G. Kornishina. Woman's ritual functions in Mordvinian community /the end of the XIX th — the beginning of the XX th century/ 72
N. Zajtseva. The problems of cultural and linguistic revival of the Veps nationality 78
A. Kharitonova. Morphological processes of building the plural number in dialect groups reserved the parent Mordvinian consonant 84
T. Koizumi. On the Development of Non-confirmed Moods in Volga-Finnic 90
A. Kuklin. Toponymy in V. M. Vasiljev's works 97
N. Glukhova. Investigation of the complicated rhythm of Mari incantations 102
V. Malova. Lexical synonyms in Highland-Mari 109

PUBLICATIONS

Jurjo Wiemann's letters to mother 114

PERSONS

I.Avtajkin. Viktor Andrejevich Balashov is 60 124
G. Ajplatov, V. Nikitin. Peter Nikolajevich Starostin is 60 130
I. Peterburgsky. Viktor Ivanovich Vikhlajev is 50. 134

REVIEW AND RECENSIONS

V. Volkov. Rev: L. A. Gildi. Fusillades, exiles, torments. St.Petersburg, 1996. 312 p. 136
S. Kuzminykh. Rev: V. V. Nikitin. The Stone Age of Mariland //Works of the Mari archaeological expedition. Joshkar-Ola, 1996. P.IV.179 p. 139

CHRONICLE

A. Zenkin, V. Nikitin. Field seminar devoted to the 40 th anniversary of the Mari archaeological expedition 147
Directory of the materials published in the magazine "Finno-Ugrovedenie" 1994-1996 151
Information about authors 159

«Финно-угроведение», 1996, № 4
Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, д. 44.
Телефон: 55-37-34

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Ж. М. Сабанцевой*

Журнал набран и сверстан
издательским центром МПИК

Сдано в набор 25.12.96. Подписано в печать 28.02.97. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10. ИЦ. 101. Заказ 526. Тираж 500 экз.

Марийский полиграфическо-издательский комбинат
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская. 112

Издание журнала финансируется Министерством науки и технической политики Российской Федерации, Правительством Республики Марий Эл, Комитетом по делам национальностей Правительства Удмуртской республики